

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ПИТИРИМ СОРОКИН:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА
2012

ББК 60.5
П 35

Серия
«Теория и история социологии»

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел социологии и социальной психологии

П 35 **Питирим Сорокин: Новые материалы к науч-
ной биографии:** Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр
социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и
социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В., Кро-
тов П.П. – М., 2012. – 12 л. – 232 с. (Сер.: Теория и
история социологии).
ISBN 978-5-248-00612-0

В сборник включены перевод глав книги П.А. Сорокина
«Общество, культура и личность», его переписка с Р.К. Мертоном.
В статьях и рефератах рассматриваются проблемы научного
творчества и малоизвестные факты биографии выдающегося
социолога.

Для социологов и философов, преподавателей вузов,
аспирантов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00612-0

© ИНИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Ефременко Питирим Сорокин в ХХІ веке. Предисловие	5
П.А. Сорокин Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии. (Главы из книги).....	12
Глава 3. Родовая структура социокультурных явлений	12
Глава 7. Роли сходства и несходства в социальной солидарности и антагонизме.....	22
Глава 20. Структура социокультурного пространства	47
Глава 21. Как рождаются и организуются группы	57

ПЕРЕПИСКА П.А. СОРОКИНА И Р.К. МЕРТОНА

А.Ю. Долгов. Питирим Сорокин и Роберт Мертон: Взаимоотношения в науке и в жизни	82
Переписка П.А. Сорокина и Р.К. Мертона	86

«ПОДРЫВНОЙ ЭЛЕМЕНТ»: СОЦИОЛОГ В ФОКУСЕ СПЕЦСЛУЖБ

Материалы допроса П.А. Сорокина сотрудниками Федерального бюро расследований США (25 мая 1954 г., Бостон, Массачусетс).....	136
П.А. Сорокин и А.С. Фомин (Феклисов)	155

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА П.А. СОРОКИНА

Статьи

К.П. Лазебная. Теория символического в ранних работах П.А. Сорокина и российская социология начала XX в.	157
В.А. Ковалев. Русская «смута» как предмет социологии революции П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем?.....	168
П.П. Кротов, А.Ю. Долгов. Теоретическое осмысление войны и кризиса в научном творчестве П.А. Сорокина.....	193

Реферат

Джеффрис В. Научная система публичной социологии: На примере социальной мысли Питирима Сорокина.....	226
Сведения об авторах	232

Д.В. Ефременко
ПИТИРИМ СОРОКИН В ХХІ ВЕКЕ¹
Предисловие

Прошла почти четверть столетия с тех пор, как имя Питири-ма Александровича Сорокина перестало быть жупелом в старо-давшей идеологической полемике, а его работы постепенно начали возвращаться в российский интеллектуальный оборот. Это стало возможным благодаря переизданию основных трудов Сорокина на русском языке, менее многочисленным переводам книг американ-ского периода творчества великого социолога, публикации архив-ных материалов. Подводить какие-либо итоги, разумеется, рано, но все же уместно поставить несколько связанных друг с другом вопросов: насколько полным является представление о научном наследии Сорокина в современной России? Не запоздало ли воз-вращение сорокинских идей на Родину? Чем сегодня важен нам Питирим Сорокин?

Ответить на первый вопрос несложно. Несмотря на актив-ные, хотя и недостаточно скоординированные публикаторские усилия, существенная часть социологического наследия Питири-ма Сорокина остается малоизвестной. В этом нет ничего удивитель-ного, поскольку Сорокин входит в число мыслителей, чье творче-ство имело поистине энциклопедический охват. За время своей научной деятельности Сорокин опубликовал 37 книг и более 400 статей. До сих пор не изданы на русском языке несколько

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты», под-держанного Российским фондом фундаментальных исследований (проект 11-06-00 347 а).

принципиальных работ американского периода, в частности, выдержавшая два издания при жизни Сорокина книга «Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии». Настоящий сборник открывается переводом четырех глав данной книги, которые, по мнению составителей, входят в число наиболее ярких разделов этого объемного труда.

Вопросы о своевременности возвращения трудов Сорокина в Россию и их актуальности в контексте современных социальных и политических процессов являются более сложными. Если говорить о непосредственном влиянии трудов Сорокина на развитие социологической науки в постсоветской России, то, очевидно, следует признать запоздалость их возвращения. Здесь стоит вспомнить ситуацию, характерную для отечественной социологии рубежа 80–90-х годов прошлого века. Как отмечает Н.Е. Покровский, «немногочисленные тогда профессиональные социологи, прошедшие закалку советскими временами, и более широкие круги обществоведов надеялись на то, что объективно возникающая потребность в социологии решительно и необратимо объединит российское социологическое “поле” с международным и сделает российских социологов ... частью мирового академического сообщества»¹. Эти надежды в целом не оправдались и по сей день, но все же следует признать, что развитие современной российской социологии проходило под знаком «освоения» новых концептуальных подходов, а также отечественной дореволюционной и западной социологических традиций. И получилось так, что восприятие наследия Питирима Сорокина оказалось фрагментарным. С одной стороны, ранние сорокинские труды, написанные и опубликованные на русском языке, воспринимались «антикваристски», как ценное наследие, относящееся к предреволюционному периоду русской социальной мысли, получившему вынужденное продолжение в эмиграции. С другой стороны, рецепция ряда подходов современной западной социологии означала скрытое восприятие «совсем другого» Сорокина – ведущего социолога середины XX столетия, который оказал существенное воздействие на формирование этих подходов.

Подобное восприятие постепенно преодолевается усилиями историков социологии и биографов, которых вполне уверенно

¹ Покровский Н.Е. Социология здесь и сейчас: Предисловие // Социологический ежегодник, 2009: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ; Ред. и сост. Покровский Н.Е., Ефременко Д.В. – М., 2009. – С. 9.

можно назвать «сорокиноведами». Но здесь возникает другая трудность, связанная с общей ситуацией в современных социальных науках, которую Ж.-Ф. Лиотар описал как «конец больших нарративов»¹. А социологическая теория Питирима Сорокина, несомненно, относится к числу «больших нарративов». Характерно, что и в названии важнейших трудов Сорокина американского периода присутствует слово «система».

Пока не ясно, является ли «конец больших нарративов» окончательным диагнозом или же это всего лишь *Zeitdiagnose*, диагноз нашего времени. Можно лишь предполагать, что сегодня мы имеем дело не с «полным и окончательным» постмодерном, а скорее, со всемирно-историческим переходом, с тем, что З. Бауман вслед за А. Грамши называет «междущарствием»². Нынешнее «междущарствие модерна» характеризуется одновременными и глубокими изменениями социального, политического и юридического порядка, свидетельствующими о завершении эпохи гегемонии западной цивилизации, предсказанном Питиримом Сорокиным еще в середине прошлого столетия. Но едва ли удивительно, что в эпоху цивилизационной трансформации претендующие на универсальность теории, подобные интегрализму Питирима Сорокина, оказываются недостаточно востребованными в качестве системы социального знания.

Вместе с тем с полным основанием можно предполагать, что целый ряд идей, получивших разработку в рамках интегралистского подхода, не только привлекут внимание современников, но, вполне возможно, получат новое прочтение. В их числе окажутся и те темы творчества Сорокина, которые отражены в настоящем сборнике: война, кризис, революция, альтруизм и социальная солидарность.

Хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу последней из перечисленных тем. Исследование проблематики социальной солидарности в России имеет более чем полуторавековую традицию, восходящую к дебатам между славянофилами и западниками³. В трактовке славянофилов солидарность получила рели-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 5.

² Bauman Z. Communism: A postmortem? Two decades on, another anniversary // *Thesis Eleven*. – L., 2010. – Vol. 100, N 1. – P. 137.

³ См.: Efremenko D.V., Evseeva Y.V. Slavophiles and Westernizers on sobornost, altruism and solidarity (middle 19th – early 20th century) // *Newsletter of the Al-*

гиозно-мистическое и историософское прочтение как *соборность*. Однако Питирим Сорокин принял эстафету изучения солидарности с позиций профессиональной социологии – молодой науки, которая в то время была ориентирована на позитивизм О. Конта и его продолжателей либо на учение К. Маркса. В дальнейшем именно Сорокину выпала миссия «наведения мостов» между основными интерпретациями солидарности в российском общественном сознании конца XIX – начала XX в. и западной социологией середины XX столетия. В рамках сорокинского интегрализма солидарность предстает как позитивный модус взаимоотношений индивидов, предполагающий созвучность установок и поведения взаимодействующих участников, когда они взаимно помогают друг другу в достижении своих целей. По сути дела речь идет об интенсивных взаимодействиях семейного типа, которые, однако, могут обнаруживать себя в самых разных социальных группах¹.

Такое понимание солидарности, как справедливо отмечает В. Джеффрис, довольно проблематично, поскольку одни солидарные группы могут быть антагонистически настроенными в отношении других групп². Например, отношения внутри враждующих семейств Монтекки и Капулетти характеризовались чрезвычайно высоким уровнем солидарности. Стремясь разрешить это противоречие, Сорокин осуществляет сближение с этической позицией традиционных религий, рассматривая солидарность как межличностное взаимодействие, преследующее цели, не противоречащие благу человека и общества. Соответственно, подлинно солидарным не может признаваться взаимодействие, предполагающее нанесение ущерба или причинение несправедливости третьей стороне. Антитезой солидарности в этом случае становятся «антагонистическое взаимодействие» и «принудительные социальные связи». Социологический анализ причин солидарности и антагонизма, будучи спроецирован на макроуровень социальных взаимодействий, может, согласно Сорокину, внести существенный

truism, morality & social solidarity section-in-formation of the American sociological association. – Akron (OH), 2010. – Vol. 2, N 2. – P. 1, 34–37.

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1937. – Vol. 3. – P. 81–121.

² Джеффрис В. Одиннадцать тезисов об интегрализме // Социологический ежегодник, 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ; Гл. ред. Покровский Н.Е.; ред.-сост. Ефременко Д.В.. – М., 2009. – С. 299.

вклад в устранение войн, преодоление преступности, различных форм угнетения и неравенства¹.

В турбулентном мире начала XXI в. сорокинские идеи относительно трансляции принципов солидарных отношений на уровень наций и государств могут казаться утопией. Но сама ситуация эрозии или, по крайней мере, текучести традиционных социальных институтов, опустошающего триумфа индивидуализма и экспансии виртуальных аналогов межличностного взаимодействия вновь заставляет обратиться к солидарности как одному из коренных понятий наук об обществе. Идет ли речь о болезненном процессе консолидации российского общества в посткоммунистическую эпоху, о выживании в условиях кризиса и катастроф, о самой возможности сохранения социальной общности как единства, понятие солидарности оказывается одним из ключевых. Анализ солидарности в трудах Питирима Сорокина не дает универсальных ответов на все злободневные вопросы, связанные с механизмами социальной интеграции в современных условиях, но указывает некоторые перспективные направления научного поиска.

* * *

Представленные вниманию читателей материалы отражают результаты работы Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН в 2009–2011 гг. Эта работа не была специально сфокусирована на личности и трудах Питирима Сорокина, но постепенно стало ясно, что подготовленные переводы, рефераты, публикации архивных документов позволяют дополнить научную биографию великого социолога несколькими важными штрихами. Одновременно возникла необходимость представить достижения сорокиноведов из российских регионов и зарубежных стран. Так родилась идея этого сборника, подготовка которого осуществлена в сотрудничестве с исполнительным директором Фонда Питирима Сорокина (г. Винчестер, США) Павлом Петровичем Кротовым.

Среди включенных в сборник текстов особо хотелось бы выделить самую полную подборку материалов длившейся на протяжении десятилетий переписки между Питиримом Сорокиным и Робертом Мертоном. Сорокин и Мертон – две знаковые фигуры в истории социологии – символизируют плодотворность диалога и

¹ Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology. – N.Y.: Harper & bros, 1947. – P. 119.

взаимообогащения русской и американской традиций социологической мысли. В подборке объединены письма, хранящиеся в собрании Саскачеванского университета (Канада) и опубликованные в 2009 г. в переводе П.П. Кротова¹, а также письма, которые Роберт Мертон незадолго до смерти передал Н.Е. Покровскому (перевод выполнен В.Г. Николаевым). Как представляется, воссоединение прежде разрозненных материалов переписки Питирима Сорокина и Роберта Мертона позволяет не только с максимальной полнотой реконструировать историю личных взаимоотношений этих выдающихся мыслителей, но и расширяет представления о тех этапах развития мировой социологии, ключевыми фигурами которых были Сорокин и Мертон.

В третьем разделе сборника публикуются документы, связанные с интересом к личности и деятельности Питирима Сорокина служб безопасности двух сверхдержав. В апреле 1954 г. Сорокин был допрошен сотрудниками ФБР в рамках развернутой в то время кампании по расследованию антиамериканской деятельности. Организованная с подачи сенатора Дж. Маккарти «охота за ведьмами» затронула многих представителей американской интеллектуальной элиты. В фокусе внимания спецслужб оказались и ведущие социологи того времени – П. Сорокин, Т. Парсонс, Э. Берджесс, Г. Блумер, У. Огберн и др. Сравнительно недавно была опубликована книга М.Ф. Кина, в которой рассказывается о наблюдении за этими социологами со стороны ведомства Э. Гувера². Несомненно, что такого рода материалы способствуют выработке более реалистичного представления о взаимоотношениях между интеллектуалами и институтами государства. С другой стороны, сама специфика этих источников позволяет увидеть жизненный путь того или иного мыслителя в довольно неожиданном ракурсе.

Отчет о допросе социолога сотрудниками ФБР также приведен в двухтомной документальной биографии Питирима Сорокина, написанной архангельским историком Ю.В. Дойковым. В этой биографии, размещенной на сайте автора³, можно найти немало документов, свидетельствующих об интересе к Питириму Сороки-

¹ Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под. ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009.

² Keen M.F. Stalking the sociological imagination: J. Edgar Hoover's FBI surveillance of American sociology. – Westport (CT): Greenwood press, 1999.

³ <http://www.doykov.1mcg.ru>

ну со стороны спецслужб советского государства. В настоящий сборник включен фрагмент, рассказывающий о контактах между Питиримом Сорокиным и резидентом КГБ в Вашингтоне Александром Фоминым (Феклисовым). Составители выражают признательность Ю.В. Дойкову за разрешение на публикацию этих материалов.

В заключительном разделе сборника публикуется реферат статьи В. Джеффриса, в которой популярная в наши дни концепция публичной социологии Майкла Буравого соотносится с идеями Питирима Сорокина. Профессор Джеффрис является одним из ведущих американских специалистов по изучению научного наследия Сорокина. Во многом благодаря усилиям профессора Джеффриса в 2011 г. в структуре Американской социологической ассоциации была сформирована секция по исследованию альтруизма, морали и социальной солидарности. В реферируемой статье автор показывает, что интегралистская социологическая теория Сорокина служит едва ли не идеальной иллюстрацией идей М. Буравого. По убеждению Джеффриса, именно Питирима Сорокина можно считать первым публичным социологом. Не ставя под сомнение эту оценку, можно лишь добавить, что Питирим Сорокин был убежденным продолжателем той традиции русской мысли, которая рассматривает служение общественному благу как важнейшую миссию ученого.

П.А. Сорокин
ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ:
ИХ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА.
СИСТЕМА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
(Главы из книги)¹

ГЛАВА 3.
РОДОВАЯ СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

I. Осмысленное человеческое взаимодействие
как родовое социальное явление

Изучение структурного аспекта социокультурных явлений начинается с анализа родовых свойств, общих для всех социокультурных явлений – прошлых, настоящих и будущих.

Под «родовым социокультурным явлением» подразумевается вовсе не «простейший элемент». Подражая скверно понятым естественным наукам, социологи все еще ищут в социальных явлениях «простейший элемент», аналогичный атому физиков или клетке биологов. Некоторые, как поборники организмической, механистической и психологической школ в социологии, находят этот «элемент» в индивиде. Другие, как Гиддингс, определяют его как «социус», или «товарищество». Третьи, такие, как Морено и Знанецкий, считают им «роль», выполняемую индивидом. Многие отождествляют его с «социальным отношением». Большая группа социологов, понимая, что обособленный индивид не может кон-

¹ Перевод с английского выполнен В.Г. Николаевым по изданию: Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. – N.Y.: Harper & bros, 1947. – P. 39–42, 63–66, 132–144, 359–364, 367–379.

ституировать социальное явление, ищет простейшую единицу в «самом элементарном обществе», подразумевая под ним семью, как это делают Ле Пле и его школа, или недифференцированное и слабо интегрированное «простейшее общество», как это делают Спенсер и Дюркгейм¹.

Этот поиск простейшего социального элемента основан по большей части на недоразумении. 1) Физика и общая биология начинают изучение структурных свойств соответственно с атома и клетки как общих элементов физических и биологических структур вовсе не потому, что они простейшие единицы. Каждый физик или биолог прекрасно создает, насколько сложны структуры атомов и клеток. Опять же эти дисциплины начинают исследовать структурные свойства своих областей не с того или иного конкретного атома или клетки, а с атома и клетки в их родовой форме, общей для всех атомов и клеток. 2) Индивид и даже миллион обособленных индивидов не образуют социального явления, не говоря уже о его простейшей единице. Индивид являет собою всего лишь физический, биологический или психологический феномен; следовательно, он может стать объектом изучения для физика, биолога или психолога, но не для социолога. Не может быть такой единицей и «роль» индивида. Без целостной драмы не может быть никакой роли; ведь роль возможна только в контексте всех ролей этой драмы. Чем бы ни был обособленный индивид, ни одно из его действий не образует ни социального явления, ни простейшего его элемента. Роль может стать социальной ролью только при наличии социальной матрицы. Только в таком обрамлении роль может стать элементом социального явления, подобно тому, как хромосома является составной частью клетки, а электрон – атома; однако ни роль, ни хромосома, ни электрон не образуют простейшей

¹ Об элементе в организмической, механистической, психологической школах и школе Ле Пле см. в моей книге: Sorokin P.A. Contemporary sociological theories: Through the first quarter of the twentieth century. – N.Y.: Harper & bros., 1928. – Ch. 1–2, 4. О других элементах см.: Giddings F.H. Inductive sociology. – N.Y.: MacMillan, 1901. – P. 10 ff; Moreno L.J. Sociometry and cultural order // Sociometry. – L., 1943. – Vol. 6, N 3. – P. 304 ff; Znaniecki F. The social role of the man of knowledge. – N.Y.: Columbia univ. press, 1940. – P. 13 ff; Spencer H. Principles of sociology. – L.: Williams & Norgate, 1885. – Vol. 1. – Ch. 10 (классификации обществ на «простые», «сложные», «двойной степени сложности» и т.д.); Durkheim E. The rules of sociological method. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – Ch. 4; Malinowski B. A scientific theory of culture. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1944. – P. 39 ff.

единицы социальной, биологической или физической структуры. В свою очередь, индивид, взятый как *socius*, или личность, есть одно из самых сложных социальных явлений. Говорить, что *socius* является конечным, не разложимым далее элементом, – это, как правильно подмечает Э.К. Хейс, все равно что назвать букет цветов простейшим и конечным элементом растительных структур¹.

Не является простейшим или родовым социальным явлением и семья: с количественной стороны она не является наименьшей социальной единицей, а с качественной – имеет весьма сложную структуру. Вдобавок к тому, семья имеет много особенных характеристик, не находимых в других социальных группах. По этой причине семья не может служить простейшей формой, или родовой моделью, социальной структуры. То же самое можно сказать о примитивных обществах – «простых обществах», постулируемых Спенсером и Дюркгеймом, – а также об «институте» как единице у Малиновского. Они не являются ни наименьшими, ни простейшими единицами социальных структур. Внутренняя организация примитивного клана или племени очень сложна; она, например, гораздо тоньше структуры большинства современных «ассоциаций», таких как литературные, научные и иные специализированные группы. Точно так же и примитивные верования, мифология, литература, музыка и т.д. зачастую оказываются гораздо сложнее, чем у непримитивных народов. Короче говоря, так называемые примитивные общества и культуры не могут считаться простейшими единицами, чем-то наподобие социальных атомов или клеток, т.е. родовыми социальными явлениями. Еще менее могут быть признаны таковыми «институты» Малиновского. Как мы увидим в главе 4, институт как организованная группа не является ни родовой, ни простейшей социальной единицей; это особая форма родового социального явления, часто очень сложная по строению. И, наконец, общая социология – это не теория простейшего социального явления, а теория родовых свойств, связей и единообразий социокультурных явлений².

¹ См.: Hayes E.C. The classification of social phenomena // American j. of sociology. – Chicago, 1911. – Vol. 17, N 1. – P. 109–110.

² См.: Sorokin P.A. Remarques on sociometry and Dodd's and Bain's papers // Sociometry. – L., 1943. – Vol. 6, N 3. – P. 241–242. См. также критику концепции простого общества Спенсера и Дюркгейма и их морфологической классификации социальных структур в главе 9 этой книги.

Наиболее общей моделью любого социокультурного явления служит осмысленное взаимодействие двух или более человеческих индивидов. Под «взаимодействием» понимается любое событие, посредством которого один участник оказывает осязаемое влияние на внешние действия или состояние сознания другого. Без такого одностороннего или взаимного влияния никакое социокультурное явление невозможно. Миллион полностью обособленных людей не представляет собой социального явления или общества, поскольку они не влияют друг на друга. Под «значением» (meaning) понимается «все, что для некоторого разума выступает знаком чего-то другого. Суть значения состоит в том, что *A* означает *B*, если *A* выступает в качестве представителя *B*, стоит вместо *B* или вызывает его в сознании»¹. Осмысленное (meaningful) взаимодействие – это любое взаимодействие, в котором влияние, оказываемое одним участником на другого, имеет значение, или смысл (value), накладывающийся на чисто физические и биологические свойства соответствующих действий. Если взаимодействие не является осмысленным в этом аспекте, оно не социокультурный феномен, а чисто физическое или биологическое явление – т.е. объект, который должен изучаться физикой и биологией, а не социологией или социальными науками. Если некто убивает из ружья другого человека, физико-химические свойства ружья, траектория полета пули, сила, с которой пуля поразила жертву, биологические аспекты ранения или прошитых пульей органов, причина смерти и прочие подобные вещи являются подходящими темами исследования для специалистов в таких областях, как физика, химия и биология. Только когда такое взаимодействие приобретает значение – или смысл – «убийства», «героического деяния» по уничтожению врага на войне или же «действия в целях самозащиты», оно становится социокультурным, или сверхорганическим, явлением и попадает в поле внимания криминолога, социолога или социального ученого. Схожим образом, если взаимодействие состоит в половом сношении, в своих сугубо физических и биологических свойствах оно не образует социокультурного явления. Но когда мы имеем дело со случаем проституции, изнасилования или эпизодом брачных отношений – пусть даже биологически во всех этих случаях имеет место одно и то же, – взаимодействие приобретает смысл, или значение, накладываю-

¹ Lewis C.I. The modes of meaning // Philosophy a. phenomenological research. – Oxford, 1943. – Vol. 4, N 2. – P. 236.

щееся на биофизические факторы, и становится осмысленным взаимодействием. Акт погружения ножа в человеческое тело, взятый без какого-либо привнесенного в него значения, или смысла, не есть социокультурный феномен. Его биофизические свойства изучаются не социальными, а биофизическими науками. Только когда он рассматривается как акт «убийства», как «хирургическая операция», как «акт войны» или как «религиозное жертвоприношение богам», он становится социокультурным явлением, даже если при всех этих радикально различных социокультурных значениях биофизический аспект остается по существу тождественным.

Термин «осязаемое» включен в определение для указания на то, что подлинно социальным явлением может быть только осязаемое, наблюдаемое взаимодействие. Хотя теоретически, пожалуй, все в этом мире можно связать со всем и каждый индивид, пусть и в очень малой степени, влияет на все остальное человечество, в действительности есть осязаемые и неосязаемые влияния, невзирая на возможность того, что *tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde*. Как великолепно заметил Курно,

«Никто не стал бы всерьез утверждать, что, топнув ногой о землю, можно сбить с курса навигаторов в другом полушарии или поколебать систему спутников Юпитера; во всяком случае, возмущение при этом было бы столь бесконечно малым, что не проявило бы себя в заметных для нас следствиях, и, следовательно, мы могли бы с полным правом им пренебречь. Нет ничего невозможного в том, чтобы какое-то незначительное событие, происходящее в Китае или Японии, оказало некоторое влияние на то, что произойдет в Париже или Лондоне. Однако обычно можно с определенностью утверждать, что на то, как парижский буржуа планирует свой день, не оказывает влияние то, что происходит в изолированном китайском городе, в который никогда не ступала нога европейца. Это как два маленьких мира, в каждом из которых можно наблюдать цепочку причин и следствий, два мира, развивающихся одновременно, но без взаимосвязи и без оказания друг на друга какого-либо влияния»¹.

Следовательно, осязаемая, наблюдаемая или заметная степень влияния и обусловливания является необходимой характери-

¹ Cournot A. Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique. – P.: Hachette, 1851. – Vol. 1. Ср.: Чупров А.А. Очерки по теории статистики. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1909. – С. 99 и далее.

стикой социокультурных феноменов. Так, никакая номинальная или чисто статистическая группа не конституирует феномена взаимодействия, т.е. реальной социальной группы, социальной системы или общества. Например, в США всех мужчин можно было бы разделить на два класса: тех, кто носит коричневые туфли, и тех, кто носит черные туфли, – а затем, подсчитав общее число тех и других, свести цифры к процентам. Эти классы были бы чисто номинальными, или статистическими; ведь вряд ли найдутся какие-либо свидетельства того, что взаимодействия между мужчинами в черных туфлях или между мужчинами в коричневых туфлях будут более осязаемыми, или интенсивными, чем между членами этих двух противопоставленных групп. Это обобщение применимо и ко всем другим номинальным группам и классам.

Дав такое предварительное определение родового социокультурного явления, мы можем перейти к более подробному анализу его структуры.

II. Компоненты родового социокультурного явления

Каждый процесс осмысленного человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов, и каждый компонент, в свою очередь, образуется из множества элементов, определяющих его конкретную форму. Компоненты следующие: 1) мыслящие, действующие и реагирующие люди как субъекты взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, за счет которых индивиды взаимодействуют, осуществляя их и обмениваясь ими в ходе взаимодействия; 3) внешние действия и материальные явления как носители, или проводники, посредством которых нематериальные значения, ценности и нормы объективируются и социализируются¹. <...>

¹ Трехкомпонентную структуру социокультурных феноменов, которую я систематически представил в моей «Динамике», отмечало до и после ее публикации в менее ясной форме все большее число социальных ученых. К сожалению, многие из них так и не прояснили и не развернули систематически свои концепции. См., например: Thomas W.I. *Primitive behavior*. – N.Y.: McGraw-Hill, 1937. – P. 8 ff; Malinowski B. *A scientific theory of culture, and other essays*. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1944. – P. 36; Kluckhohn C., Hoebel E.A. *Covert culture and administrative problems* // *American anthropologist*. – Hoboken (NJ), 1943. – Vol. 45, N 2. – P. 216 ff; Mead M. *Competition and cooperation among primitive peoples*. – N.Y.: McGraw-Hill, 1937. – P. 458 ff. Имеются в виду материальные, кинестетические и психологические порядки культуры у Линтона; материальный, человеческий и духовный порядки у Малиновского; «внешняя и скрытая» куль-

III. Личность, общество и культура как неразрывное триединство

Если взглянуть на дело с несколько иной точки зрения, то в структуре социокультурного взаимодействия представлены три неотделимых друг от друга аспекта, а именно: 1) *личность* как субъект взаимодействия; 2) *общество* как тотальность взаимодействующих личностей в совокупности с их социокультурными связями и процессами; 3) *культура* как тотальность значений, ценностей и норм, которыми обладают взаимодействующие люди, а также совокупность носителей, объективирующих, социализирующих и передающих эти значения. В аудитории преподаватель и студенты являются *личностями*; совокупность этих личностей вместе с нормами их отношений образует *общество этой аудитории*; научные и иные идеи, которыми они обладают и обмениваются, а также книги, доска, мебель, лампы и сама комната представляют *культуру этого общества*. Ни один из членов этого неразделимого триединства (личность, общество и культура) не может существовать без двух других. Нет личности как *socius*'а, носителя, творца и пользователя значений, ценностей и норм без соответствующих культуры и общества; в их отсутствие может существовать всего лишь обособленный биологический организм. Точно так же нет свержорганического общества без взаимодействующих личностей и культуры, и нет никакой живой культуры без взаимодействующих личностей и общества. Следовательно, ни одно из этих явлений не может быть изучено должным образом без рассмотрения других членов этого триединства. Любая теория, подчеркивающая только один из них при изучении социокультурного мира или пытающаяся брать эти три аспекта в отрыве друг от друга, неадекватна. В педагогических целях их можно изучать отдельно; но когда анализ любого из элементов триединства завершается, он должен быть соотнесен с триадой, или матрицей, в которой он существует.

туры у Клакхона; человеческие агенты, точки зрения (значения, ценности) и паттерны их выражения у Томаса; индивиды, их взаимоотношения, вовлеченный во взаимодействие нечеловеческий материал у М. Мид и А. Рэдклифф-Брауна. Всё это менее определенные и неразвитые варианты теории, представленной в моей «Динамике».

IV. Критические замечания

Попытки ограничить предмет социологии социальным аспектом сверхорганических явлений и исключить из него факторы культуры или личности, как уже было сказано выше, ошибочны. Мы читаем, например, что «социология занимается прежде всего... социальным», что системы знания, религии, лингвистики, технологии и т.п. ее не интересуют¹. Такая теория в высшей степени неприемлема.

1. Без культурных, или сверхорганических ценностей человеческие взаимодействия были бы чисто биофизическими, а не социальными явлениями. Если довести это утверждение до логического конца, то категория социального сольется с биофизическими феноменами, и социология потеряет саму основу своего существования.

2. Если бы мы, рассматривая социальные взаимодействия, исключили из сферы внимания все культурные ценности, то осталось бы очень мало, что изучать, разве только различные физические структуры и движения, но они – предмет биологии или физики. Мы не могли бы тогда законно говорить о характеристиках процесса взаимодействия, которые предполагаются такими терминами, как «антагонистический» и «солидарный», «революционный», «религиозный», «этический» или «научный». Такое изучение определенно не могло бы дать никакого знания о реальной природе, связях и бесконечно изменчивых характеристиках осмысленных человеческих взаимодействий.

3. Без включения культурного элемента (значений, ценностей и норм) мы не могли бы изучить даже нормы, регулирующие взаимодействие индивидов и конституирующие, по мнению самих этих теоретиков, сущность всякого социального института или организации. «Правила поведения образуют некоторое число более или менее связанных и гармоничных систем, которым можно дать общее название “социальные институты”, и вся сумма институтов, находящихся в конкретной социальной группе, конституирует социальную организацию этой группы»; последняя находится

¹ Znaniecki F. The social role of the man of knowledge. – N.Y.: Columbia univ. press, 1940. – P. 3. См. также: von Wiese L. Sociology. – N.Y.: Piest, 1941. – P. 25 ff; Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – N.Y.: Knopf, 1927. – Vol. 1. – P. 35.

в центре социологического изучения¹. Эти нормы представляют собой либо правовые, либо моральные стандарты, заключенные в официальных правовых кодексах или в религиозных, моральных и иных системах. Право и этика являются в такой же мере частью культуры, в какой и религия, искусство, экономика и наука. Их нормы тесно и часто неразделимо связаны со всеми базовыми ценностями данной группы – религиозными, научными, философскими, эстетическими, экономическими, политическими и т.д. Поэтому институты и организации невозможно исследовать без изучения правовых и моральных норм. В этом случае не было бы места для специальной социологии религии, экономики или искусства, впрочем, как и для любой другой специальной социологии. Короче говоря, это положение вопиющим образом противоречит определению социологии и ее предмета, которое дают сами эти теоретики, и лишает социологию собственного предметного содержания.

4. Последствия ошибочного утверждения таких теоретиков настолько катастрофичны, что, к счастью, никто из них не пытался довести его до логического конца. Выдвигая это положение, они сразу же его нарушают, возвращая, так сказать, через «черный ход» те самые культурные системы, которые вначале отрицались. Л. фон Визе делает это в своей классификации первичных социальных процессов, таких, как отчуждение, конкуренция, приспособление, принятие, признание, развлечение, утешение и посвящение (все они являются культурными значениями, ценностями или нормами), а также в своих эксплицитных исследованиях религии, науки, этики и права, экономики и политики². У.А. Томас и Ф. Знанецкий делают то же самое, вводя в свою социологию «набор ценностей» (религиозные, нравственные, художественные, экономические и т.д.) как фундаментальную категорию и отправную точку, а также эксплицитно работая с наукой, знанием, магией, медициной, религией, экономикой, технологией и другими культурными ценностями. Социокультурный порядок неразделим; никто не может создать специальную науку из одного его аспекта, скажем, социального, игнорируя культурный и личностный аспекты. Такая система социологии была бы столь же абсурдной, как система ботаники, изучающей только правую сторону растения и

¹ Thomas W.I., Znaniecki F. Op. cit. – P. 33.

² См.: Wiese L. von. System der allgemeinen Soziologie. – München: Duncker & Humblot, 1933.

не обращающей внимания на левую, или зоологии, занимающейся только кожей организмов и оставляющей изучение всех внутренних органов и тканей какой-то другой научной области. Социология занимается в равной мере всеми тремя аспектами социокультурных феноменов, но со своей особой точки зрения – как генерализирующая наука, рассматривающая социокультурную систему в целом¹.

Столь же неудовлетворительны те теории, которые пытаются развести культурные и социальные аспекты социокультурных явлений на основании того, что «культура – это имя, даваемое абстрагированным взаимосвязанным обычаям социальной группы... Общество является, видимо, более широким термином, поскольку оно включает манифестацию культуры и импульса»². Каждая организованная группа с необходимостью обладает нормами права и морали. Правовые и моральные ценности – существенная часть культурных ценностей. Следовательно, любая организованная группа неизбежно обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни человек (разве что просто как биологический организм) не могут существовать без компонентов значений и их носителей, т.е. без культуры. А потому «общество» не может быть более широким термином, чем «культура», и они не могут быть строго отделены друг от друга. Единственно возможной дифференциацией является та, при которой термин «социальное» обозначает сосредоточение внимания на совокупности взаимодействующих людей и связей между ними, а термин «культурное» – сосредоточение внимания на значениях, ценностях и нормах и их материальных носителях (или материальной культуре)³.

¹ Cp.: Linton R. Culture, society, and the individual // J. of abnormal a. social psychology. – Amsterdam, 1938. – Vol. 33, N 4. – P. 425–436.

² Dollard J. Culture, society, impulse and socialization // American j. of sociology. – Chicago, 1939. – Vol. 45, N 1. – P. 50–63.

³ Другие примеры рассматриваемых здесь ошибок см. в главах 17 и 18. См. также: Kluckhohn C., Mowrer O. Culture and personality: A conceptual scheme // American anthropologist. – Hoboken (NJ), 1944. – Vol. 46, N 1. – P. 1–29.

V. Резюме

Структура социокультурного взаимодействия

I. Субъекты взаимодействия и их свойства А. Число взаимодействующих индивидов: два, три или больше; один и многие; многие и многие. Б. Качества взаимодействующих индивидов: гомогенные, гетерогенные. В. Характер действия: 1. Каталитическое. 2. Внешнее; терпение. 3. Эффективное; неэффективное. 4. Длительное; кратковременное. 5. Осознанное; неосознанное. 6. Целенаправленное; нецеленаправленное: фундаментальное, привычное, нормативное.	II. Значения, ценности и нормы Научные, философские, религиозные, моральные, этические, правовые, эстетические и т.д. IV. Личность, общество и культура как неразделимые аспекты социокультурного триединства	III. Носители, или проводники А. Определение. Б. Носители как проводники взаимодействия. В. Основные типы носителей: 1. Звуковые. 2. Световые и цветовые. 3. Пантомимические. 4. Температурные. 5. Механические. 6. Химические. 7. Электрические и радио. 8. Объектные проводники. Г. Цепь проводников (люди как связующие звенья). Д. Ретроактивное влияние проводников. 1. Общее ретроактивное влияние. 2. Фетишизация носителей.
---	--	---

ГЛАВА 7.

РОЛИ СХОДСТВА И НЕСХОДСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ И АНТАГОНИЗМЕ¹

I. Практическая значимость проблемы

Как и многие предыдущие поколения, мы вновь столкнулись с вопросом о той роли, которую играют сходство и несходство в

¹ Перевод данной главы выполнен в рамках проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (проект 11-06-00 347 а).

солидарных и антагонистических взаимоотношениях, в явлениях социальной сплоченности и разобщенности и в творчестве и творческом бесплодии людей и групп. В десятке важных социальных областей эта проблема подстерегает нас как не только теоретическая, но и насущная практическая проблема. Так, например, должен ли человек, чтобы жить в «счастлимом, прочном и долгом браке», подбирать партнера, схожего с ним по расе, телосложению, цвету кожи, весу, национальности, вероисповеданию, социально-экономическому статусу и т.д., или такой брак требует несхожего партнера? Если требуется схожий или несхожий, то какого рода сходства и различия особенно для этого важны? Если необходимо сочетание сходств и различий, то какого рода сочетание и каких именно сходств и различий будет наилучшим? Таким образом, эта проблема решительно вторгается в сферу семьи и брака и становится одной из первоочередных по практической важности для всех людей, находящихся в возрасте, подходящем для вступления в брак.

Не менее настоятельно она о себе заявляет практически во всех других областях социальной сплоченности и единства. Должны ли мы, чтобы иметь солидарную и единую социальную группу, стремиться к построению такой группы из членов, схожих друг с другом по расовым или социокультурным характеристикам, или желаемые единство и солидарность будут лучше достигаться с помощью расового и социокультурного разнообразия ее членов? Если желанная цель может быть лучше достигнута каким-то одним из этих путей, то какого рода сходства и несходства будут особенно важны для той или иной конкретной социальной группы?

«Проблема меньшинств» — одна из самых насущных проблем нашей эпохи. Любое решение ее в терминах «ассимиляции и амальгамации» будет предполагать веру в ту форму социального единства и солидарности, которая основана на сходствах. С другой стороны, решение ее в терминах сохранения и развития расового и социокультурного разнообразия предполагает веру в солидарность и единство, основанные на различиях. То же можно сказать и о культурной плодотворности людей и социальных групп. При прочих равных условиях, взрывается и расцветает ли творческий дух в основном в группах со схожим мышлением, идентичным «сознанием рода» и единообразной и стандартизированной культурой (религией, искусством, политическим кредо, научными и философскими взглядами и т.д.)? Или же он расцветает для всех членов прежде всего в группах со множеством разных культурных тече-

ний, религиозных сект, научных и философских школ, политических фракций, разнородных художественных подразделений и т.д.?

Эти замечания были призваны показать насущную теоретическую и практическую значимость данной проблемы для нашего времени.

II. Основные теории

Теперь бросим взгляд на то, какого рода ответы на эти вопросы были предложены теми, кто изучал их в различных областях. Эти решения легко разбиваются на три основных класса, предложенных мыслителями былых обществ, столкнувшимися с данной проблемой, и хорошо подытоживаются у Аристотеля. Он говорит: «О дружбе немало бывает споров. Одни полагают ее каким-то сходством и похожих людей – друзьями, и отсюда поговорки: “Рыбак рыбака...” и “Ворон ворону...” и тому подобные. Другие утверждают противоположное: “Все гончары – [соперники друг другу]”. Для этого же самого подыскивают [объяснения] более высокого порядка и более естественнонаучные; так, Еврипид говорит: “Земля иссохшая возделает к дождю, и величественное небо, полное дождя, возделает пасть на землю”; и Гераклит: “Супротивное сходится”, и “Из различий прекраснейшая гармония”, и “Все рождается от раздора”; этому [мнению] среди прочих противостоит и Эмпедоклово, а именно: “Подобное стремится к подобному”»¹.

Если добавить к этим противоположным друг другу взглядам третий, утверждающий, что решающее значение для дружбы, солидарности, любви, гармонии и единства имеет некоторая комбинация сходств и различий, то мы получим все три основных решения, предложенных на настоящий момент. Во-первых, существует теория, утверждающая, что сходство служит основой солидарности во всех видах групп, начиная с брака и заканчивая государством и другими обществами. Вариантами этого решения являются теория «единомыслия» и «сознания рода» Ф. Гиддингса,

¹ Aristotle. The Nicomachean ethics / Trad. by H. Rackham. – N.Y.G.P. Putnam's sons, 1926. – Bk. 8, Pt. 16. – P. 454. (Цит. в пер. Н.В. Брагинской по изданию: Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 220. Местоположение цитируемого отрывка указывается у Сорокина неверно, он содержится в кн. восьмой, ч. 2. – *Прим. пер.*)

нацистская теория «одной крови, одной расы, одной нации, одного государства», все теории неизбежности трений и конфликтов между разными расовыми, этническими и социокультурными группами, вплоть до теорий поборников «гомогамии в браке».

Во-вторых, есть теория, что устойчивая, длительная и плодотворная солидарность существует прежде всего, если не исключительно, в группах, образованных из разнородных расовых, этнических или социокультурных (религиозных, научных, артистических, профессиональных, экономических и т.д.) элементов. Все эти теории, утверждающие, что в браке и дружбе «противоположности притягиваются», что долгая и свободная солидарность возможна лишь в обществах с «общественным разделением труда», что скрещивание разнородных культурных элементов является необходимым условием общественного или индивидуального творчества, что единственной разумной политикой в отношении меньшинств является содействие им в сохранении их особых и уникальных черт, что наиболее плодотворны и долговечны общества, представляющие «единство в разнообразии», – эти и многие другие теории суть лишь вариации этого второго решения. Образцы его мы дальше еще рассмотрим.

Наконец, третье решение дает нам два основных варианта. В одном из них утверждается, что всякая реальная солидарность основывается не на сходстве или различии, а на некоторой их комбинации. То же считается применимым и к социальным антагонизмам и напряжениям. С точки зрения этой теории, обе другие ущербны фактически и ошибочны логически. Другой вариант этой точки зрения представлен всеми теориями, допускающими два разных вида солидарности, один из которых основан на сходстве, а другой – на различии. Обе солидарности реальны, но во многом отличны друг от друга. Широко известные «механическая» и «органическая» солидарности Э. Дюркгейма, солидарности *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* Ф. Тённиса, а также разные сплоченности, подразумеваемые у многих социологов понятиями «сообщество» и «ассоциация», являются примерами этого варианта третьего решения.

III. Роль схождения–несхождения в брачной солидарности

Теперь критически разберемся в том, какая из этих соперничающих теорий верна. В настоящее время мы располагаем значительным объемом эмпирических данных, которые позволяют нам

проверить их достоверность. Если эти данные правильно проанализировать, то они также раскроют нам подлинную сложность этой проблемы, которой многие часто не замечают. Нашу проверку можно начать с данных, относящихся к выбору брачного партнера и к возможной стабильности брака и счастью в браке. Счастливый и стабильный брак есть одна из наиболее общих и наиболее интенсивных форм межличностной солидарности. Даже недолговечный брачный союз будет иметь эту интенсивную солидарность на начальных своих стадиях. Поэтому фактические свидетельства из этой области становятся крайне значимыми для нашей проблемы. Если бы эти данные показывали, что выбор брачного партнера управляется главным образом сходством и что счастливыми и стабильными обычно оказываются браки между сторонами, схожими друг с другом, то такое единообразие свидетельствовало бы в пользу теории сходства. Если бы данные показали иную ситуацию, то они бы очевидным образом подтверждали либо теорию несходства, либо теорию сочетания сходства–несходства. Начнем с выбора в браке. Подчиняется ли он правилу «подобное порождает подобное» или следует правилу «противоположности притягиваются»?

Преобладающий ответ, похоже, свидетельствует в пользу брака между подобными (гомогамии или ассортативного скрещивания). Значительное число исследователей сравнивало помолвленные или супружеские пары с точки зрения их расы, телосложения, веса, черепного индекса, цвета глаз и волос, возраста, здоровья, долголетия и других физических характеристик, под углом зрения их интеллекта, темперамента, национальности, религии, образования, экономического и профессионального статуса, по семейному происхождению, вкусам, манерам, нравам и другим психологическим и социокультурным особенностям. Результат, полученный в большинстве исследований, таков, что действительная доля сходства в исследованных характеристиках значительно выше той, которой следовало бы ожидать, если бы никакого особого притяжения подобного к подобному не было¹. Будучи изме-

¹ См. обзоры таких исследований: Burgess E., Wallin P. Homogamy in social characteristics // *American j. of sociology*. – Chicago, 1943. – Vol. 49, N 1. – P. 109–124; Anderson C.A. Our present knowledge of assortative mating // *Rural sociology*. – Bellingham, 1938. – Vol. 3. – P. 296–302; Jones H.E. Homogamy in intellectual abilities // *American j. of sociology*. – Chicago, 1929. – Vol. 35, N 3. – P. 369–382;

ренным с помощью коэффициента корреляции или сопряженности, сходство в физических чертах пар оказывается около 0.2, в психологических чертах – около 0.4–0.5. Измеренное с помощью коэффициента ϕ , сходство в различных социокультурных характеристиках колеблется между 0.1 и 0.5. Лишь в немногих исследованиях результаты не показывают ни гомогамии, ни гетерогамии (притяжения несхожего).

Должны ли мы из этого заключить, что в помолвленных и супружеских парах есть особая тяга к подобному, что это универсальное правило и, по словам К. Пирсона, одного из пионеров изучения моногамии, «мы не можем сомневаться в том, что в случае человека подобное действительно тяготеет к сочетанию с подобным»¹, и что эти исследования демонстрируют значимость сходства как первейшего условия солидарности любой другой группы?

Несмотря на весьма единообразные результаты, такие выводы были бы поспешными.

1. Ряд соображений технического характера предостерегает нас от поспешного принятия таких выводов: а) коэффициенты корреляции в большинстве исследований, затрагивающих много черт, довольно низкие и вряд ли статистически значимы; б) в разных исследованиях коэффициенты для сходства в одних и тех же чертах не согласуются друг с другом – то высокие, то низкие, иногда положительные, а иногда отрицательные; в) в некоторых исследованиях, например исследованиях Кречмера и некоторых других, результаты свидетельствуют в пользу гетерогамии; г) объективность коэффициентов и выводов во многом искажают произвольные допущения, произвольное приписывание разных весов разным позициям и другие субъективные суждения, лежащие в основе объективно выглядящих цифр. По этим техническим причинам достоверность полученных результатов становится весьма спорной.

2. Другие соображения и факты делают очень спорным существование какого-то особого таинственного «притяжения подобного к подобному». Его природа навряд ли вообще анализировалась его поборниками и остается по существу неведомой. Более того, даже во вроде бы гомогамных браках остается неизвестно, вызвана ли кажущаяся моногамия этим мистическим притяжением

Richardson H.M. Studies of mental resemblance between husbands and wives and between friends // Psychological bull. – Wash., 1939. – Vol. 36, N 2. – P. 104–120.

¹ Pearson K. Grammar of science. – L.: Black, 1902. – P. 431.

или просто фактом ограниченной сферы доступного контакта и взаимодействия для каждой из сторон. Двое людей, которые не встречаются и не входят в контакт, явно не могут друг в друга влюбиться, совершить помолвку и пожениться. Доступность контакта и длительное взаимодействие сторон – необходимые условия последующего обручения и брака для пар, женящихся по собственному выбору и согласию. Люди, живущие в далеких друг от друга местах, не имеют такого шанса повстречаться друг с другом, влюбиться и пожениться, какой имеют люди, живущие по соседству друг с другом. Это не означает наличия особого мистического притяжения между людьми, живущими в пространственной близости, и отталкивания между людьми, живущими вдали друг от друга. Это означает всего лишь то, что стороны, живущие в одном районе, имеют совершенно иную возможность встреч, контактов и взаимодействия, нежели те, кто живет в удаленных друг от друга местах. Именно поэтому – а не благодаря какому-то мистическому притяжению подобного к подобному – подавляющее большинство браков заключается между лицами, живущими в одной округе. В Филадельфии из 5000 браков, изученных за период с 1885 по 1931 г., 67,3% были браками между людьми, жившими в пределах 20 или менее кварталов друг от друга. Из них 49,9% браков были браками между сторонами, жившими в пределах 9 или менее кварталов друг от друга¹. Схожим образом в Нью-Хейвене 76% браков в 1940 г. были заключены между людьми, жившими в 20 или менее кварталах друг от друга, а 35% – в пределах 5 кварталов². Несколько других исследований представляют схожую картину. То, что такая ситуация обусловлена не особым притяжением подобного к подобному, а скорее большей доступностью контакта для людей, живущих в пространственной близости, негативно подтверждается фактом крайней редкости браков между людьми, которые, живя в пространственной близости, не соприкасаются и не взаимодействуют друг с другом по причине «социальных препятствий для взаимодействия», существующих, например, между богатыми и бедными, бомондом и аутсайдерами и т.п. Резкие различия в социальном статусе, благосостоянии, вероисповедании, языке, расе, а также во множестве других социокультурных черт

¹ Abrams R.H. Residential propinquity as a factor in marriage selection // American sociological rev. – N.Y., 1943. – Vol. 8, N 3. – P. 288–294.

² Kennedy R. Premarital residential propinquity // American j. of sociology. – Chicago, 1943. – Vol. 48, N 5. – P. 580–584.

являются такими же большими препятствиями для встреч, перемешивания и взаимодействия возможных женихов и невест, как и пространственная изоляция. Как правило, бедные взаимодействуют в основном с бедными, богатые – с богатыми, итальянцы или поляки в первом поколении иммигрантов – в основном с другими итальянцами или поляками. Следовательно, для «социально разделенных» людей возможность влюбиться и жениться несоизмеримо меньше, чем для людей одного социального круга. Это объективное различие в доступности, частоте и близости контактов служит адекватным объяснением обычного преобладания так называемых гомогамных браков над гетерогамными. Гипотеза притяжения подобного к подобному была бы доказана лишь при условии, что в мире потенциальных партнеров с равнодоступным для каждого контактом и взаимодействием со всеми другими было бы обнаружено, что люди чаще заключают браки с теми, кто на них похож. До сих пор ни одно из исследований в этой особой области не дало нам такого результата.

Объективный фактор неравных возможностей вхождения в контакт и взаимодействия во многом объясняет преобладание браков итальянцев с итальянками, евреев с еврейками, поляков с полячками, богатых с богатыми, католиков с католиками и многие другие формы так называемой гомогамии. Значительный массив данных вполне подтверждает эту теорию и явно противоречит теории особого притяжения подобного к подобному. Если бы такая гипотеза была верной, то нам следовало бы ожидать, что она будет универсальной, одинаково действенной для разных людей и групп. Между тем мы находим, что в одном из миннесотских округов из 1000 супружеских союзов браки итальянцев с итальянками составляют 828 (для мужей) и 970 (для жен) случаев, браки поляков с полячками – соответственно 815 и 910 случаев, браки венгров с венгерками – 856 и 849, в то время как британцы, канадцы и немцы дают нам всего от 295 до 421 «гомогамного» брака¹. Если таинственное притяжение подобного к подобному на самом деле есть, то по какой-то еще более таинственной причине это притяжение действительно для итальянцев и поляков, но недействительно для британцев, канадцев и немцев, которые оказываются в зна-

¹ Nelson L. Inter-marriage among nationality groups // American j. of sociology. – Chicago, 1943. – Vol. 48, N 5. – P. 585–593. См. также: Kolehmainen J. A study of marriage in a Finnish community // American j. of sociology. – Chicago, 1936. – Vol. 42, N 3. – P. 376.

чительной степени свободными от его власти. Реальное объяснение этого различия, конечно, гораздо проще и никакого таинственного притяжения не предполагает. Итальянцы, поляки и венгры, будучи в целом более поздними иммигрантами с особой социокультурной подоплекой, гораздо меньше «амальгамированы» и ассимилированы и продолжают взаимодействовать внутри своих национальных групп гораздо больше, чем британцы или немцы, отсюда и разница. Это объяснение подтверждается тем фактом, что доля смешанных браков, гетерогамных в этническом отношении, в последующих поколениях гораздо выше, чем в первом или втором¹.

Такой же результат дают нам и другие исследования. Исследование межнациональных и межрелигиозных браков в Нью-Хейвене, проведенное Р. Кеннеди, показывает, во-первых, что доля «гомогамных» браков между людьми одной национальности упала с 91,2% в 1870 г. до 75,9 в 1900 г. и до 63,6% в 1940 г. Объяснить это уменьшение гомогамии предполагаемым падением силы нашего таинственного притяжения явно невозможно. В этом случае вопрос: «Почему уменьшилась сила притяжения?», явил бы нам почти неразрешимую проблему. Во-вторых, это же исследование показывает, что доля религиозно гомогамных браков сильно различается в разных группах: если евреи заключают браки с евреями почти в 100% случаев (97 и 94% в 1930 и 1940 гг.), то католические религиозно гомогамные браки показывают только 83, а протестантские браки – всего 78%². Здесь наше таинственное притяжение опять же по неведомой причине действует, похоже, по-разному в разных религиозных группах. Эти соображения и данные вряд ли оставят какие-либо сомнения в том, что даже в так называемых гомогамных браках реальной причиной гомогамии часто оказывается не наше таинственное притяжение подобного к подобному, а различия в доступности контакта и взаимодействия для соответствующих сторон, а также некоторые другие факторы, которые мы обсудим дальше.

3. Следующий набор свидетельств, предостерегающих от принятия сходства как решающего фактора отбора супруга или «счастья в браке», – это то, что сходство (или несходство) мужа и жены во множестве характеристик не демонстрирует высокой кор-

¹ См. данные в упомянутом выше исследовании Дж. Колемайнена.

² Kennedy R. Single or triple melting pot? // American j. of sociology. – Chicago, 1944. – Vol. 49, N 4. – P. 331–340.

реляции со счастьем или несчастьем в браке. Л.М. Терман с коллегами не получили значимой связи между сходством или несходством мужа и жены и счастливыми или несчастными браками¹. Это же исследование показывает, что степень сходства мужа и жены оказывается сравнительно высокой в счастливых и несчастных браках офисных клерков и юристов и очень низка в браках химиков и сертифицированных аудиторов²; и это различие, если оно типично, вряд ли можно примирить с гипотезой таинственного притяжения или первостепенной значимости сходства для счастья в браке.

Исследование Э. Бёрджесса и Л. Котрелла выявило отчасти значимую корреляцию счастливых браков с согласием мужа и жены относительно ряда вещей и несчастных браков с разногласиями; но согласие и разногласие есть нечто совершенно иное, нежели сходство и несходство сторон в той или иной физической или социокультурной характеристике. Кроме того, даже в случае согласия коэффициенты корреляции были лишь умеренно значимыми (от 0.2 до 0.5). Если обратиться к деталям, то в этом исследовании они обнаружили, что согласие в религиозных вопросах имеет низкую корреляцию со счастьем в браке, в то время как исследование Бёрджесса–Уоллина обнаружило, что сходство вероисповедания имеет самую высокую корреляцию с выбором брачного партнера³. Это расхождение делает несколько спорными оба вывода и опять же предостерегает от принятия теории гомогамии и сходства.

4. Еще один набор противоречивых данных представлен широко распространенными феноменами экзогамии, сопровождаемыми запретом на браки между близкими кровными родственниками. Если бы сходство и тяга подобного к подобному были решающими факторами выбора брачного партнера и сплоченного и счастливого брака, то такие нравы, полностью противоречащие принципу сходства, просто не могли бы появиться и быть широко практикуемыми. В еще меньшей степени они могли бы сохраняться столетиями в огромном множестве групп, поскольку для заклю-

¹ Terman L.M. Psychological factors in marital happiness. – N.Y.: McGraw-Hill, 1938. – P. 19 ff.

² Ibid. – P. 19.

³ Burgess E., Cottrell L., jr. Predicting success or failure in marriage. – N.Y.: Prentice-Hall, 1939. – P. 50 ff. Cp.: Burgess E., Wallin P. Homogamy in social characteristics // American j. of sociology. – Chicago, 1943. – Vol. 49, N 2. – P. 124.

чения брака они открыто требуют несхожих сторон. Их существование со всей ясностью свидетельствует против первостепенной важности сходства и притяжения подобного к подобному.

5. Решающий ряд свидетельств против теории, согласно которой солидарность и любовь в браке или в любой другой социальной группе базируются всегда и всецело на сходстве, является сам факт сильнейшей любви, солидарности и верности между людьми *разных* полов – будь то в браке или вне брака. Гомосексуальная любовь всегда представляла незначительную часть на фоне гетеросексуальной любви. Этот простой факт означает, что в браке и в семейных группах бисексуальная гетерогенность сторон является правилом, а их гомогенность – исключением.

Совокупности этих данных достаточно, чтобы продемонстрировать, что теория сходства и гомогамии как специфического притяжения подобного к подобному является недоказанной и в высокой степени спорной.

Отказ от теории гомогамии и сходства как первостепенного фактора выбора брачного партнера или счастья и стабильности в браке не означает принятия противоположной теории притяжения противоположностей и различий как основы прочной и счастливой брачной солидарности. Широко распространенное правило брачной эндогамии, как и многочисленные факты, подчеркиваемые сторонниками гомогамии в браке, явно противоречат такой теории и делают ее даже еще более неприемлемой, чем теория сходства. Как мы уже увидели, поляки и итальянцы женятся в основном на полячках и итальянках. То же касается и других национальных групп. Иудеи, католики и протестанты женятся в основном на иудейках, католичках и протестантках. Богатые женятся главным образом на богатых, бедные – на бедных, негры – в основном на негритянках и т.д. Таким образом, имеется мало оснований для генерализации теории несходства и гетерогамии.

IV. Предварительный анализ

Если не могут быть приняты ни теория сходства, ни теория несходства, ни гомогамия, ни гетерогамия, то что тогда остается? Очевидно, есть третья теория, предлагающая некоторую комбинацию схожих и несхожих черт в качестве основания солидарности как таковой, выбора брачного партнера и особенно счастья в браке.

Корпус данных, свидетельствующих в пользу такого тезиса, был дан изучением близких друзей, или приятельских пар, с этой точки зрения. Изучение 300 пар близких друзей показало, что в 2962 поведенческих чертах дружба были схожими, а в 1484 – несхожими. В 88% их стандартов и идеалов они походили друг на друга, и сходство уменьшалось до 50% в хобби, читательских и покупательских привычках¹.

Довод в пользу комбинации схожих и несхожих черт подтверждается также противоречивыми результатами других исследований дружбы в связи со сходством–несходством в характеристиках. Чэлмен, Флемминг, Уислоу, Ричардсон и другие обнаружили некоторые сходства между друзьями у детсадовских детей, школьников и взрослых, но в других отношениях дружба были несхожими. С другой стороны, Пинтнер, Форлано, Фридман и другие обнаружили очень низкую корреляцию между друзьями и их сходствами².

¹ Bogardus E., Otto P. Social psychology of chums // Sociological a. social research. – N.Y., 1936. – Vol. 20. – P. 260–270; Bogardus E. Social distance // Sociological a. social research. – N.Y., 1938. – Vol. 22. – P. 466–467.

² См.: Challman R.C. Factors influencing friendships among pre-school children // Child development. – Malden (MA), 1932. – Vol. 3, N 3. – P. 146–158; Flemming E.G. Best friends // J. of social psychology. – N.Y., 1932. – Vol. 3, N 3. – P. 385–390; Winslow C.H. A study of the extent of agreement between friends' opinions and their ability to estimate the opinions of each other // J. of social psychology. – N.Y., 1937. – Vol. 8, N 4. – P. 433–442; Richardson H.M. Community of values as a factor in friendships of college and adult women // J. of social psychology. – N.Y., 1940. – Vol. 11, N 2. – P. 302–312; Pintner R., Forlano G., Freedman H. Personality and attitudinal similarities among classroom friends // J. of applied psychology. – Wash., 1937. – Vol. 21, N 1. – P. 48–65; Pelletieri A.J. Friends. – Nashville (TN): Y.M.C.A. Graduate school, 1935; Partridge E.D. A study of friendship among adolescent boys // J. of genetic psychology. – Wash., 1933. – Vol. 43. – P. 472–477; Williams P.E. A study of adolescent friendship // Pedagogical seminary. – Wash., 1923. – Vol. 30. – P. 343–346; Seagoe M.V. Factors influencing the selection of associates // J. of educational research. – Bloomington (IL), 1933. – Vol. 27. – P. 32–40; Cattell R.B. Friends and enemies // Character a. personality. – Malden (MA), 1934. – Vol. 3, N 1. – P. 54–63; Furfey P. Some factors influencing the selection of boys' chums // J. of applied psychology. – Wash., 1929. – Vol. 11, N 1. – P. 47–51; Hagman E.P. The companionship of preschool children. – Iowa City: Univ. of Iowa press, 1933. – (University of Iowa studies in child welfare); Jenkins G.G. Factors involved in children's friendships // J. of educational psychology. – Wash., 1931. – Vol. 22, N 6. – P. 440–448; Van Dyne E.V. Personality traits and friendship formation in adolescent girls // J. of social psychology. – N.Y., 1940. – Vol. 12, N 2. – P. 291–305.

Что касается брачной солидарности, то несходство всегда присутствует в ней, прежде всего, в самом факте полового различия, не говоря уже о других несходствах между сторонами, протекающих отчасти из биологического полового различия, отчасти из социокультурных и личностных условий. Схожим образом сходство в отношении важнейших ценностей обеих сторон кажется необходимым для того, чтобы солидарность брака была сильной, прочной и длительной. Хотя данные, приводимые сторонниками гомогамии, не доказывают их тезиса, они все же показывают, что в «счастливых» браках присутствует более высокая степень схождения и согласия между сторонами, нежели в браках несчастных или расторгнутых.

Уже упомянутое исследование Бёрджесса–Коттрелла демонстрирует корреляцию согласия между сторонами (в управлении финансами, отдыхе, вопросах веры, друзьях, близких отношениях, жизненной философии и т.д.) со счастьем в браке; коэффициенты корреляции варьируют в диапазоне от 0.3 до 0.7. Аналогичным образом исследование Термана показывает, что из 545 изученных черт в 130 счастливый брак обнаруживал более высокую степень согласия между сторонами, чем несчастный или расторгнутый¹. Из повседневных наблюдений мы знаем, что прочный и счастливый брак вряд ли возможен между людьми, совершенно непохожими друг на друга во всех важных чертах и ценностях. Такие супружеские пары представляли бы собой не более чем двух чужих друг другу людей, живущих под одним кровом. Ни глубокое единство, ни глубокая верность и взаимопонимание, ни сплавление личностей в единое «мы» невозможны при таких условиях. Подведем итог: в любом браке присутствует некоторого рода сочетание сходств и различий; из них некоторое сочетание черт схождения и различия является решающим фактором удачного выбора брачного партнера и счастливого и стабильного брака как такового.

Этим выводом мы внесли ясность в область односторонних теорий, касающихся солидарности и единства супругов в браке, но не решили самой проблемы. Ее решение требует ответа на вопрос: какие именно схождения и различия и какое их сочетание способствуют счастливому, солидарному и прочному браку? Адекватный ответ на этот вопрос требует нескольких предварительных шагов. (1) Мы должны признать, что существуют тысячи сходств и раз-

¹ Burgess E., Cottrell L. Op. cit. – P. 48 ff; Terman L.M. Op. cit. – P. 26 ff.

личий между любыми двумя людьми разного пола. (2) *Не все сходные и несходные черты одинаково действенно генерируют солидарность или антагонизм между* такими взаимодействующими сторонами. Некоторые черты, такие как сходство в предпочтении коричневых туфель черным или несходство в предпочтении сигарет «Честерфилд» одной стороной и сигарет «Кэмел» другой, вряд ли оказывают ощутимое воздействие на солидарности и антагонизмы большинства взаимодействующих людей. С другой стороны, такая черта, как несходство в вероисповедании, была в Средние века очень действенной в этом отношении, вызывая, как правило, острую враждебность к еретикам, раскольникам и язычникам и солидарность между членами одной и той же христианской религии. Это значит, что прежде чем отвечать на наш вопрос, мы должны выяснить, какие из сходств и различий действительны, а какие нейтральны и не оказывают никакого влияния. Только влиятельные черты и их действительные комбинации являются для наших целей важными. (3). Следующий шаг состоит в осознании того, что *вряд ли какая-либо черта сходства или различия единообразно становится действенной и порождает солидарность или антагонизм сама по себе, вследствие своих биофизических свойств и независимо от социокультурного мира, в котором она дана*. Религиозное сходство или различие очень важно в религиозном обществе, таком как средневековая Европа. Во взаимодействии атеистов и неверующих или в безрелигиозном обществе оно становится нейтральным и не порождает ни антагонизма, ни солидарности. Расовое сходство или несходство очень важно для обществ и лиц, придающих большую ценность расе, как, например, в кастовом обществе Индии, древнееврейском обществе и колониальном американском обществе. Оно перестает быть значимым для людей и обществ, придающих ему мало ценности или не придающих вовсе никакой ценности; таковы, например, российское общество на протяжении нескольких столетий, раннее общество голландских поселенцев в Африке, Бразилия и многие другие¹.

¹ О доминирующем отношении к расовому сходству–различию у русских см.: Sorokin P.A. Russia and the United States. – N.Y.: Dutton, 1944. – P. 31 ff. О голландских колониях в Африке см.: Millin S.G. The South Africans. – L.: Constable, 1926. О межрасовых браках и отсутствии сколько-нибудь серьезной расовой дискриминации в некоторых ранних поселениях европейцев см.: Park R. Race relations and certain frontiers // Race and culture contact / Ed. by E.B. Reuter. – N.Y.:

В таких обществах люди разных рас вступают в смешанные браки, и такие браки вряд ли демонстрируют какую бы то ни было особую солидарность или антагонизм, которые отличали бы их от браков между людьми, принадлежащими к одной расе. Сходство или несходство в политических взглядах очень значимо для людей и обществ, придающих им высокую ценность, например, в нашем нынешнем обществе с его конфликтом между нацистами и антинацистами. Для людей и обществ, придающих мало ценности политическим взглядам, оно, в свою очередь, становится неважным и недейственным. Даже такие биологически важные характеристики, как сходство или значительное расхождение в возрастах супругов, очень действенны в обществах, придающих им высокую ценность, и гораздо менее действенны в обществах, где, как правило, девочки 8–12 лет выходят замуж за мужчин гораздо их старше (как, например, в Индии и во многих других обществах прошлого). То же самое верно практически для любой другой черты сходства или различия. Это значит, что мы не можем установить, какие черты сходства или различия *per se*, по биофизическим их характеристикам, являются универсально действенными или нейтральными. Любая черта сходства или различия действительна только для тех личностей, обществ и культур, которые придают ей большую значимость, для которых она представляет большую ценность в их тотальной системе ценностей; в противном случае она становится нейтральной и бездейственной. Таким образом, *действенность или недейственность черты сходства или различия зависит от системы ценностей соответствующих людей и групп.*

Черта, действительно порождающая солидарность или антагонизм для взаимодействующих сторон *C* и *D*, может становиться нейтральной для *M* и *N*, чья система ценностей отличается от системы ценностей *C* и *D*. Таким образом, *то, какие черты считаются значимым сходством или различием, а какие нет, будет определяться, главным образом, системой ценностей взаимодействующих сторон, их самоидентификацией с этими чертами или ценностями, а не их биофизической природой.* Мать и ее маленький сын очень отличны друг от друга анатомически, физиологически, психологически и социокультурно. Тем не менее это явное биофизическое и «объективное» различие не мешает им рассматривать себя как одних «мы», очень схожих, даже тождественных

до высшей степени единения, а их жизням – слиться в сильнейшее солидарное единство. Идентичные братья-близнецы очевидно схожи во множестве анатомических, физиологических, психологических и социокультурных характеристик. Но если один из них станет коммунистом, а другой антикоммунистом, то это единственное различие «отменит» все их сходства и сделает их смертельными врагами. Подобного рода факты можно перечислять до бесконечности. Черты, считаемые взаимодействующими сторонами неважными, малоценными или вообще не имеющими ценности, нейтральны и недействительны, вне зависимости от всяких их «объективных», биофизических характеристик.

Из этих заключений вытекает еще один вывод, а именно: *никакое* сугубо объективное и механическое множество сходств и несходств между сторонами и их корреляция с солидарностью или антагонизмом, выбором брачных партнеров или счастьем в браке не дают и не могут дать надежной общей формулы их каузальной связи. Без соотнесения с системой ценностей взаимодействующих сторон никакое объективное сходство или различие не может быть ни действенным, ни нейтральным. Только будучи помещенным в соответствующую систему ценностей оно становится либо действенным, либо нейтральным. Это объясняет, почему результаты, полученные разными исследователями брачной гомогамии и гетерогамии и счастья и несчастья в браке, были неубедительными, противоречивыми и не согласующимися друг с другом. В большинстве их различные черты сходства и несходства брались «объективно» и механически, без всякого систематического исследования систем ценностей изучаемых сторон. В результате в одних исследованиях черта *A* оказывается очень действенной для отбора супруга или счастья в браке, а в других – играющей очень незначительную роль или не играющей вообще никакой роли.

Например, в исследовании факторов брачной гомогамии Бёрджесса и Уоллина наивысшая корреляция демонстрируется сходством религиозной принадлежности и религиозного поведения (0.54), а в их исследовании счастья в браке религиозное сходство оказывается играющим одну из самых незначительных ролей (0.28). Исследование Термана тоже обнаруживает, что этот фактор несущественен для счастья в браке: разница в вероисповедании занимает 29-е место по частоте и 47-е по серьезности среди недовольств мужа и, соответственно, 22-е и 44-е места – среди недовольств жены. Этот результат, однако, еще более усложняется дальнейшими данными Термана, показывающими, что ни строгое

религиозное воспитание, ни слабое, ни полное его отсутствие никак не способствуют счастью в браке, а умеренное религиозное воспитание, видимо, теснее всего связано с удачными браками. Согласно этому исследованию, особенно нежелательно очень строгое религиозное воспитание для жен¹. Эти расхождения усугубляются далее разной ролью, которую вероисповедание или любой другой фактор сходства и несходства играют в разных профессиональных группах, исследованных Терманом. В других исследованиях обнаруживается исключительно важная роль религиозного сходства в выборе брачного партнера. Упомянутое выше исследование Р. Кеннеди показывает, что в Нью-Хейвене евреи заключают браки между собой примерно в 94–97% случаев; важность этого фактора для католиков ниже (83%), а для протестантов – еще ниже (78–79%). Студентки университета штата Висконсин, происходящие из имущих классов, придают религиозной принадлежности своих потенциальных мужей очень большую значимость (среднее значение – 0.91), а студентки из профессиональных и фермерских классов – гораздо меньшую значимость (в среднем 0.64)².

Другие исследования дают еще более непостоянную картину роли религиозного сходства или различия в отборе брачного партнера и в счастье в браке. Прибавим к этому еще и такие факты, как, например, то, что в средневековой Европе религиозное сходство христиан было необходимым условием христианского брака; его требовали мирское и церковное право, нравы и личное счастье затронутых сторон. Рассмотрим еще ряд вариаций этих правовых и моральных требований, находимых в разных странах. В дореволюционной России, например, православные могли вступать в брак с любыми христианами (католиками, протестантами), но не могли заключать браки с нехристианами, если те не обращались в христианство. Другие российские граждане, как то: евреи, язычники и т.д., могли заключать браки с любыми не-

¹ См.: Burgess E., Wallin P. Op. cit. – P. 124; Burgess E., Cottrell L. Op. cit. – P. 50–51; Terman L.M. Op. cit. – P. 96 ff, 230 ff.

² McCormick T.C., Macrory B.E. Group values in mate selection // Social forces. – Chapel Hill (NC), 1944. – Vol. 22, N 3. – P. 315–317. См. также: Biesanz J., Biesanz M. Mate selection standards of the Costa Rican students // Social forces. – Chapel Hill (NC), 1943. – Vol. 22, N 2. – P. 194–199; Baber R. Some mate selection standards of college students and their parents // J. of social hygiene. – Albany (NY), 1936. – Vol. 22, N 3. – P. 115–125.

христианами. Когда принимаются в расчет все эти разнообразия, вся проблема того, насколько религиозное сходство важно для отбора партнеров или счастья в браке, становится совершенно неопределенной. Как мы увидели, разные исследования дают совершенно разные результаты и коэффициенты. Никакого единообразия в отношении его действительности не обнаруживается. Причину этого далеко искать не надо; поскольку религия обладает неодинаковой значимостью в системах ценностей разных людей и групп, то сходство или различие в вероисповедании с необходимостью имеет разные степени влияния на выбор брачного партнера и на счастье в браке или, если взглянуть шире, на порождение солидарности и антагонизма во взаимоотношениях между сторонами. На стороны, в ценностной системе которых вероисповедание занимает важное место, сходство или несходство в нем оказывает действенное влияние. А для тех сторон, в системе ценностей которых оно незначимо, оно становится нейтральным и недействительным.

То же самое можно сказать практически о любой черте сходства или различия из числа изученных. Берущиеся объективно и механически, без соотнесения с системами ценностей затронутых сторон, все они оказываются в разных исследованиях играющими совершенно разные роли. Даже такая чисто физическая черта сходства–различия, как зараженность супругов туберкулезом, дала в двух разных исследованиях Поупа коэффициенты 0.32 и 0.17, в исследованиях Горинга¹ – 0.01 и 0.16, в исследовании Элдертона – 0.30; как видите, разброс коэффициентов значительный. Таким же образом сходство в алкоголизме дает разброс коэффициентов в диапазоне от 0.27 до 0.44 и 0.70 в исследованиях Горинга, Шустера и Элдертона. Сходство в сумасшествии дало коэффициенты от 0.06 и выше (Горинг), а сходство в интеллекте – от 0.08 до 0.38 и выше (Вудс, Элдертон). Еще больше это верно в отношении практически всех социокультурных и психологических черт. Например, если студентки университета штата Висконсин высоко ценили в потенциальных мужьях «образование» (третье место в ранговом порядке различных черт), то коста-риканские студенты ценили его гораздо ниже (13-е место по рангу). Если 20% студентов и 29% студентов Нью-Йоркского университета были готовы

¹ Goring C.B. Studies in national deterioration. – L.: Dulau, 1909. – Vol. 5. – (Drapers' company research memoirs); Pope E.G. Studies in national deterioration. – L.: Dulau, 1908. – Vol. 3. – (Drapers' company research memoirs).

заклучить брак с человеком низших моральных стандартов, чем их собственные, то среди коста-риканских студентов готовы были пойти на это всего 5% девушек и 9% юношей¹. Это вновь показывает, что ценность, придаваемая одной и той же черте, бывает очень разной даже среди студентов одного университета; тем более она различается у разных этнических, расовых, национальных, профессиональных, экономических, образовательных, политических, религиозных, научных, художественных и прочих групп и личностей. Безнадёжно искать такую объективную черту, которая вне соотнесения с ценностной системой вовлеченных людей была бы всегда либо действенной, либо нейтральной, порождая либо солидарность, либо антагонизм, либо счастье в браке, либо несчастье в нем.

V. Обобщенные гипотезы

Полученные таким образом выводы означают, что, в конечном счете, реальными факторами солидарности или антагонизма являются не просто внешние, объективные сходства или несходства соответствующих сторон, а скорее то место, которое они занимают в системе ценностей людей и групп, и характер этих систем ценностей. Из этого заключения вытекает несколько выводов. Они одинаково применимы как к солидарности и антагонизму в браке, так и к другим солидарностям и антагонизмам в их связи с чертами сходства–различия.

*То, какие черты (физические, биологические, психосоциальные) людей или групп будут рассматриваться взаимодействующими сторонами как схожие или несхожие, определяется не только и не столько объективными биосоциальными характеристиками этих черт, сколько природой социокультурного менталитета сторон, теми значениями и ценностями, которые они им навязывают и придают*². В упомянутом примере с матерью и ее сыном внешние различия между ними отменяются их социокультурным единством, сходством, даже идентичностью, их сильнейшим и теснейшим единением. Это «неосозаемое сходство» отме-

¹ См. цитированные выше работы МакКормика и Макрори, Бизанца и Бейбера.

² Это всего лишь частный случай уже изученного общего правила, согласно которому социокультурная природа явлений не совпадает с их биофизическими характеристиками и определяется не столько ими, сколько смыслом, который на них накладывается.

няет и делает незначимыми, а иногда даже несуществующими для затронутых сторон их многочисленные внешние различия. Миллионы христиан колоссально отличаются друг от друга сотнями способов. Однако до тех пор, пока они считают всех христиан детьми Божиими, созданными по Его образу и подобию, они становятся схожими во Христе. Возможно, это же верно и для миллионов коммунистов. Люди, конкурирующие за любовь одного и того же человека, за одни и те же богатство, награду или популярность, становятся похожими друг на друга, несмотря на множество внешних различий, и т.д.

Таким образом, социокультурные сходства и различия, как они воспринимаются затронутыми сторонами, могут не только отличаться от их внешних, биофизических сходств и различий, но и быть особыми по своей природе, будучи всегда смысловыми, а иногда даже трансцендентальными и мистическими (как, например, декларации «все люди равны», «все христиане схожи в том, что сотворены по образу и подобию Божью», «все герои», «все грешники и преступники»), часто неосвязаемыми и несводимыми ни к какому внешнему сходству–различию, редко чисто внешними и воспринимаемыми чувственно. Они порождаются, формируются и определяются системой ценностей взаимодействующих сторон. Как таковые они мало связаны с чисто внешними, биофизическими сходствами или различиями.

Поэтому любые попытки изучать роль сходств или различий на основе внешне схожих или несхожих черт обречены на неудачу и не могут дать нам ни какой-либо закономерности, ни даже сколько-нибудь надежных выводов. Все они ущербны изначально, принимая ложное допущение тождественности внешних, биофизических сходств и различий социокультурным сходствам и различиям, которые на самом деле нечто совершенно иное. Этим допущением обусловлена ошибочность многих теорий в этой области.

Согласно предыдущему пункту, если все взаимодействующие стороны (в браке, в группах меньшинств и большинства, в разных профессиональных, религиозных, политических, экономических, расовых, этнических и других взаимодействующих группах и личностях) рассматривают данные внешне схожие (или несхожие) черты – *A, B, C, D, N* (физические, биологические, ментальные, социокультурные) – как незначительные ценности или как не ценности вообще, как даже не заключающие в себе никакого сходства (или различия), то такие внешние сходства–различия

практически не порождают ни солидарности, ни антагонизма. Только те сходства–различия, которые рассматриваются всеми или некоторыми из взаимодействующих сторон как реальные и важные ценности, будут действенными факторами солидарности или антагонизма.

Важное социокультурное сходство может рождать между сторонами как солидарность, так и антагонизм. Оно рождает солидарность: (а) когда ценности, одинаково важные для взаимодействующих сторон, есть в изобилии и их хватает на всех, когда каждая сторона может иметь свою полноценную долю, не уменьшая долей других сторон. Милость Божья для христиан, национальная гордость для патриотов, престиж семьи, партии или союза – все они являются для их членов фактически неисчерпаемыми и ведут к солидарности членов; (б) социокультурное сходство рождает солидарность также в том случае, если и когда эго взаимодействующих сторон уже слились в одно «мы». Чем больше ценности в этом единстве имеет отдельный член, тем богаче единое «мы» и тем больше становится доля каждого участника. При таком «мы» даже дефицитность важной ценности ведет к солидарности сторон. В качестве «мы» здесь может выступать хорошая семья, профсоюз, религиозное объединение, нация, политическая партия; (в) если нормы сторон, управляющие их взаимоотношениями в области сходства, созвучны друг другу.

Важное социокультурное сходство порождает антагонизм сторон: (а) когда ценности, рассматриваемые всеми сторонами как важные, дефицитны, а их нормы пропитаны эгоистической конкуренцией и не согласуются друг с другом; (б) когда их нормы не согласуются друг с другом, а природа важной ценности не позволяет поделить ее между сторонами и обладать ею может только один из них, например, в случае женитьбы на девушке, желаемой всеми сторонами.

Важное социокультурное различие может порождать как солидарность, так и антагонизм между социокультурно несхожими сторонами: 1) Если ценности (или черты) сторон совершенно несхожи, не имеют никакой общей почвы и не содержат ни одной ценности, одинаково рассматриваемой всеми сторонами как важная, то такие ценности не порождают ни солидарности, ни антагонизма. Ценности другой стороны считаются ничего не значащими увлечениями, а последние не провоцируют ни позитивной, ни негативной реакции. То же самое имеет место в том случае, когда какие-то из ценностей сторон противоположны, но считаются не-

важными и несущественными. 2) Когда каждая из сторон считает важными свои ценности и нормы, когда эти ценности и нормы противоположны и когда одна сторона отрицает то, что утверждает другая, такое различие (смешанное со сходством в том, что все стороны считают ценности важными) порождает антагонизм между сторонами. Когда атеист и верующий, коммунист и антикоммунист считают важными собственные ценности и придают негативную важность ценностям оппонентов, они становятся антагонистами. 3) Когда основные ценности и нормы сторон схожи, а их вторичные ценности разнообразны и взаимно нейтральны, и особенно когда другие ценности взаимно дополняют друг друга, такое сочетание сходств и различий способствует солидарности затронутых сторон. Гетеросексуальный брак между сторонами, разделяющими общие основные ценности и отличными друг от друга только во второстепенных ценностях; общество, состоящее из разных расовых или этнических групп, каждая из которых обладает своими ценностями или чертами, но где все одновременно обладают общей системой ценностей и согласующимися нормами, образуя тем самым многоцветное единое целое; общество с развитым общественным разделением труда, но при этом с главной системой ценностей, общей для всех групп и сегментов, – вот конкретные типы такой солидарности. С другой стороны, если такая группа образуется из личностей и подгрупп с расходящимися ценностями и нормами и каждая личность (в браке) или подгруппа (в обществе) обладает ценностями и нормами, расходящимися с ценностями и нормами других, то такое общество представляет собой антагонистическое образование, когда разные ценности и нормы сталкиваются друг с другом, или в лучшем случае нейтральное образование, в котором личности и подгруппы безразличны друг к другу. Такое «единство» является исключительно непрочным и может от малейшей превратности распасться на куски. Общество, образующееся из большинства и меньшинства, не имеющих согласованной системы ценностей и норм, не может не стать антагонистическим. В таком обществе невозможен даже минимум взаимной терпимости как низшая форма солидарности.

Из сказанного следует, что сочетание базового сходства в основных ценностях и согласия в нормах соответствующих сторон с дополняющим их разнообразием в их второстепенных ценностях более всего способствует солидарным отношениям, при условии,

что основные ценности изобильны или распределяются между сторонами согласно их согласующимся нормам.

Противоположность и несхожесть ценностей и норм сторон, когда они считаются значимыми (в позитивном или негативном смысле) и когда у сторон нет общей системы ценностей и норм, более всего способствуют порождению сильных антагонизмов. Именно такое сочетание схожего с несхожим (в котором все стороны считают собственные ценности позитивно значимыми, а противоположные ценности – негативно значимыми) всегда было причиной острейших антагонизмов – войн, революций, бунтов и многочисленных межличудидуальных преступлений¹. (См. гл. 33.)

Таковы основные закономерности порождения солидарности и антагонизма сходством–несходством в системах ценностей взаимодействующих сторон. Полученные таким образом выводы отличаются от господствующих мнений, а умозаключения переводят всю проблему в иную плоскость. Они показывают, что солидарность и антагонизм мало связаны со сходством или различием атомистически взятых и разрозненно трактуемых внешних биофизических и психологических черт. Приведенный выше анализ указывает на то, что решающим фактором являются системы ценностей и норм вовлеченных сторон. Эти системы определяют, которые из черт будут важными и будут считаться реальным сходством, а какие – нет. Вышесказанное показывает также, что социокультурные сходства и различия могут порождать при тех или иных условиях и солидарность, и антагонизм.

VI. Критические замечания

В свете полученных нами выводов легко увидеть основные ошибки преобладающих теорий в этой области, таких как теории Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, исследователей отбора брачного партнера и счастья в браке, сторонников ассимиляции и амальгамации меньшинств и т.д. Здесь может быть полезным привести краткий перечень ошибок дюркгеймовской теории солидарности и антагонизма. С некоторой модификацией этот перечень можно применить и к другим теориям.

¹ Об этом см. в моей книге: Sorokin P.A. Russia and the United States. – N.Y.: Dutton, 1944. – Ch. 10, 11.

1. Дюркгейм ошибочно предполагает, что в примитивных обществах солидарность основана только или главным образом на сходстве чувств и представлений их членов, в то время как в развитых обществах она основана на различии этих чувств и представлений. На самом деле в обоих типах обществ солидарность основана на комбинации сходств и различий, согласно формулам, предложенным выше¹. Поскольку общества с общественным разделением труда не координируют различия своих членов посредством общего фонда основных ценностей и норм, то такое несходство неизменно порождает антагонизм вместо солидарности. Самому Дюркгейму пришлось признать это в своих поздних работах.

2. Дюркгейм произвольно допускает, что члены обоих типов общества (с механической или органической солидарностью) считают себя схожими и несхожими именно в тех чертах, в которых они кажутся схожими и несхожими Дюркгейму. Фактически дело обстоит совершенно иначе.

3. Утверждение Дюркгейма, что члены обществ с механической солидарностью относят свою солидарность на счет сходства их чувств и представлений, в то время как члены обществ с органической солидарностью приписывают ее различиям их чувств и представлений, опять же совершенно догматично и идет вразрез с логикой и релевантными фактами.

4. Дюркгейм неправ в своем утверждении, что есть историческая тенденция перехода от механической к органической солидарности. На самом деле такая тенденция вряд ли когда-то существовала и не существует сегодня.

5. Многие из подчиненных утверждений Дюркгейма – как, например, его утверждение, что механическая солидарность связана с репрессивным правом, а органическая с реститутивным правом и санкциями, – являются грубо ошибочными².

Любая теория, утверждающая, что солидарность всегда базируется только на сходстве или только на различии, без даль-

¹ См. обоснование этого и некоторые критические суждения в книге: Gurvitch G. *Essais de sociologie*. – P.: Sirey, 1938. – P. 68 ff.

² См. его критику с точки зрения фактов в моей книге: Sorokin P.A. *Social and cultural dynamics*. – N.Y.: American book company, 1937. – Vol. 2. – P. 593 ff. Эта критика в равной мере относится и к переформулировке Дюркгеймом его раннего обобщения в: Durkheim E. *Deux lois de l'évolution pénale* // *L'année sociologique*. – P., 1899–1900. – Vol. 4. – P. 65 ff.

нейших уточнений и оговорок, пуста. Точно так же все теории, приписывающие антагонизм либо сходству, либо различию, несостоятельны. Как правило, и солидарные, и антагонистические отношения порождаются комбинацией социокультурных сходств и различий согласно конкретизированным выше принципам. Это означает, что солидарное общество может быть создано не только из «одной расы, одной нации, одного государства» с прилагающимися различиями его подгрупп, но и из множества разных расовых, этнических, политических и религиозных групп, когда у них наряду с их специфическими ценностями и нормами есть общий фонд основных ценностей и согласованных норм. Исторически общественное «единство в многообразии» было таким же обычным делом, как и моноэтнические, монорасовые, монорелигиозные и прочие «монолитные общества». Также это означает, что проблемы разных меньшинств могут быть решены не только посредством «амальгамации и ассимиляции», т.е. путем устранения различающих их черт и ценностей и переплавки их в черты и ценности большинства, но и путем стимулирования и развития специфических черт и ценностей меньшинств наряду с развитием фонда ценностей, общего для большинства и меньшинства. Если они имеют и практикуют ценностную норму взаимного уважения к их различиям, такая общая и единодушно принимаемая ценностная норма обеспечивает минимум общего фонда, необходимого для солидарного сосуществования разных личностей и групп.

Никакое изучение схожих и несхожих черт, взятых атомистически, без соотнесения с ценностными системами взаимодействующих личностей или групп, не может дать надежные результаты или реальные закономерности, заключенные в связи этих черт с солидарностью или антагонизмом сторон. Это в равной мере касается как брачного союза, так и профессиональных, экономических, религиозных, этнических, расовых, политических и прочих социальных групп. По причинам, названным выше, такое «бихевиористское» изучение дает в основном вводящие в заблуждение выводы и обобщения.

ГЛАВА 20.

СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

1. Невозможность размещения социокультурных феноменов в геометрическом пространстве

Какую бы разновидность существующей теории геометрического пространства мы ни взяли, будь то теория Евклида, Лобачевского, Римана, Минковского–Эйнштейна или понятие «*n*-мерного» пространства Г. Кантора, она не может быть использована для определения местонахождения социокультурных феноменов и их пространственных связей друг с другом. Достаточно лишь спросить, где находятся *Missa Solemnis* Бетховена, таблица умножения, «Гамлет» Шекспира или Десять заповедей, как сразу станет ясно, что они не могут быть размещены в геометрическом пространстве. В этом пространстве они здесь и там, везде и нигде. Их широту, долготу и высоту над уровнем моря нельзя конкретизировать, их положение в геометрическом пространстве не поддается определению.

То же касается социального и культурного *положения* индивида или группы; геометрическое пространство не определяет и не может определить его. Чтобы это стало ясно, достаточно спросить: каково мое социальное положение? Каково социальное положение Сталина? Или Трумэна? Или сионистской группы? Или касты браминов? Какую позицию я занимаю по отношению к рабству или войне, коммунизму или буддизму? Даже самая подробная геометрическая или географическая карта не сможет дать ответ на эти вопросы. Эти и прочие социокультурные феномены просто не ловятся в сети какой бы то ни было концепции геометрического пространства.

Эти же утверждения можно высказать в отношении *социального или культурного изменения, замещения и изменения позиции*

¹ Систематический анализ этой проблемы и список литературы см. в главе 3-й моей книги: Sorokin P. Sociocultural causality, space, time: A study of referential principles of sociology and social science. – Durham (NC): Duke univ. press, 1943. См. также: Lins M. La transformación de los valores y objetos en el campo de socialización de los sistemas sociales // Revista mexicana de sociología. – Mexico, 1943. – Vol. 5, N 3. – P. 395–402; Lins M. La tipicidad de las relaciones sociales y el problema de la diferenciación interna del campo de socialización. – Mexico, 1944. – Vol. 6, N 3. – P. 315–330.

сверхорганических объектов, лиц и групп в социокультурном универсуме. Ни одно из таких изменений не может быть адекватно определено через систему векторов геометрического пространства. Когда президент Рузвельт движется в геометрическом пространстве из Вашингтона в Тегеран, он не меняет своего социального положения как президента США. Пока такие властители, как Людовик XVI, Николай II, Альфонс Испанский, оставались в одном и том же дворце, их социальное положение колоссально изменилось: каждый из всемогущего правителя превратился в заключенного. Нацистская свастика остается в одном и том же месте в геометрическом пространстве, но ее положение в социокультурном универсуме совершенно изменилось с победой союзников.

Аналогичным образом, когда мы говорим о *социальных движениях, социальном застое, социальном подъеме и упадке, социальном возвышении и падении, свержении политического режима, социальном воссоединении и социальном расколе, тесной дружбе и социальной отдаленности, социальной дистанции* и т.п., мы, пользуясь этими терминами, не имеем в виду чего-то связанного с геометрическим пространством. Причина в том, что чистые значения, ценности и нормы геометрически беспространственны. Категория геометрического пространства к ним просто неприменима. По этой же причине геометрически беспространственны и все объективированные социокультурные феномены; компонент значений, ценностей и норм делает их в геометрическом пространстве неопределимыми и неопределенными. Их материальные проводники, будь то машина, церковное здание, студенческое общежитие, несомненно, размещены в геометрическом пространстве; находя местоположение этих проводников в геометрическом пространстве, мы не находим, однако, их места в социокультурном универсуме. Здание, в котором некогда ютилась церковь, может оставаться неизменным и занимать все то же геометрическое место, в то время как его положение в сверхорганическом универсуме сильно меняется, когда оно преобразуется в коммунистический клуб или в склад. Подведем итог: геометрическое пространство не позволяет установить позиции социокультурных феноменов или их «пространственные связи», такие как дистанция, близость, отдаленность и т.д.

2. Размещение социокультурных феноменов в социокультурном пространстве

Поскольку социокультурный феномен состоит из трех компонентов, социокультурное пространство должно быть способно расположить каждый из этих трех компонентов, а также этот социокультурный феномен как целое в свехорганическом универсуме. Определение положения и связи между положениями должно быть не просто формальным, а содержательным, давая нам знание о природе данного положения и свойствах данной связи. Отсюда следует, что: а) положение значения, ценности или нормы определяется тогда, когда определено место данного значения, ценности или нормы в универсуме значений, ценностей и норм; б) место проводника определяется тогда, когда он размещен каким-то образом в универсуме проводников; в) социокультурное положение лица или группы определяется тогда, когда индивид или группа размещаются в универсуме лиц или групп; г) когда определены все эти компоненты данного свехорганического феномена, устанавливается положение всего феномена в свехорганическом универсуме.

Так, таблица умножения как чистое значение размещается в системе математики, закон тяготения Ньютона – в физике, «Месса си минор» Баха – в «поле музыки», христианский Символ веры – в поле христианской религии, *Corpus juris civilis* – в области права, а конкретнее – римского права, и т.д. Если мы захотим еще лучше уточнить положение любого из этих значений, то мы сможем легко это сделать путем дальнейшего уточнения того, к какому именно роду математики, физики, музыки, права или религии оно относится. Устанавливая область или систему значений, к которой принадлежит данное значение, и определяя «размещение» этой области значений в совокупном универсуме значений, мы точно определяем положение и позиционные связи любого значения в универсуме значений.

Если мы указываем основные системы значений, ценностей и норм в универсуме значений, а затем основные их суперсистемы, то эти основные системы и суперсистемы служат системой важнейших координат, или векторов, которые определяют положение значений в универсуме значений. *Например, если мы берем некоторое множество основных систем значений, таких как язык, наука, философия, религия, изящные искусства, этика, право, технология, основные односвязные и многосвязные группы, то это*

десятимерное множество позволяет нам довольно точно разместить в его универсуме любое значение, ценность или норму. Разделяя каждое из этих десяти измерений на под-под-подклассы, например, науку на математику, астрономию, физику, химию, биологию, социологию, психологию, а каждую из них на их подклассы и конкретные производные научные дисциплины, такие как история, геология и т.д., мы можем со всей ясностью и точностью определить положение любого научного значения. То же самое относится и к другим измерениям, в том числе к классификации основных односвязных и многосвязных групп. Если вдобавок ко всему этому мы имеем суперсистему значений, сколько-нибудь эвристически значимую, такую как чувственная, идеалистическая или идеационная система значений, то эти суперсистемы позволяют окончательно определить положение любого значения, ценности или нормы.

Для определения социокультурного положения индивида или группы мы должны установить: а) все группы и слои в каждой группе, к которым принадлежит человек; б) культурное содержание «каждой души» в данном индивиде, в терминах указанного десятимерного множества. Как мы увидели выше (в главе 17), группы и слои, к которым принадлежит индивид, точно определяют его социальное положение. Культурное содержание индивида – его язык, религия, философия, наука, искусство, этика и право – определенно очерчивает его культурное положение. Если положение некоторого человека определить по каждому из десяти измерений нашего множества, или системы векторов (в том числе подподклассам каждой координаты), то мы довольно точно определим его целостное положение в социокультурном универсуме. То же можно сказать и о группе.

С помощью той же процедуры и той же десятимерной системы координат определяется положение проводников в свержорганическом универсуме. Так, церковное здание, крест, потир, статуя Девы Марии попадают в область христианской религии. Здание суда, тюрьма, томик Уголовного кодекса – проводники права. Плуг, удобрения, молотилка, корова – проводники сельскохозяйственной науки и технологии. И так далее. Социокультурное положение любого проводника определяется через соотнесение с системой значений, которую он объективирует. Находя его место в системе значений в вышеописанной десятимерной системе векторов, мы находим положение этого проводника в социокультурном универсуме.

Физическое размещение проводника в геометрическом пространстве – *экологию проводников* – можно, правда, определить через координатную систему геометрического пространства с ее широтой, долготой, высотой над уровнем моря и другими измерениями. Но такое экологическое размещение проводников в геометрическом пространстве становится возможным только после того, как они будут размещены в социокультурном пространстве. В противном случае они остаются просто физическими, химическими или биологическими объектами, социокультурная природа и положение которых остаются неизвестными и неопределенными¹.

¹ Социокультурная экология, или география, в правильном ее понимании, есть не что иное, как изучение размещения, распределения, последовательности, вытеснения и миграции проводников и людей, как они отражаются на экране геометрического пространства, на территории нашей планеты. Такое изучение необходимо для полного знания размещения социокультурных феноменов в социокультурном и геометрическом пространстве. Когда мы изучаем «преступность», религию, войну или какой-то художественный стиль, нам нужно не только разместить их членов и проводников в социокультурном универсуме, но и выяснить, где на территории нашей планеты находятся эти проводники и человеческие агенты, с какой частотой они там встречаются и каковы их территориальная экспансия, сукцессия и миграция из одних мест в другие в геометрическом пространстве. Эту задачу можно, однако, решить лишь при условии, что мы будем изучать эти проводники и этих членов человеческого рода как компоненты соответствующего социокультурного феномена, и только после того, как мы разместим их в социокультурном универсуме. Это необходимо для экологии любого социокультурного феномена, будь то преступность, религия, наука, революция, бедность, гениальность. Главный недостаток существующих экологических теорий – их непоследовательность. Они изучают экологию проводников и человеческих агентов то как социокультурных феноменов, то как чисто физиохимических или биологических объектов. Такое смешение экологии физических явлений с экологией социокультурных феноменов является причиной многих просчетов в существующих экологических теориях.

Социокультурная экология дает нам некоторое дополнительное знание об изучаемом феномене, но это знание ограниченное и по значимости второстепенное. Оно ограниченное, поскольку отражение положения и изменения социокультурных феноменов на экране геометрического пространства всегда несовершенно и неадекватно. Многие изменения в социокультурном положении данного человека или явления вообще никак не отражаются на экране геометрического пространства (территории). С одной стороны, биофизическая природа проводника может существенно меняться без изменения его социального положения. Некоторое данное здание – скажем, Бостонский симфонический зал, – остается на том же самом месте независимо от того, используется ли оно в данный момент симфоническим оркестром, общинной церковью или политическим съездом.

Вышесказанное дает представление о том, как значения, проводники, человеческие агенты и любые трехкомпонентные социокультурные явления размещаются в социокультурном пространстве и что такое размещение означает. Вместо приведенной выше десятимерной системы координат можно использовать другую, более проработанную или более простую. Сложность или простота выбираются всего лишь в зависимости от той степени точности, с которой мы хотим установить положение и позиционные связи данного социокультурного феномена. Независимо от того, будем ли мы пользоваться десятимерной или 20-мерной системой координат, мы будем делать это так же, как и в рассмотренном нами случае: *измерениями в ней должны будут быть основные культурные системы и социальные группы*. Не существует других систем векторов, которые позволяли бы уловить и локализовать социальные и культурные явления. Число культурных систем и социальных групп может меняться, но сами по себе культурные системы и социальные группы вместе с их компонентами являются необходимыми параметрами социокультурной системы координат.

3. Структура социокультурного пространства и дистанция

Предшествующий анализ дает нам представление о природе и структуре социокультурного пространства. Его характеристики могут быть предварительно суммированы следующим образом.

1. Социокультурное пространство в корне отличается от любого вида физического, или геометрического, пространства. Это пространство не столько количественное, однородное и изотропное, сколько качественное, неоднородное и неизотропное.

2. Это особое множество, заданное тремя основными «плоскостями» и некоторым числом «измерений». В нем есть плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов. Измерения задаются основными культур-

С другой стороны, церковное здание может стать старым и полуразрушенным в физическом отношении, оставаясь в то же время проводником религии.

Более подробный анализ этого см. в моей книге: Sorokin P. Sociocultural causality, space, time: A study of referential principles of sociology and social science. – Durham (NC): Duke univ. press, 1943. – P. 137–139. Там же приводится и список литературы.

ными системами и основными односвязными и многосвязными группами, вместе с их подсистемами и подгруппами. Число «измерений» зависит от того, с какой степенью точности мы хотим определить социальное и культурное положение данного социокультурного феномена в сверхорганическом универсуме.

3. Расположение проводников и человеческих агентов в физическом или геометрическом пространстве, т.е. их «экология», тоже входит в общее положение социокультурного феномена в сверхорганическом универсуме, но определение его является лишь одной – и притом второстепенной – задачей при определении позиционных связей сверхорганических феноменов.

Эта концепция социокультурного пространства содержит в себе определенное понимание таких производных понятий, как «социальная дистанция». С точки зрения социологии, *два или более социокультурных явления близки друг к другу, если они занимают одинаковые или смежные положения в векторной системе социокультурного пространства; и они далеки друг от друга, если их положения в этой системе векторов различны.* Два индивида, принадлежащие к одной и той же констелляции односвязных и многосвязных групп и к одним и тем же слоям внутри этих групп, очень близки друг к другу в сверхорганическом пространстве; чем больше друг от друга отличаются группы и слои, к которым они принадлежат, тем дальше они друг от друга отстоят. Так, если индивиды *A* и *B* являются гражданами Соединенных Штатов, членами епископальной церкви, республиканцами, живут в одной и той же территориальной группе, являются людьми одного и того же пола и возраста, одинаково богаты, любят одну и ту же музыку, литературу, драматургию и т.д., то эти индивиды очень близки друг к другу в социокультурном универсуме. Индивиды, являющиеся людьми разных рас, возрастов или полов, имеющие разные родственные связи, национальности, гражданства, политические и религиозные принадлежности, род занятий, экономические статусы и т.д., очень далеки друг от друга. Две христианские деноминации, как бы ни были далеки друг от друга их проводники и члены в физическом пространстве, располагаются в социокультурном пространстве гораздо ближе друг к другу, чем католическая церковь и «Дженерал моторс» или кубистская живопись и химическая наука. Предложенная формула ясно определяет понятие социальной дистанции и дает нам точное мерило для определения социо-

культурной дистанции между разными социокультурными феноменами¹.

4. Заключительные замечания о структуре социокультурного универсума

Мы подошли к завершению структурного анализа социокультурного универсума. На протяжении всего нашего объяснительного путешествия, от начальной точки до завершающей, мы настойчиво шли по одному и тому же пути, руководствуясь одними и теми же принципами.

1. Мы начали свой анализ с микрофизического изучения структуры родового «социокультурного атома» – межиндивидуального осмысленного взаимодействия. Это исследование позволило нам выделить главное в его сложной структуре: три компонента (значения, проводники и человеческие агенты) и три неразрывных его аспекта (социальный, культурный и личности взаимодействующих участников), со всеми богатыми и тонкими свойствами и связями каждого из этих компонентов-аспектов со всеми другими.

2. Знание общей структуры «социокультурного атома» как подвижной констелляции значений, проводников и людей привело нас к краткому изучению его основных форм и типов социокультурного взаимодействия, в особенности антагонистической, нейтральной, солидарной и организованной, полуорганизованной и неорганизованной форм взаимодействия.

¹ Предложенная концепция социокультурного пространства и дистанции очень отличается от концепции социальной дистанции Э. Богардуса. У него под «социальной дистанцией» понимается степень симпатии или антипатии между людьми. Такая концепция является психологической, а не социологической. Если король и его паж нравятся друг другу, то они, согласно его концепции социальной дистанции, очень близки друг к другу. Согласно концепции социокультурной дистанции, предложенной здесь, они очень далеки друг от друга, поскольку положение монарха отлично от положения пажа. Концепция Богардуса ценна для изучения степени симпатии или антипатии между людьми, однако она не определяет ни социокультурного пространства, ни дистанции; к тому же она неприменима к местоположениям социокультурных феноменов в свехорганическом универсуме. Она вообще не отвечает на такие вопросы, как, например: где находится симфония Бетховена? Насколько она близка к музыке Баха, роману Стейнбека, Сталелитейной Корпорации Соединенных Штатов и т.д.? См. об этом и соответствующей литературе в: Sorokin P.A. Op. cit. – P. 139 и далее.

3. Организованное взаимодействие «автоматически» дало нам понятие организованной группы, ее единства и ее общих свойств.

4. Имея в своем распоряжении понятие организованной группы, мы перешли к анализу структуры социального аспекта сверхорганического универсума. Этот анализ дал нам классы односвязных и многосвязных групп, могущественных и менее могущественных групп, вместе с их подклассами и подразделениями. Ориентируясь на эти основные формы социальных групп, мы легко смогли изучить основные линии социокультурной дифференциации населения на наиболее могущественные односвязные и многосвязные группы. Их изучение позволило нам уловить систематическую таксономию односвязных и особенно малоизвестных многосвязных групп и получить довольно четкую формулу структуры каждой из них. Таким образом, мы приоткрыли относительно неразработанную область «социологической химии» многосвязных социальных тел. Всесторонний анализ социальной дифференциации всего человечества, как и населения любого данного ареала, на могущественные односвязные и многосвязные группы дал нам надежное знание групповой структуры социального мира.

5. Далее, руководствуясь теми же принципами, мы перешли к анализу социальной стратификации во всех ее основных формах, уделив особое внимание внутригрупповым и межгрупповым, односвязным и многосвязным стратификациям. Это дало нам примерное представление о «вертикальном аспекте» многоэтажных социальных структур и человеческого населения в целом.

6. Когда исследование социальной дифференциации и стратификации было завершено, мы вернулись к населению как множеству (*plurel*) и как агломерации групп и страт. Обладая знанием основных групп и страт, мы легко смогли «рассечь» такие сложные социальные агрегаты на их «органы» (группы и страты) и легко выделили наиболее важные структурные типы населений как сложных социальных агрегатов.

7. После анализа структуры социального аспекта сверхорганического мы перешли к структурному анализу его культурного аспекта. Он дал нам классы интегрированных культурных систем, а также неинтегрированных и противоречивых культурных скоплений, вместе с их связями субординации, координации, сосуществования и противоречия. Кроме того, он привел нас к различению идеологических, поведенческих и материальных культур.

Вооруженные представлениями об этих классах культурных феноменов, мы легко смогли понять структуру культуры индивида, группы или культурного ареала и смогли дать довольно точное описание таких структур.

8. Затем мы перешли к анализу структуры личности как третьего аспекта сверхорганического. Мы получили четкую формулу для структуры эго, ментальности и внешних действий индивида. Эта формула, вероятно, намного адекватнее и надежнее преобладающих в наши дни фрейдистских, психоаналитических, психиатрических и психосоциальных представлений о структуре эго, ментальности и внешних действиях индивида. Кроме того, наша формула ясно определяет связь между числом и содержанием разных эго в индивиде и теми социальными группами и культурными системами, в которых он укоренен. За исключением остаточного фактора X – фактора избирательности – креативности – данная формула адекватно объясняет все существенное в структуре индивидуальных эго, их культурном содержании и внешних действиях индивида. Вдобавок к тому, она точно определяет положение индивида в сверхорганическом универсуме.

9. Наконец, структурный анализ социального, культурного и личностного аспектов сверхорганического универсума логически привел нас к концепциям социокультурного пространства, его системы координат и социокультурной дистанции. Наша концепция социокультурного пространства и его структуры – всего лишь следствие предшествующего структурного анализа социокультурного универсума, выделившего в нем три компонента, или аспекта.

На этом мы можем закончить структурный анализ социокультурного универсума и обратиться к изучению основных социокультурных процессов, которые регулярно происходят в этом универсуме.

ГЛАВА 21.

КАК РОЖДАЮТСЯ И ОРГАНИЗУЮТСЯ ГРУППЫ

І. Основные разделы динамической общей социологии

Структурная общая социология занимается структурой социального, культурного и личностного аспектов свехорганического. Параллельно этому динамическая общая социология исследует: 1) повторяющиеся *социальные процессы* и изменения – вместе с единообразиями «как» и «почему»; 2) повторяющиеся *культурные* процессы и изменения; 3) процессы и изменения *личности* в ее связях с социальными и культурными процессами. Начнем наш анализ с изучения социальных процессов.

При изучении социальных, культурных и личностных процессов общая социология сохраняет социологическую точку зрения генерализирующей науки. *Она исследует не специфические и уникальные процессы, из которых складывается жизнь данной уникальной социальной группы, а процессы, повторяющиеся в жизни любой социальной группы прошлого, настоящего и будущего.* Нас не интересуют все уникальные черты, из которых образуется жизненный процесс Римской империи, Гарвардского университета или методистской церкви. Вместо этого нас интересуют социальные процессы, повторяющиеся в жизненной истории всех групп, в том числе Римской империи, Гарвардского университета и методистской церкви. Как в своем структурном анализе, так же и здесь социология представляет алгебру, а не арифметику социальных наук. Подобно тому, как физиология человеческих организмов изучает базовые физиологические процессы, повторяющиеся во всех человеческих организмах, «социальная физиология», или динамика, сосредоточивает свое внимание на базовых социальных процессах, которые повторяются в жизненной истории всех социальных групп.

ІІ. Основные повторяющиеся социальные процессы

Конкретных форм повторяющихся социальных процессов в жизненной истории социальных групп необычайно много. Детальное их рассмотрение – задача специальных социологий и моно-

графических исследований. Общая социология имеет дело преимущественно с ограниченным числом базовых повторяющихся процессов. Удобно разделить их на следующие классы.

1. Как и почему рождаются социальные группы, или как и почему их члены переходят из обособленного состояния в состояние взаимодействия и контакта.

2. Как и почему они организуются. Этот процесс, согласующийся с понятием организации, распадается на ряд подпроцессов: а) как и почему в поведении их членов возникают официальные правовые нормы; как и почему возникают рекомендуемые, требуемые и запрещенные отношения; б) как и почему появляются внутригрупповая и межгрупповая дифференциация и стратификация с правительством и иерархией рангов и авторитетов. Об этих комплексных процессах часто говорят как об организации, институционализации и приспособлении (adjustment).

3. Как социальные группы сохраняют свою целостность, идентичность и непрерывность своего существования. Этот процесс можно аналитически разделить на два основных способа сохранения. Либо процесс сохранения группы можно разбить, в соответствии с ее компонентной структурой, на три подпроцесса: а) как группы поддерживают идентичность и целостность своего компонента значений, ценностей и норм; б) как они приобретают, меняют, поддерживают и теряют свои проводники и материальные средства существования; в) как они поддерживают свой членский состав: рекрутируют, обменивают, теряют своих членов и распределяют их между своими стратами (процессы горизонтальной и вертикальной социальной мобильности).

4. Как и почему группы меняются: а) в своем размере; б) в профиле стратификации; в) в числе «волокон» в своей сети отношений; г) в долях договорных, семейных и принудительных отношений; д) в ассоциации и диссоциации связей; е) в формах управления и в объеме правительственной регламентации; ж) в объеме и формах свободы.

5. Как и почему группы изменяются иногда упорядоченно, а иногда революционным путем.

6. Как и почему в межгрупповых отношениях происходят флуктуации войны и мира.

7). Как и почему группы дезинтегрируются и умирают (дезинтеграция и распад).

8. Как некоторые из групп возрождаются к жизни (регенерация).

Таковы, вкратце, основные процессы, повторяющиеся (за исключением позиции 8) в жизненных историях практически всех организованных групп, которые проходят полный цикл своей жизненной истории. Мы увидим, что каждый из этих процессов и подпроцессов состоит, в свою очередь, из нескольких подподпроцессов; они будут рассмотрены в следующих главах. Пока будет достаточно сказать, что совокупность этих процессов охватывает почти все базовые *социальные* процессы, причем все, обычно обсуждаемые в социологических учебниках и монографиях. *Культурные* процессы мы сюда не включаем; они будут разобраны в связи с культурной динамикой¹.

¹ Вот несколько типичных классификаций социокультурных процессов, находимых у разных социологов: изобретение, подражание, оппозиция (Г. Тард); организация, дезорганизация, власть, доминирование, лидерство, формализация, индивидуализация, социализация, конфликт, враждебность и внушение (Ч.Х. Кули); ассоциация, координация, социализация, адаптация, кооперация, ассимиляция, организация, преемственность, дезинтеграция (Ч.А. Эллвуд); изоляция, стимуляция, коммуникация, внушение, подражание, диффузия, дискриминация, дискуссия, аккомодация, ассимиляция, социализация (Э. Богардус); предварительная социализация, генезис общества, ассоциация, господство, эксплуатация, оппозиция, стимуляция, антагонизм; конкуренция, конфликт, классовая борьба, военная адаптация, кооперация, организация социальных усилий, воля и мышление, истощение, стратификация, градация, сегрегация, субординация, уравнивание, отбор, социализация, отчуждение, социальный контроль, индивидуация, освобождение, коммерциализация, профессионализация, институционализация, экспансия, окостенение, упадок, преобразование, реформирование (Э.А. Росс).

Л. фон Визе дает еще более подробную классификацию социальных отношений и процессов. (См. другие примеры и ссылки в моей книге: Sorokin P.A. Contemporary sociological theories. — N.Y.: Harper, 1928. — P. 507–513.) Наряду с многочисленными достоинствами эти классификации имеют и некоторые недостатки: 1) в них вряд ли имеется сколько-нибудь определенное *fundamentum divisionis*, они зачастую случайны и бессистемны; 2) многие из них неполны и упускают из виду многие базовые процессы; 3) одни и те же процессы фигурируют в них под разными названиями; 4) они смешивают в кучу биологические, психологические, социальные и культурные процессы; 5) будучи оторванными от своего структурного или динамического контекста, многие из этих процессов остаются «висящими в воздухе», т.е. не уточняется, где, когда и в какой структуре они происходят и как они друг с другом связаны. Поэтому я предпочитаю тот метод классификации и рассмотрения базовых процессов, который в общих чертах здесь описан. Как может заметить читатель, многие из этих процессов уже рассматривались под углом зрения структуры, но всегда в связи с межиндивидуальными или межгрупповыми и стратификационными структурами. Схожим образом и в этой части книги все базовые процессы приписываются со-

Теперь обратимся к краткому анализу этих процессов.

1. Почему и как рождаются социальные группы (процессы контакта и взаимодействия)

В более точной формулировке проблема состоит в том, почему и как прежде обособленные люди вступают во взаимодействие и, таким образом, становятся группой. Эта проблема отлична от вопроса о том, почему и как такая группа становится организованной. Две общие причины объясняют «почему», а четыре типа установления контакта и взаимодействия, вместе с заключенными в них факторами, объясняют «как» этой проблемы.

Почему. Двумя общими и постоянными причинами того, что люди не остаются изолированными друг от друга, того, что они взаимодействуют и образуют группы, в которых протекает их жизнь, являются: 1) *отсутствие самодостаточности индивида;* 2) *неоценимые преимущества, которые дает групповая жизнь по сравнению с обособленной жизнью для выживания человеческих индивидов и человеческого рода, для развития их творческого потенциала и для выполнения их миссии – реализации сверхорганического – на нашей планете.* Ни биологически, ни каким-либо иным образом индивид не самодостаточен. В силу крайне продолжительного младенчества никто из новорожденных человеческих младенцев не выжил бы, если бы о нем не заботились на протяжении многих лет другие люди. Без индивидов другого пола стало бы невозможно продолжение рода *homo sapiens*. Человеческий индивид, особенно в условиях дописменного общества, не в состоянии был бы в одиночку защитить себя от нападений других животных и враждебных сил. В одиночку он не смог бы многому научиться и развить сколько-нибудь значительным образом свой ум и свои сверхорганические возможности. В обществе с хорошо развитым разделением труда индивид в одиночку столь же беспомощен, как и в дописменном обществе. Короче говоря, это крайнее отсутствие у индивида самодостаточности, невозможность его одиночного выживания даже в биологическом смысле служит достаточной причиной для того, чтобы он был обречен пребывать во

ответствующим индивидам, группам и стратам. Вместо того чтобы «висеть в воздухе», все наши базовые процессы, так сказать, «встраиваются» в соответствующие социальные структуры и точно локализируются относительно тех или иных групп, страт или индивидов.

взаимодействиях и жить в потоке взаимодействий с момента рождения и до самой своей кончины.

То же верно и с точки зрения *человеческого рода*. *Homo sapiens* возник и был социальным животным, живущим в группах, поскольку такая жизнь была для выживания всего человеческого рода гораздо выгоднее, чем жизнь изолированных индивидов. Общее замечание, что социальная форма жизни развилась у тех видов, для выживания которых она была выгодной, и не развилась у тех, для выживания которых она была невыгодной¹, относится и к *homo sapiens*. Еще более непрерывное взаимодействие и социальная жизнь были необходимы для развития творческих способностей *homo sapiens* и для выполнения его особой миссии на нашей планете: осуществления и развития сверхорганического разума. В главе 1 мы показали, что индивид, отрезанный с момента рождения от других индивидов, не может развить даже в самой скромной форме свой творческий, душевный и моральный потенциал. Это относится к его памяти и воображению, идеям и верованиям, понятийному мышлению (в науке и философии, этике и праве), художественному творчеству и техническим изобретениям. Еще менее возможны в изоляции накопление и рост опыта и культуры.

Этих двух причин абсолютно достаточно для объяснения того, почему люди взаимодействуют и живут в группах.

Как. Можно выделить четыре способа, которыми люди начинают процесс взаимодействия. Взаимодействие может быть: 1) преднамеренным, или целенаправленным, когда его ищут все взаимодействующие стороны; 2) преднамеренным, когда одни стороны его ищут, а другие не ищут или ему противодействуют; 3) таким, когда все затронутые стороны преднамеренно или непреднамеренно ему противодействуют; 4) непреднамеренным или случайным для всех затронутых сторон, взаимодействующих в

¹ См.: Morgan L. Animal behavior. — L.: Arnold, 1908. — P. 229 ff; Parmelee M. The science of human behavior. — N.Y.: Macmillan, 1913. — P. 391 ff; Ammon O. L'ordre social et ses bases naturelles. — P.: Fontemoing, 1900. — P. 40 ff. Л. Морган и другие авторы справедливо указывают, что развитие социальной жизни у живых видов не является критерием высшего или низшего положения этих видов на зоологической лестнице, а обусловлено ее преимуществами или недостатками для их выживания. Для львов и тигров, способных защитить себя от врагов, развитые формы социальной жизни были не так необходимы, как, скажем, для шакалов. См. также: Kropotkin P.A. Mutual aid. — L.: Heinemann, 1902.

силу разных условий – космических, биологических и социокультурных – независимо от своих намерений и целей¹.

1. Преднамеренный, или целенаправленный, способ хорошо известен каждому. Миллионы людей каждый день преднамеренно и целенаправленно встречаются для разговора, для заключения сделок, с политическими или религиозными целями, для научных и художественных споров, для обеда или чаепития и т.п. Большинство встреч, происходящих «по договоренности», «по согласованию» или «по приглашению», представляют как раз этот вид инициации взаимодействия. В косвенных взаимодействиях мы намеренно слушаем любимую радиопрограмму, читаем определенные газеты или книги, посещаем концерт, политический митинг, религиозную службу, клуб и т.п. Этот метод – одно из важнейших средств инициации взаимодействий.

2. Банда преступников, пытающихся скрыться от группы полицейских, стремящихся ее задержать; армейское подразделение, пытающееся покинуть поле боя и уйти от преследующего его врага; должник, избегающий встреч со своим кредитором; люди, которых «нет дома» для нежелательных гостей; кинозвезды или спортивные герои, осаждаемые совершенно неинтересными им поклонниками, – примеры второго способа установления взаимодействий. В массовом масштабе примерами здесь служат завоеватели, захватчики и колонизаторы, которые, соблазняясь богатствами или другими ценностями, умышленно вторгаются в страну, и тамошние жители, либо противящиеся взаимодействию с захватчиками или колонизаторами, либо не ищущие взаимодействия с ними; так было с испанскими конкистадорами в Мексике и Перу. Все взаимодействия, начинающиеся по схеме «намеренный поиск и избегание», принадлежат к этому типу. В разных конкретных формах этот способ действовал в миллионах прошлых и нынешних взаимодействий.

3. К удивлению многих, ряд взаимодействий может начинаться между сторонами, которые ему противятся. Так, солдаты двух стран, не желающие воевать друг с другом, могут вынужденно встречаться и вступать в бой под воздействием внешних для них сил. Гладиаторы на римской арене часто находились в таком

¹ Существование случайного типа, а также отчасти второго и третьего, свидетельствует об ошибочности теорий, утверждающих, что все процессы взаимодействия инициируются целенаправленно, или в соответствии со схемой «средства и цели».

же положении. Хотя этот тип инициации взаимодействия действует не так широко, как другие, все же он существует и действует чаще, чем многие думают.

4. Наконец, каждодневно в силу разных обстоятельств мы вступаем в многочисленные взаимодействия случайно, без всякой цели, желания, плана или намерения. Проехав по рассеянности на автомобиле на красный свет, мы внезапно оказываемся во взаимодействии с дорожным полисменом, а затем с дорожным судом. Когда мы едем в трамвае, к нам часто кто-то обращается, и мы вступаем в разговор с посторонним человеком. Прячась в бомбоубежище не с целью взаимодействия, а ради безопасности, тысячи людей иницируют контакты с тысячами других. Отправившись освежиться на многолюдный пляж, оказываются во взаимодействии тысячи людей, собранных вместе теплом и водой. Открытие залежей золота или других драгоценных металлов в том или ином уголке мира порождает приток тысяч людей в такие места, а затем в «бумтауны»; результатом становятся тысячи взаимодействий между оказавшимися друг с другом в пространственной близости золотоискателями. Вообще говоря, все *космические* факторы (свет, температура, вода и т.д.), как и *биологические и социокультурные условия, собирающие индивидов в тесной пространственной близости, являются факторами генезиса случайных взаимодействий и групп. То же самое можно сказать обо всех факторах, способствующих коммуникации между людьми.* Оказываясь в физической близости, индивиды вынуждены взаимно или односторонне действовать и реагировать, независимо от своих предшествующих целей или желаний. За редкими исключениями, они при таких условиях просто не могут не взаимодействовать. Многие из таких взаимодействий недолговечны, но некоторые оказываются долгими, то тут, то там перерастая в близкую дружбу или незатухающую ненависть.

Космические, биологические и социокультурные условия, «сводящие индивидов», многочисленны и различны для разных индивидов и групп. Но, в общем и целом, *все условия, тем или иным образом выгодные для данных индивидов, способствуют процессам взаимодействия*; будучи выгодными, они привлекают множество индивидов и приводят их в физическую близость или в контакт друг с другом, порождая тем самым процессы взаимодействия и группы. Оазис в пустыне, плодородная долина, река в сухой местности или пляж в жаркий день, приятный климат, здравница, залежи железа или нефти, бомбоубежище во время

воздушного налета, район, свободный от врага в военное время или богатый пищей в период голодомора, музей, прилично оплачиваемая работа – эти и тысячи других космических, биологических и социокультурных факторов вызывают процессы взаимодействия и рождения групп либо способствуют им.

Это общее правило в значительной степени объясняет прошлую и нынешнюю плотность населения: с одной стороны, низкую в пустынях и в неплодородных и иных регионах, неблагоприятных для жизни, и, с другой стороны, высокую в плодородных долинах, в ареалах со здоровым климатом, по берегам рек, ручьев, морей и океанов и т.д.¹

Еще более случайны многочисленные косвенные и анонимные взаимодействия. Индивид, живущий в городе, не может избежать влияния на него зданий, подземок, улиц, голосов, шумов и тысяч других «проводников взаимодействия» и материальных средств, созданных другими людьми и непрестанно воздействующих, независимо от желаний этого индивида, на его настроения, мысли и действия. Так мы непреднамеренно взаимодействуем даже с прошлыми поколениями, построившими этот город с его зданиями и памятниками, улицами, транспортными системами и всей его материальной культурой. Мы ненамеренно взаимодействуем с пестрой толпой – гудящей, кричащей и поющей, смеющейся, вносящей нас в переполненные лифты и подземки, источающей то враждебность и ненависть, то любовь, иной раз радость, а иной раз грусть. В ходе прогулки или поездки из дома на работу мы ежедневно переживаем ряд таких непреднамеренных взаимодействий с мертвыми и живыми, с индивидами и анонимными коллективами, и эти взаимодействия влияют на нас, иногда глубоко и постоянно, независимо от наших желаний и целей.

Если тщательно зарегистрировать все взаимодействия, переживаемые человеком за сутки, то обнаружится, что каждый день человек переживает много преднамеренных и много случайных взаимодействий. Если все эти разнородные взаимодействия подсчитать, то доля случайных взаимодействий в общей сумме окажется выше, чем доля преднамеренных. Таковы четыре основных

¹ Детальный анализ различных космических, биологических и социокультурных факторов случайно порождающихся процессов взаимодействия можно найти в моей книге: Сорокин П.А. Система социологии. – Пг.: Колос, 1920. – Т. I. – С. 249–342. См. также мою книгу: Sorokin P.A. Contemporary sociological theories. – N.Y.: Harper, 1928. – P. 106 ff.

способа порождения процессов взаимодействия и, в конечном счете, групп.

2. Почему и как социальные группы становятся организованными (процессы организации, адаптации и аккомодации)

Некоторые из взаимодействий недолговечны и прекращаются, так и не достигнув стадии организации. Другие взаимодействия продолжают и со временем становятся организованными.

1. *Почему.* Общая и постоянная причина того, что долговечное взаимодействие индивидов неизбежно переходит из неорганизованной формы в организованную, вполне понятна. Без кристаллизации функций и ролей, прав и обязанностей взаимодействующих индивидов контакты, скорее всего, будут вести к беспрестанным конфликтам. Никакие мир и порядок, никакая безопасность, никакие коллективные усилия и удовлетворение потребностей членов группы невозможны в условиях гоббсовской «войны всех против всех». Либо такие неорганизованные взаимодействия прекращаются, либо те, кто в них находится, причиняют ущерб друг другу бесконечными стычками, исключая тем самым всякие преимущества групповой жизни. В противном случае они должны принять статус организованных взаимодействий. Каждый день происходят тысячи случайных реакций, тысячи затеваются с мыслью о переводе их на постоянную основу, но терпят неудачу в силу разногласий и конфликтов между участниками; наконец, тысячи других выживают за счет образования организованных групп. *Организация группы есть необходимое условие ее выживания и долговечности.* Рождающаяся организация вовсе не обязательно справедлива, честна и одинаково выгодна для всех ее членов. Она может быть и часто бывает организацией могущественных захватчиков, эксплуататоров или хозяев, которые покоряют или эксплуатируют других взаимодействующих индивидов, делая их подданными, слугами или рабами. Тем не менее, как отмечалось в главе 4, такая группа будет организованной, если обладает кодексом правовых норм и всеми другими характеристиками организованной группы. Тюрьма Синг-Синг – это организованная группа, несмотря на враждебные отношения между ее охранниками и узниками. В общем, какая организация родится из взаимодействия индивидов – семейная или принудительная, справедливая или несправедливая, – зависит от свойств индивидов и совокупных усло-

вий группы. Это всегда результирующая всех сил членов и всех тех условий, в которых они взаимодействуют.

Как. Относительно того, как группа взаимодействующих индивидов обретает статус организованной группы, можно привести четыре основных принципа. Организация может быть: 1) преднамеренной, или целенаправленной, со стороны всех взаимодействующих индивидов; 2) непреднамеренным, спонтанным процессом «естественной кристаллизации», проб и ошибок со стороны всех затронутых участников; 3) преднамеренной со стороны одних участников и непреднамеренной или даже встречающей сопротивление со стороны других; 4) встречающей сопротивление со стороны всех затронутых участников.

1. Первый способ хорошо известен. Таким образом возникают тысячи организованных групп: деловых корпораций, научных, религиозных, художественных, политических, профессиональных, семейных и прочих ассоциаций. Взаимодействующие индивиды с некоторым набором общих ценностей целенаправленно собираются вместе и договариваются создать организованную группу для осуществления этих общих ценностей. Они сочиняют конституцию или официальный закон новой группы, определяя ее цель, членство, органы управления, права и обязанности каждого члена – короче говоря, все характеристики организованной группы. Как только будет определена и принята конституция, группа с какого-то момента становится полноценным организованным единством. Весь процесс организации требует относительно небольшого количества времени. Официальное существование такой группы отсчитывается с момента ее формального учреждения или ее инкорпорации государством в случае инкорпорированных групп. Множество семейных групп, предприятий, политических, профессиональных, научных, религиозных, художественных, философских, юридических, этических, образовательных и иных ассоциаций возникает таким целенаправленным – «установительным» и договорным – образом. Этот способ возникновения организованных групп действовал начиная с известных нам истоков истории как в дописьменных, так и в «исторических» популяциях.

Поскольку это так, то договорные теории происхождения общества или государства – теории Пуффендорфа и Вольфа, Гроция и Гоббса, Локка и Руссо – содержат в себе зерно истины. Что касается других претензий этих теорий, то они, конечно, крайне наивны; возьмем, к примеру, предлагаемое ими изображение «ес-

тественного человека» и до-договорного «естественного общества» или их утверждение, что было счастливое анархическое состояние нерегулируемого до-договорного общества и что договорной способ является единственным способом возникновения организованных групп.

Хотя целенаправленное, или договорное, образование организованных групп есть простейший, быстрейший и вернейший способ их возникновения, оно является возможным и достигает успеха только в группах индивидов, у которых в значительной степени конгениальны и схожи ценности, нормы, значения и соответствующие поведение и образы жизни, начиная с общих ценностей и значений, которые они хотят через организацию осуществить, и заканчивая их верой в связывающий и обязывающий характер их договора. В группе индивидов, имеющих совершенно разные ценности и нормы, манеры поведения и культуру, целенаправленное создание организованной группы либо просто невозможно, либо обречено быть недолговечным, либо терпит фиаско, превращая организованную группу в сугубо принудительную псевдодоговорную организацию, которая силой или обманом навязывается сильнейшими ее членами слабейшим. Тогда обоюдно целенаправленный способ превращается по сути в третий способ: целенаправленный для одних участников и непреднамеренный или принудительно навязанный – для других.

2. Непреднамеренный способ спонтанного созревания взаимодействия и облечения его в организованную форму действовал на протяжении долгого времени. Например, группа детей, не знакомых друг с другом, встречаются в школе, новом поселении или соседстве и начинают взаимодействовать. На первых стадиях их взаимодействие остается неорганизованным; роли, права и обязанности каждого ребенка остаются неопределенными, а их связи – некристаллизованными. По мере продолжения взаимодействия, в ходе которого возникает много конфликтов и столкновений, отношения шаг за шагом кристаллизуются: постепенно появляются управляющий и управляемые, главенствующие и подчиненные, ведущие и ведомые с их специфическими функциями, правами и обязанностями. По прошествии некоторого времени дети обретают статус организованной группы. Схожий процесс наблюдается и у взрослых¹.

¹ Конкретные факты, касающиеся детей дошкольного и школьного возраста, см.: Parten M. Leadership among preschool children // J. of abnormal a. social psy-

Таким же образом возникают многие брачные и семейные группы как организованные сущности. Из раза в раз повторяющаяся история выглядит приблизительно так. Люди, прежде не знакомые друг с другом, не имеющие ни малейшего умысла или намерения влюбиться и жениться, случайно где-то встречаются. Иногда за этим следует «любовь с первого взгляда», но чаще – постепенная кристаллизация их чувств, созревающих в ряде последующих взаимодействий. Наконец участники неожиданно обнаруживают, что любят друг друга. Вопрос о браке, однако, остается какое-то время нерешенным. Во многих случаях ситуация не приводит к браку; в других случаях у одной или обеих сторон возникает намерение пожениться. По мере того как отношения становятся все более близкими, часто возникают кризисы – недоразумения, ссоры, временные разлуки, – пока участники в конце концов не женятся и не создадут семью. В каких-то случаях заключение брака противоречит планам одной или обеих сторон. Главное здесь то, что стороны не планируют влюбляться и не планируют жениться до сравнительно поздней стадии своих взаимодействий. Большинство людей женятся не в соответствии с каким-то продуманным рациональным планом, а в силу взаимодействия, спонтанно развивающегося в сторону, ведущую к браку. Цель заключить брак возникает сравнительно поздно, в большинстве случаев просто в результате случайно сложившейся душевной, эмоциональной, моральной и социальной ситуации. Только браки, в которых у сторон заранее есть расчет жениться на ком-то из соображений обретения титула, богатства или по каким-то схожим мотивам, являются браками, возникающими целенаправленно. Большинство же браков возникает непреднамеренно, из случайной встречи сторон и спонтанного созревания их взаимоотношений.

Схожим образом образуются многие дружеские группы и достигают организованности многие научные, филантропические, художественные, дискуссионные, политические, этические и другие объединения или группы. Принципиально во всех этих случаях то, что *сама цель создать организацию возникает спонтанно, без*

chology. – Iowa City, 1933. – Vol. 27, N 4. – P. 430–440; Bühler C. Social behavior of children // Handbook of child psychology / Ed. by C. Murchison. – Worcester (MA): Clark univ. press, 1931. – P. 374–416; Page M.L. The experimental modification of ascendant behavior in preschool children. – Iowa City: Univ. of Iowa press, 1936; Murphy L. Social behavior and child personality. – N.Y.: Columbia univ. press, 1937.

какого-либо заранее продуманного плана. В этих ситуациях нет заранее поставленной цели, ведущей к групповой организации, а процесс взаимодействия, спонтанно начинающийся и столь же спонтанно развивающийся, постепенно рождает цель формализации и кристаллизации уже в основном организовавшейся группы.

Непреднамеренный способ функционирования был особенно важен в прошлом, когда незнакомые друг с другом индивиды или группы с разными ценностями, нормами и культурой оказывались в контакте и более или менее постоянном взаимодействии. В таких случаях организация и объединение целенаправленного «договорного» типа были невозможны; слишком сильно различались их ценности и нормы, для того чтобы целенаправленная кооперация и организация были осуществимы. Контакты и взаимодействия должны были какое-то время продолжаться случайно, наугад, методом проб и ошибок, с неизбежными конфликтами и столкновениями. Многие формы связей оказывались по ходу дела негодными и несостоятельными в данном «поле сил» и в конце концов отбрасывались¹, другие же в большей степени соответствовали реальному соотношению сил. Постепенно какие-то люди и группы становились лидирующими и управляющими, а другие – ведомыми и управляемыми. Некоторые нормы поведения, оказываясь осуществимыми в жизни легче всего, повторялись до тех пор, пока не становились привычными или привычно насаждаемыми в качестве наиболее возможного *modus vivendi*. Достигая этой стадии «народных обычаев», они, воспроизводясь, начинали восприниматься как «атрибутивно-императивные» правила поведения и обычно облекались в одежды религиозных, этических, политиче-

¹ В психологическом отношении случайное возникновение моральных и правовых норм по существу схоже с образованием привычек из случайных реакций человека, в которых главными стимулами являются действия других сторон, использующих все средства для оказания влияния на поведение данного лица: внушение, убеждение, награды и наказания, приказы, престиж, авторитет и грубое принуждение. См.: Dunlap K. Habits: Their making and unmaking. – N.Y.: Liveright, 1932; Murphy G., Murphy L.B., Newcomb T. Experimental social psychology. – N.Y.: Harper, 1937. – Ch. 4–6; La Piere R.T., Farnsworth P.R. Social psychology. – N.Y.: McGraw–Hill, 1936. – Ch. 7; Bernard L.L. Introduction to sociology. – N.Y.: Crowell, 1942. – Ch. 22–25. См. также литературу, цитируемую в этих работах. О том, как эти процессы протекают у детей, см.: Anderson J.E. The development of social behavior // American j. of sociology. – Chicago, 1939. – Vol. 44, N 6. – P. 839–957; Blumer H. Movies and conduct. – N.Y.: Macmillan, 1933; цитируемые труды Ж. Пиаже, М. Партена и К. Бюлера.

ских и иных идеологий. Когда такие правила возникали и охватывали основополагающие социальные отношения, группа наконец достигала стадии организованной группы со всеми характерными чертами организации: официальным законом, органами управления и иерархией властей, дифференциацией и расслоением, и т.д. В стереотипной и обобщенной форме этот процесс можно описать как последовательность следующих фаз: а) спонтанное использование разных, порой даже противоположных, форм поведения между взаимодействующими индивидами, приводящее то тут, то там к конфликту и столкновениям; б) спонтанный процесс непрекращающихся проб, проверки этих правил и их непрекращающегося отбора; в) прогрессивное уменьшение использования непригодных форм и все более частое использование пригодных форм; г) все большее избавление от непригодных правил и преобразование более пригодных и часто используемых форм в привычные; д) преобразование привычных правил в обычные; е) преобразование обычных правил в «императивно-атрибутивные» нормы (неофициальные, затем официальные). С наступлением последней фазы организация в данной области отношений становится свершившимся фактом. Когда такие нормы возникают во всех основных областях социальных связей взаимодействующих членов, группа становится полностью организованной¹.

Способ спонтанных проб и ошибок и последовательного отбора — со множеством конфликтов и множеством жертв в промежутке между началом взаимодействия и его окончательной организацией — был путем объединения и организации разных «семей», «орд», «кланов», «территориальных групп», «родственных групп» и национальностей во все более и более крупные организованные группы, вплоть до государственных организаций.

Он продолжает играть важную роль в процессе международной организации человечества. Потребность в установлении международного мира ощущалась издавна. Веками создавались многочисленные планы по его осуществлению². Однако немногие из них реализовывались; они оказывались бесплодными и недол-

¹ Ср. со схемой Ваксвейлера: «действие–повторение–привычка–обычай–правило–институт» (*acte-habitude-usage-règle-institution*). См.: Waxweiler E. *Esquisse d'une sociologie*. — Bruxelles: Misch & Thron, 1906; Waxweiler E. *Avant-propos* // *Bulletin mensuel*. — Bruxelles, 1910. — N 1. — P. 1–9.

² См.: Hembelen S.J. *Plans for world peace through six centuries*. — Chicago: Univ. of Chicago press, 1943.

говечными, подобно Лиге Наций. Даже когда такие планы осуществлялись частично, объективные результаты неизменно сильно отличались от ожидаемых¹. Действительные формы международного права, международных отношений и международной организации никаким образом не соответствовали исходным планам. Прежде чем возникнет сравнительно определенная и стабильная международная организация, неизбежно будет долгая череда проб и ошибок, столкновений и конфликтов, а когда эта организация установится, она будет сильно отличаться от задуманной. Ее осуществление будет в такой же степени обусловлено игрой случайных сил, в какой и целенаправленными замыслами и усилиями².

С этой точки зрения теории, отдающие должное спонтанному развитию религиозного, обычного, племенного и иного права, или того, что многие называют развитием нравов и обычаев, – теории Аристотеля, Тацита, Гроция, Юма, А. Фергюсона, Адама Смита, Савиньи, Пухты, Спенсера, У.Г. Самнера, М. Ковалевского, Л. Петражицкого и других, – несомненно, обоснованны. Многие правовые нормы возникли как раз таким случайным образом, через спонтанные пробы и ошибки, или «естественный отбор» норм в ходе их непрерывной проверки в продолжающемся процессе взаимодействия между заинтересованными сторонами.

Таким же спонтанным образом возникает и развивается большинство интуитивных, или неофициальных, правовых норм. В ответ на непрестанно меняющиеся условия социальной жизни

¹ Это же касается почти любого государственного уложения и закона: их объективные результаты неизменно отличаются от ожидаемых. Акт Вольстеда привел к бутлегерству, шаечной форме преступности, расцвету всевозможных «точек», где наливали и продавали спиртное, и т.п.; ничего этого разработчики закона не предвидели. Ряд поразительных наблюдений о расхождении между целенаправленным и непреднамеренным способами изменения конституций см. в книге: De Maistre J. *Considérations sur la France // De Maistre J. Oeuvres.* – Lyon: Vitte, 1891. – Vol. 1.

² Еще одна формула для случайного возникновения правовых норм в национальном или международном объединении – это «кризис–испытания–катарсис–харизма–новое право». Возникновение нового национального и международного порядка в наше время точно ей соответствует: Первая и Вторая мировые войны вместе с многочисленными кровавыми революциями породили трагические и поучительные кризисы и суровые испытания, настоятельно указывающие на необходимость установления нового порядка и права. В конце концов новый порядок будет установлен, если человечество до этого не уничтожит само себя в атомных войнах. Об этой формуле см. в моей книге: Sorokin P.A. *The crisis of our age.* – N.Y.: Dutton, 1941. – P. 321 ff.

наши «интуитивные» правовые убеждения претерпевают постоянное изменение (см. выше, глава 4). В этом процессе фактор спонтанности преобладает, и характер меняющихся норм определяется отнюдь не целеполаганием.

Как уже отмечалось в главе 4, пока правовые убеждения не найдут поддержки у членов группы, официальное право обречено быть мертвой буквой, и тогда оно либо уничтожается силой, либо изменяется посредством упорядоченных процессов. Это означает, что многие целенаправленные модификации, вносимые в официальное право законодательными органами, и многие целенаправленно создаваемые правовые кодексы находятся под воздействием спонтанно развивающегося и меняющегося интуитивного права. Следовательно, сама целенаправленность таких кодексов есть просто рационализация спонтанных правовых убеждений. Даже в высшей степени рациональный или продуманный кодекс обречен быть неэффективным, если будет идти вразрез со спонтанными убеждениями населения. Сухой закон в Соединенных Штатах служит тому примером. Суть ситуации превосходно резюмируется в высказывании Тацита: *Quid leges sine moribus*. Иначе говоря, под поверхностью внешне целенаправленно вводимых официальных законов скрываются глубинные течения спонтанно развивающихся и меняющихся правовых убеждений населения, которые в конце концов проявляют себя в форме целенаправленной индивидуальной и коллективной законодательной деятельности. Поскольку изменение в нормах официального права означает изменение в организации соответствующей группы, то случайный способ организации групп имеет гораздо более широкую и более фундаментальную применимость, чем кажется поверхностному взгляду¹.

¹ См.: Ковалевский М. Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886. – Т. 1–2 (французский перевод: Kovalevsky M. Coutume contemporaine et loi ancienne: Droit coutumier Ossetian. – P.: Larose, 1893); Westermarck E. The origin and development of moral ideas. – L.: Macmillan, 1906. – Vol. 1, ch. 1–13; Malinowski B. Crime and custom in savage society. – L.: Kegan Paul, 1926; Robson W.A. Civilization and the growth of law. – L.: Macmillan, 1935; Thurnwald R. Werden, Wandel und Gestaltung des Rechtes im Lichte der Völkerforschung. – B.; Leipzig: de Gruyter, 1934; Sumner W.G. Folkways. – Boston: Ginn, 1906; Diamond A.S. Primitive law. – N.Y.: Longmans Green, 1935; Cruet J. La vie du droit et l'impuissance de lois. – P.: Flammarion, 1908; приводимые выше работы Л. Петражицкого; Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie. – Bruxelles: Misch & Thron, 1906; Timasheff N. An introduction to the sociology of law (цитировалась

Все теории, утверждающие, что «ни один институт не может появиться без сознательной воли человека, направленной на определенную цель»¹, ошибочны. Многие организованные группы и институты возникли случайно, без всякой цели и волевого усилия. Многие другие, как мы увидим, возникли вразрез с волей либо всех, либо некоторых заинтересованных сторон. Семья, состоящая из мужа и жены, женившихся против своей воли и вынужденных вопреки желанию продолжать совместную жизнь, убедительно опровергает подобные утверждения.

Ложны и те теории, которые объясняют все организованные группы как сцементированные и сформированные завоеванием и насилием. Какие-то группы и в самом деле организуются так. Но подлинно целенаправленные организации и масса случайно организовавшихся групп не соответствуют этой модели. Следовательно, сторонники этих теорий повинны в возведении частного случая в универсальное правило.

3. Многие организованные группы образуются путем *сознательного принуждающего воздействия одних сторон на другие, враждебно или равнодушно относящиеся к соответствующей организации*. Когда испанцы и англичане вторглись в западное полушарие и покоряли тамошних ацтеков, перуанцев и иных индейцев, насаждая свои правила, законы и организацию, коренные американцы сопротивлялись, но были побеждены и вынуждены принять волю завоевателей. Такая же история повторялась почти во всех вторжениях и насильственных колонизациях: арийцев в Индии, дорийцев и др. в Элладе, македонян, римлян, современных европейцев. В других случаях жители захваченных стран пассивно

выше: Timasheff N. An introduction to the sociology of law. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1939); Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. – СПб.: Изд. Я.Г. Долбышева, 1914; Thomas W.I. Primitive behavior (цитировалась выше: Thomas W.I. Primitive behavior. – N.Y.: McGraw-Hill, 1937); Кропоткин П. Взаимопомощь (цитировалась выше: Kropotkin P.A. Mutual aid. – L.: Heinemann, 1902; здесь можно найти серию примеров, противоположаемых целенаправленному типу).

¹ Jellinek G. Das Recht des modernen Staates. – В.: Häring, 1900 (в русском переводе этой книги с. 30. См: Еллинек Г. Право современного государства. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1903). Схожее утверждение Р. Иеринга, что «каждое общество возникает целенаправленно, предумышленно и сознательно», повторяемое Макаревичем и другими, равно ошибочно, так же как и недавние воспроизведения этой идеи сторонниками схемы «средства–цель».

подчинялись организации, насаждаемой колонизаторами, не приветствуя ее, но и не противодействуя ей.

В других условиях этот способ организации регулярно проявлялся в различных популяциях в форме, когда один элемент, господский, навязывал свою организацию враждебно настроенным или индифферентным низшим классам, превращая их в рабов, слуг или угнетенный и бесправный слой. Из недавних времен можно взять следующий пример. В 1942 г. правительство США эвакуировало из Тихоокеанского региона около 110 тыс. японцев в десять «центров для перемещенных лиц», где они были подчинены организации, к которой не стремились и которую не приветствовали¹.

В меньшем масштабе этот метод организации продолжает работать в сотнях взаимодействий: преступника и полицейских, которые стремятся его задержать; похищенных детей и их похитителей и т.д.

4. *Наконец, есть тип организации, которому противодействуют все непосредственно затронутые стороны.* Примером служит брак, навязанный обеим сторонам против их желания родителями или другой группой. Другим примером будут военнопленные, принудительно зачисляемые в германскую армию и вынужденные сражаться с армией своей страны. Третьим примером будут бандиты, запертые в камеру и вынужденные подчиниться тюремным правилам.

Таковы четыре основных способа, которыми неорганизованный процесс взаимодействия переходит в организованную форму и производит организованную группу. С негативной стороны, само существование этих четырех типов свидетельствует об односторонности теорий, в которых тот или иной из них выдается за *единственный* способ организации групп. Мы видим, что целенаправленные, случайные, целенаправленно-принудительные и безоговорочно принудительные теории происхождения организованных групп, будучи частично верными, несостоятельны в своих притязаниях на исключительность и универсальность.

В значительной части неверна и теория А. Гобино, согласно которой единственным основанием социального объединения является расовое единство индивидов; ведь расово однородные группы – всего лишь элемент среди множества расово неоднород-

¹ Подробный анализ см.: Leighton A.H. The governing of men. – Princeton: Princeton univ. press, 1945. – Pt. 1.

ных групп. Даже расово антагонистичные люди часто вынуждены взаимодействовать и формировать организованную группу.

Таковыми же односторонними являются все теории, подобные, например, теориям Адама Смита и А. Сазерленда, которые ищут источник общества в полуинстинктивной симпатии и выводят все формы организованных групп из нее. То же самое касается теории Ф. Гиддинга, обнаруживающего корни социальной жизни и организованных групп в «сознании рода», и теории П. Кропоткина, подчеркивающего исключительную роль взаимопомощи. Все подобные теории возводят частный случай в универсальное правило. Они игнорируют тот факт, что люди начинают процессы взаимодействия, а затем придают им организованную форму не только в ответ на такие движущие силы, как симпатия, взаимопомощь, «сознание рода», «удовольствие от общения» и «наслаждение взаимодействием», но и под влиянием ненависти, желания навредить своим ближним, обокрасть и эксплуатировать их.

Кроме того, односторонними являются теории, усматривающие истоки организации исключительно в том или ином инстинкте (например, теории У. Макдаугалла, Р. Петруччи и У. Троттера), в подражании (Г. Тард), в простом принуждении (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер и др.) или в каком угодно другом единичном факторе. Само существование семейных, промежуточных и антагонистических форм взаимодействия и групп доказывает, что индивиды взаимодействуют по своей воле и целенаправленно в семейных группах, хотя не могут этого делать в сущностно антагонистических группах и не могут целенаправленно входить в группу, создающую для них тюрьму. Существование этих солидарных, промежуточных и антагонистических типов групп предполагает четыре рассмотренных нами способа организации. Иначе нам пришлось бы принять нелепое утверждение, что каждая группа организуется по волевому решению и целенаправленно всеми ее членами: тюремная группа – заключенными, рабочладельческое общество – рабами, общество победителей и побежденных – побежденными. Либо, если бы мы приняли притязания теории принуждения–завоевания, мы должны были бы заключить, что никакие группы не организуются посредством свободного сотрудничества всех их членов ради достижения общих целей, а этот вывод убедительно опровергается наблюдаемыми фактами.

3. Почему и как организованные группы дифференцируются, стратифицируются и обретают названия

Организация группы означает не только оформление ее официального права, разделение действий и реакций на классы законных, рекомендуемых и запрещенных и возникновение некоторого рода правительства. Помимо этого она предполагает внутригрупповую дифференциацию и стратификацию.

Почему. Наряду с приведенными выше причинами взаимодействия и организации, существуют еще причины, по которым организованные группы дифференцируются и стратифицируются: 1) биосоциальная гетерогенность индивидов; 2) преимущества социальной дифференциации и стратификации; 3) предотвращение непрекращающихся распрей и содействие социальному порядку и солидарности; 4) непрерывно меняющиеся социокультурные и отчасти космические и биологические условия.

1. Ребенок не может выполнять различных физических и умственных функций, легко выполняемых взрослым человеком; мужчина и женщина не могут осуществлять некоторые функции противоположного пола; слабые не в состоянии выполнять работу, требующую значительной физической силы; глупые неспособны решать задачи, требующие умственных способностей; старые и больные непригодны для многих функций, с которыми справляются молодые и здоровые. Эти чисто биологические различия в возрасте, поле, здоровье, телосложении и умственных способностях делают неизбежной дифференциацию ролей и функций в группе взаимодействующих индивидов. Если к этим биологическим различиям добавить различия приобретенные, то необходимость дифференциации становится тем более неизбежной. Разные в биологическом отношении индивиды, даже если их поместить в одинаковую физическую, биологическую и социокультурную среду, не станут от этого менее разными; если уж на то пошло, некоторые эксперименты показывают, что врожденные различия будут становиться при этом более подчеркнутыми, поскольку каждый будет реагировать на эту среду по-своему и поскольку эти различия в ходе *повторения* соответствующих реакций будут усиливаться. А поскольку среда – физическая, биологическая и социокультурная – является для разных индивидов разной (это обычное дело), то вдобавок к различиям чисто биологическим будет возникать множество других. В результате этой биосоциальной гетерогенности индивидов социальная дифференциация становится неизбеж-

ной для любой организованной группы, существующей сколько-нибудь долгое время. Она становится неотъемлемой чертой любой организованной группы. Это объясняет, почему никогда не было и не будет организованных групп без какой-либо социальной дифференциации.

По схожим основаниям постоянно действующей причиной групповой дифференциации является биосоциальная гетерогенность членов группы. Биосоциально неравных индивидов не сделать эмпирически равными, какие бы средства для этого ни использовались¹. Биосоциальная гетерогенность членов группы, разумеется, не предопределяет, какие конкретные формы примут дифференциация и стратификация, но служит достаточной причиной для той или иной формы дифференциации и стратификации.

2. Вторая причина дифференциации и стратификации обнаруживается в тех неоценимых преимуществах – экономических и прочих, – которые они дают группам и их членам. Если бы все члены группы пытались выполнять идентичные функции без всякой иерархии высших и низших авторитетов, то выживание группы было бы невозможным. Так, если бы о маленьких детях не заботились старшие, то они бы умерли, а с их вымиранием исчезла бы в конце концов и группа. Кроме того, большинство членов выполняли бы свои функции, особенно требующие специальных умений, очень неадекватно. (Никто, например, не может быть эффективным энциклопедистом.) Группа в целом нарушила бы, следовательно, фундаментальное правило, требующее, чтобы каждый выполнял те функции, для выполнения которых он обладает особой способностью. Все экономические и прочие выгоды специализации и разделения труда были бы принесены в жертву. Группа, в которой бетховены и моцарты заняты физическим трудом, а от

¹ Людей можно сделать социокультурно одинаковыми только навязав им всем равный социокультурный статус, например, с помощью догмы, что все люди дети Божьи, что все одинаково вправе стремиться к счастью и т.п. Это социокультурное равенство было бы, однако, неравным в своих конкретных проявлениях, ведь одни дети Божьи становятся папами римскими, а другие остаются простыми прихожанами. Обсуждение того, как эта биосоциальная гетерогенность индивидов порождает социальную дифференциацию и стратификацию у дописменных народов, см.: Landtman G. Origin of the inequality of social classes. – Chicago: Prentice–Hall, 1938. – Ch. 3, *passim*; Thomas W.I. Primitive behavior. – N.Y.: McGraw–Hill, 1937. – Ch. 13, *passim*; Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. – B.: de Gruyter, 1932. – Bd. 4, Kap. 4–5, *passim*. См. также: Sorokin P. Social mobility. – N.Y.: Harper, 1927. – Ch. 13, 14.

других, лишенных музыкальных способностей, ожидается сочинение музыки, мало чего бы достигла и в той, и в другой области. То же относится и практически к любой другой функции, как то: к творческой работе в искусстве и науке, религии и философии или к управлению экономическими, военными и политическими делами.

Подведем итог. Организованная группа без всякой дифференциации и стратификации фактически невозможна; и даже если бы она была возможна, она была бы лишена тех колоссальных преимуществ, которыми пользуется дифференцированная и стратифицированная группа. Конечно, существуют некоторые пределы для преимуществ дифференциации и стратификации, но в этих пределах приведенные выше утверждения достоверны.

3. Кроме того, без стратифицированной властной иерархии группы – с «вышестоящими», чьи законные распоряжения обязательны для «низших», или подчиненных агентов, – взаимодействующие члены находились бы в состоянии непрекращающегося конфликта, когда каждый командует и никто не подчиняется. При такой *bellum omnium contra omnes* никакая группа не смогла бы существовать сколько-нибудь продолжительное время. Она либо распалась бы на части, либо оставалась бы в состоянии постоянной анархии. Поэтому в силу организационных и распределительных функций правовых норм (см. главу 4) за возникновением и кристаллизацией официального права неизбежно следует специфицированное распределение прав и обязанностей между членами, в том числе иерархия властей и право высших властей требовать подчинения от низших властей и членов, а также некоторая форма правительства для управления делами группы и некоторая форма судебной процедуры для авторитетного разрешения конфликтов между членами. Будет ли правительство монархическим или республиканским, правлением вождя или комитета, правлением президента, вице-президента и казначея или просто правлением «босса» и «мастера», в любой организованной группе будет необходим тот или иной контролирующий центр, каким бы образом он ни формировался. Точно так же неизбежна и иерархия агентов, будь то в высокоразвитой или простой форме. В противном случае групповая жизнь была бы невозможной¹.

¹ Дальнейшие пояснения на этот счет см. в моей книге: Sorokin P. Social mobility. – N.Y.: Harper, 1927. – Ch. 1, 13, 14, в том числе списки цитируемой литературы.

4. Наконец, непрерывно меняющиеся социокультурные, в какой-то степени физические и биологические условия постоянно создают для разных индивидов «удачу и неудачу». Социальная жизнь по сути своей динамична. Она постоянно меняется, причем быстрее, чем физические и биологические условия. Тем самым она создает выгодные условия для социального подъема одних индивидов и социального спуска других. Переход населения из-под нацистского господства под власть союзников вознес наверх многих борцов с нацизмом и сбросил вниз многих коллаборационистов. Последняя война погубила миллионы людей и обогатила многие тысячи. Золотоискателя, нашедшего колоссальные залежи золота, удача возносит на высшие ступени экономической пирамиды. Землетрясение губит многих экономически и в иных отношениях. Благодаря беспрестанным изменениям среды, по-разному сказывающимся на разных индивидах, они постоянно перемещаются вверх и вниз по лестнице стратификации¹.

Этих четырех постоянных причин вполне достаточно для объяснения того, почему все организованные группы дифференцируются и стратифицируются. В совокупности эти причины означают, что появление и существование стратификации и дифференциации являются «спонтанными и естественными», присущими самой природе организованных групп.

Критическое замечание. Наличие этих четырех постоянных причин социальной дифференциации и стратификации категорически опровергает все теории, преподносящие социальную стратификацию как случайную черту организованных групп, искусственно им навязанную (теории Л. Уорда и других)². Ни одна из четырех причин не является случайной, ограниченной или преходящей. Все они неотрывно присущи группе и никоим образом не искусственны. Искусственными являются лишь некоторые преувеличенные формы, то тут, то там навязываемые одной частью группы другим ее членам или одной группой другой. В отсутствие этих искусственных форм все такие группы обладают той или иной формой дифференциации и стратификации.

¹ См. мою книгу: Sorokin P. Social mobility. – Ch. 14, в том числе списки цитируемой литературы.

² См.: Ward L.F. Social classes in the light of modern social theory // American j. of sociology. – Chicago, 1908. – Vol. 13, N 5. – P. 617–627; Howerth I.W. Is there a natural law of inequality? // Scientific monthly. – N.Y., 1924. – Vol. 19, N 6. – P. 502–511.

Эти четыре фундаментальные и постоянные причины опровергают также те теории стратификации, которые объясняют ее почти исключительно действием военного фактора, посредством которого завоеватели делают себя аристократией, а покоренных опускают в нижние слои, устанавливая нормы официального права, принудительно претворяемые в жизнь для увековечения навязанной стратификации (теории Л. Гумпловича, Г. Ратценхофера, Ф. Оппенгеймера и других)¹. Война была лишь одним из многих конкретных способов, причем не столько порождающим дифференциацию и стратификацию, сколько реорганизующим и акцентирующим их формы². В отсутствие войны стратификация и дифференциация обнаруживались бы все же во всех организованных группах, будь то шайка соседских мальчишек, мирная группа пионеров, нормальная семья, религиозная группа, кооператив или любая другая. Кроме того, завоеватели, будь то дорийцы, римляне или испанцы, не вводили стратификацию в жизнь покоренных народов впервые, а просто заменяли прежде существовавшую форму стратификации новой, с другими людьми в каждой страте. Рассматриваемые теории всего лишь еще раз иллюстрируют ошибку возведения частного случая в исключительное всеобщее правило.

Как. Все четыре способа начала взаимодействий и их организации: преднамеренный и целенаправленный; случайный; преднамеренный для одних членов и отторгаемый или случайный для других; отторгаемый всеми напрямую затронутыми членами группы, — являются методами введения и сохранения социальной дифференциации и стратификации в организованной группе или комплексе групп.

1. Целевая и добровольная организация группы включает в себя дифференциацию функций и стратификацию властей и рангов в группе.

2. Случайно организующиеся группы возникают с непреднамеренно развивающимися формами социальной дифференциации, стратификации и власти.

¹ См.: Oppenheimer F. Der Staat. — Frankfurt a. M.: Rütten & Loening, 1907; Ratzenhofer G. Wesen und Zweck der Politik. — Leipzig: Brockhaus, 1893; Gumpowicz L. Der Rassenkampf. — Innsbruck: Wagner, 1883.

² Герберт Спенсер ясно показал это в своей теории военного и промышленного типов общества (Спенсер Г. Основания социологии. — СПб.: Изд. И.И. Билибина, 1877. — Т. 2, ч. 5, гл. 17–18).

3. В принудительно организованных группах завоеватели, властные клики и т.д. насильно и целенаправленно навязывают не желающим этого или индифферентным сторонам (покоренным, подконтрольным или более слабым элементам) свою форму стратификации.

4. Наконец, есть стратификации и дифференциации, навязываемые группе вразрез с желаниями всех ее членов внешней для нее инстанцией. Государство, вынуждаемое более могущественным государством к принятию форм стратификации и дифференциации, отторгаемых всеми его членами, служит примером такого метода установления стратификации. К этому типу относится реорганизация Японии и Германии союзниками. Межгрупповые и межиндивидуальные связи тоже дают много таких примеров. Этот случай можно, конечно, свести к предыдущему как особую его разновидность.

4. Название и символ организованной группы

Практически каждая организованная группа имеет название, знак или символ, обозначающие ее индивидуальность. Название группы вводится одним из тех же четырех способов, которыми устанавливается организация группы¹.

В этой главе были сжато, но по существу адекватно описаны «почему» и «как» происхождения и организации групп с их правовыми нормами, их законными, рекомендуемыми и запрещенными социальными связями, их стратификацией и дифференциацией, их аппаратом управления и органами, отвечающими за авторитетное разрешение конфликтов. Далее мы обратимся к процессам, необходимым для продолжения жизни группы.

¹ Случайный способ обозначения группы хорошо иллюстрируется случаем России. Ни сами русские, ни их историки не знают, как это название было дано группе и что оно означало. Историки России до сих пор обсуждают эту проблему и выдвигают на этот счет разные гипотезы. С другой стороны, название «СССР», подобно названиям большинства деловых фирм и многих других групп, служит примером целенаправленно принятого названия.

ПЕРЕПИСКА П.А. СОРОКИНА И Р.К. МЕРТОНА

А.Ю. Долгов

ПИТИРИМ СОРОКИН И РОБЕРТ МЕРТОН: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В НАУКЕ И В ЖИЗНИ

Питирим Сорокин и Роберт Мертон, два классика социологии, проделавшие разные пути в науке, – Мертон, оказавшийся на вершине научного Олимпа в годы популярности парадигмы структурного функционализма и монополии парсонсовской школы, и Сорокин, пытавшийся расширить границы социологии, включив в нее анализ культурных суперсистем и позитивных девиаций, подвергнувшийся за это острой критике и, как следствие, забвению со стороны американских коллег.

Одна из главных тенденций, которую заложил Сорокин в науке, – это переход от классического представления об эволюционном развитии к циклистской «неклассической» социологии. Опираясь на личный опыт наблюдения за социальными кризисами (русская революция, Первая и Вторая мировые войны), он одним из первых включил в единицу анализа такую переменную, как ценность, обозначив тем самым «культурный поворот» в науке.

В методологическом плане исследования Сорокина способствовали «смягчению» позиции «чистого эмпиризма», или, как он выражался, «квантофрени» в науке. В некотором роде уже при жизни Сорокин получил признание «эмпириков». Парсонс в письме к Сорокину признавался: «Я уже давно считаю, что в настоящему важной теории в нашей области значительно больше сходств, чем различий, если мы возьмем на себя труд взяться за анализ основ»¹. Сорокин в своих теоретических построениях создал «мостик», соединивший жизненный мир индивида и глобальные изменения.

¹ Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – С. 107.

Трудно говорить о каком-либо идейном влиянии Сорокина на Мертон. В то же время стоит отметить, что становление Мертона-социолога происходило в Гарварде благодаря и при помощи Сорокина-руководителя. Сам Мертон в своей «Социальной теории и социальной структуре» называет Сорокина одним из шести коллег, у которых он «в особом долгу»: «Еще до того, как Питирим Сорокин погрузился в изучение всемирных исторических процессов (что представлено в его “Социальной и культурной динамике”)), он помог мне избавиться от узости кругозора, разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного трущобами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних. Я с радостью и честно признаю свой долг перед ним, который я еще не отдал»¹.

Для Мертона существует «ранний» и «поздний» Сорокин, Сорокин до и после «Социальной и культурной динамики», к которой Мертон отнесся негативно, хотя и помогал в сборе статистических материалов. Однако для Мертона Сорокин никогда не переставал быть авторитетом в общественных науках, о чем свидетельствуют частые ссылки на его работы в той же «Социальной теории и социальной структуре», где научные теории Сорокина он анализировал наряду с теориями Маркса, Шелера, Мангейма, Дюркгейма и других классиков.

Хотя в своих воспоминаниях² Мертон довольно сдержанно отзывается о фигуре Сорокина, приведенная ниже переписка демонстрирует довольно теплые отношения между социологами. В письмах они по-дружески делятся поздравлениями в связи с выходом новых работ, рассказывают о своих семьях, делятся планами на будущее, просят оказать поддержку в той или иной ситуации.

О противоречивых отношениях между социологами свидетельствует надпись на однотомном переиздании «Динамики», которую Мертону прислал Сорокин. Мертон вспоминал: «Надпись была подчеркнута и, я думаю, не без симпатии, двусмысленна. Ее первая часть должна была напомнить о моем несогласии исполь-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – С. 13–14.

² Мертон Р.К. Фрагменты из воспоминаний // СоцИс. – М., 1992. – № 10. – С. 128–133.

зовать сорокинскую теорию как тему моей диссертации; вторая намекала на наши очень тесные отношения в то время: я был молодым и трудолюбивым помощником в его преподавательской и исследовательской работе и даже ценителем его шедевра (хотя и не одобрявшим его). Надпись гласила: “Моему закланному врагу и самому дорогому другу Роберту от Питирима”»¹.

Если Мертон был и остается популярен, а его признание повсеместно, то ренессанс многих сорокинских идей начинает происходить только сейчас. В сентябре 2010 г. Республику Коми, родину Питирима Сорокина, в рамках работы над проектом «Возможности культурной социологии: Питирим Сорокин» посетили профессор университета Киото Татибана Митикуни Оно и его ассистентка, доцент литературного факультета университета Тэйкё, Светлана Корнеева. В одной из бесед профессор Оно рассказал, что о Сорокине он узнал в 1960-е годы именно из работ Мертон и уже много позже, почти через 40 лет, вновь заинтересовался творчеством русско-американского социолога. Между тем, как и во всем мире, в Японии безоговорочным авторитетом в социологии был Парсонс, а Сорокин оставался «забытым мыслителем». Но события последних лет демонстрируют определенное оживление интереса к теориям Сорокина со стороны ученых из разных стран. Об этом, в частности, свидетельствуют и сам визит японского социолога, который получил грант от Японского общества содействия науке (Grant-in-aid for scientific research; Japan society for the promotion of science, JSPS), и дальнейшие планы по популяризации имени Сорокина в Японии, где планируется создание Научного собрания последователей Питирима Сорокина.

Интерес к творческому наследию П. Сорокина проявляется и в США, где в рамках Американской социологической ассоциации создается новая секция «Альтруизм и социальная солидарность». Цель секции состоит в том, чтобы способствовать теоретическому развитию и эмпирическому исследованию, имеющему отношение к альтруизму и социальной солидарности. Как сообщалось в официальных заявлениях и обращениях, работа секции во многом будет основана на научных достижениях русско-американского социолога Питирима Сорокина. Именно он в свое время стал

¹ Зюзев Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. – Сыктывкар: Эском, 2009. – С. 167–168.

пионером в области изучения аминологии и позитивных девиаций, в частности альтруизма, любви, самопожертвования и т.д.

В целом, понимание того, что структурный функционализм – лишь одна из возможных альтернатив развития общественных наук, дает возможность по-новому взглянуть на многие моменты в творчестве «забытого мыслителя», а современные экономический, социальный и нравственный кризисы вновь возрождают актуальность работ по исследованиям созидательного альтруизма, необходимость которых доказывал П.А. Сорокин.

ПЕРЕПИСКА П.А. СОРОКИНА И Р.К. МЕРТОНА¹

1. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, комиссия по социологии
и социальной этике

Кембридж, шт. Массачусетс, 88 Вашингтон авеню
9 декабря 1930

Мой дорогой г-н Мертон!

Факультет социологии у нас еще только организуется и будет открыт в следующем академическом году. В университете довольно много стипендий и для студентов, и для выпускников. Они даются самым многообещающим и блестящим студентам-исследователям независимо от факультета (внеучебная деятельность имеет мало значения). Это значит, что Вам желательно подать заявку на стипендию в принятом порядке – со всеми Вашими публикациями, рекомендациями, прослушанными курсами, полученными оценками, Вашим преподавательским опытом, если таковой есть, и т.д.

Заявку можно послать либо мне, либо напрямую декану магистратуры.

Искренне Ваш,

П. Сорокин

¹ Перевод с английского. Письма в переводе П.П. Кротова (*) публикуются по изданию: Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. Перевод писем из личного архива Н.Е. Покровского (**) осуществлен В.Г. Николаевым. В настоящую подборку включены также письма других лиц, содержащие важную информацию о взаимоотношениях Питирима Сорокина и Роберта Мертон: письмо П.А. Сорокина Э.А. Россу (№ 3), письма П. Сарджента (№ 6) и Р.К. Мертон (№ 7) друг другу, письмо У.М. Макпика Р.К. Мертону (№ 29).

2. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
15 июня 1931

Дорогой г-н Мертон!

С сожалением сообщая, что здесь (в Гарварде) нет *определенности* с «местами», по крайней мере, на факультете социологии. Преподавательские и подобные им позиции все заняты. По случаю Вы можете получить какую-то работу, но шансы невелики (особенно на следующий год; как-никак времена депрессии). *Для Вас было бы мудрее, планируя свое будущее, не ждать здесь никакой университетской работы.* Если бы Вы все же смогли к нам прийти и какая-то работа затем появилась, то это было бы славно. Или же если бы Вам удалось оказаться в иной финансовой ситуации. Сожалею, что мы не можем предложить Вам большего, но стипендия – это все, что мы можем Вам дать и гарантировать.

Искренне Ваш,
П.А. Сорокин

3. П.А. Сорокин – Э.А. Россу**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
18 февраля 1932

Профессору Э.А. Россу
Университет Висконсина,
Мэдисон, шт. Висконсин

Дорогой профессор Росс!

С удовольствием рекомендую Вашему благосклонному вниманию г-на Роберта К. Мертонна, выпускника университета Темпла, в котором он учился на факультете социологии и сотрудники которого его нам рекомендовали.

В настоящее время г-н Мертон проводит дипломное исследование на факультете социологии, преимущественно под моим личным руководством. На середину учебного года у него были только отличные оценки, и, вероятно, он лучший из наших выпускников этого года. Мне определенно хотелось бы оставить его здесь, но я не уверен, что мы можем предложить ему достаточно

большую стипендию, чтобы он имел возможность остаться еще на один год.

Искренне Ваш,
П. Сорокин

4. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
23 мая 1933

Дорогой г-н Мертон!
Разумеется, я нисколько не возражаю против того, чтобы Вы остались ввиду болезни со своей семьей; надеюсь, все будет хорошо.

Буду рад получить от Вас законченный материал, над которым Вы для меня работаете.
Искренне Ваш,
П. Сорокин

5. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
22 января 1936

Д-ру Роберту К. Мертону
Эмерсон-Холл
Кембридж, шт. Массачусетс

Дорогой д-р Мертон!
Могу ли я попросить Вас быть членом рабочей комиссии по подготовке вопросов к экзаменам вместе с д-ром Джослином и д-ром Парсонсом? За эту дополнительную работу я попрошу декана добавить Вам 100 долларов к жалованью как внештатному ассистенту.

Искренне Ваш,
П. Сорокин

6. П. Сарджент – Р.К. Мертону**
Бостон, Бикон-стрит, 11

6 июня 1939

Г-ну Р.К. Мертону
1837 Трапело-роуд
Уолтхем, шт. Массачусетс

Дорогой г-н Мертон!

Через многих Ваших друзей я чувствую себя хорошо с Вами знакомым, и мне очень жаль слышать, что Вы перебираетесь из Гарварда в Тулейн.

Поскольку Вы, вероятно, ничего обо мне не знаете, вложу несколько страниц из своего прошлогоднего обзора ситуации в Гарварде; возможно, Вам будет интересно взглянуть.

В обзоре «Образование 1939: Реалистическая оценка», опубликованном отдельно в качестве части 23-го издания моего Справочника, содержание которого я тоже вкладываю в письмо, я разбираю все это подробнее.

Если эта тема и моя интерпретация покажутся Вам интересными, я был бы очень рад выслать Вам полный экземпляр. Ваш комментарий будет для меня тем ценнее, что Вы уезжаете, а я собираюсь дальше развить эту тему в очередном издании «Human affairs», которое вскоре увидит свет.

С искренним восхищением Вашей работой и пожеланием блестящего будущего,
преданный Вам,
Портер Сарджент

7. Р.К. Мертон – П. Сардженту**
1839 Трапело-роуд, Уолтхем, шт. Массачусетс
10 июня 1939

Дорогой г-н Сарджент!

Хочу поблагодарить Вас за любезное письмо и выразить свой интерес к Вашему исследованию образования. Я мог бы откровенно добавить, что, хотя тоже не разделяю некоторых теорий Сорокина, все же не могу согласиться с Вашей оценкой его работы. Но этот вопрос вряд ли можно обсудить на нескольких страни-

цах. Если с моей стороны нужны конкретные комментарии к Вашим мыслям о «Human affairs», то можете быть уверены, что я Вам их вышлю.

Искренне Ваш,
Р.К. Мертон

8. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
2 октября 1939

Профессору Роберту К. Мертону
Тулейнский университет
Новый Орлеан, Луизиана

Мой дорогой Мертон!

Прежде всего, пора, наконец, отбросить все эти «доктор» и «профессор». К тому же пальмы с собой не заберешь, да и ничего они не стоят. Для меня они все равно что бутафорские деревья, на которые я не променяю ни одну из своих азалий, но это, конечно, предрассудок северянина. Я рад, что у Вас в Луизиане, видимо, все хорошо. Я бы даже не считал пользование косметикой оскорблением для г-жи Мертон. В конце концов, это выражение безбрежного южного гостеприимства! Не знаю, согласитесь ли Вы с этим толкованием, Вы ведь Чувственный человек, а я все еще на идеалистической стадии.

Еще до того, как земля покрылась снегом и льдом, обоих вас дома и на факультете часто вспоминали. С Вашим старым семинаром дела обстоят неплохо. Специализирующихся студентов, выпускников, записавшихся примерно столько же, сколько и в прежние годы, если не больше. Конечно, Ваш уход будет какое-то время ощущаться, но тут уж ничего не поделаешь.

Что до меня, то у меня было лето, полное тихого прозябания. По возвращении из отпуска я простудился, опять, по обыкновению, поднялась температура, и пришлось пару дней сидеть дома. Теперь температура спала, и я могу нормально продолжить работу.

С наилучшими пожеланиями Вам и госпоже Мертон,
искренне Ваш,
Сорокин.

9. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Винчестер, шт. Массачусетс, Клифф-стрит, 8
январь 1940 (без даты)

Дорогие Мертоны!

Примите мои сердечные поздравления!

Всем от нас наилучшие пожелания, особенно Стефани – желаем ей счастливого и ровного путешествия по тернистой и ухаби-стой дороге жизни, которая перед нею простерлась!

Теперь Роберт узнает кое-что о второй «фазе» Семейной жизни, по крайней мере столько, чтобы суметь прочитывать хороший курс о Семье.

7 7/8 фунта – отличное начало для новорожденной!

От всего сердца,

Сорокины

10. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
28 января 1940

Дорогой П.А.!

Хочу первым делом поблагодарить Вас за добрые пожелания в связи с рождением Стефани. Я уже понял, что на небе и на земле много больше, чем мнилось нам в нашей философии до ее появления. Между тем она оказалась очень тактична и позволяет мне теперь каждую третью ночь восстанавливать силы после напряжения предыдущих ночей.

Я не писал Вам еще о начале работы в Ньюком-колледже (это что-то вроде Радклиффа при Тулейне), полагая, что кандидатами на места там будут люди, которых я знаю по годам, проведенным в Кембридже. Главная трудность с этой работой состоит в том, что у меня не будет права принятия окончательного решения при подборе сотрудников, поскольку на должность я назначен именно в Ньюкоме, а не в самом Тулейне. Решения принимаются деканом Ньюкома. Тем не менее я предложил кандидатуры Мура и Демерата и надеюсь на лучшее. В ближайшие недели декан не будет рассматривать эти предложения, и за это время Вы могли бы существенно помочь мне, если бы прислали рекомендательное письмо на этих людей. Такое письмо послужило бы поддержкой моим рекомендациям, показав, что я разделяю мнение декана факультета, на котором я прежде работал.

Разумеется, я был занят неизбежной «административной» рутиной, но надеюсь в скором времени вернуться к своей работе. По какой-то странной причине «Американский социологический журнал» попросил меня написать рецензию на второй том трехтомника Тойнби «Изучение истории». На мой взгляд, книга весьма впечатляющая, хотя в некоторых частях и хаотичная. Не считаете ли Вы примечательным, что Ваши и его исследования появились практически одновременно? Было бы поучительно – хотя и крайне трудно – сравнить проблемы, методы, материалы и выводы этих двух исследований. У меня есть впечатление, что они отчасти параллельны друг другу, отчасти пересекаются, а отчасти совершенно отделены и почти никак друг с другом не связаны.

Но не буду обременять Вас слишком длинным письмом. Моя супруга присоединяется ко мне в наилучших пожеланиях всей четверке Сорокиных.

Ваш,
[Р.К. Мертон]

11. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
6 декабря 1940

Профессору Питириму А. Сорокину
Клифф-стрит, 8
Винчестер, шт. Массачусетс

Дорогой П.А.!

Удивительно, как много времени прошло с тех пор, как я последний раз писал Вам о новостях, касающихся одной из гарвардских колоний на Юге. С тех пор много чего произошло: несколько месяцев среди индейцев-сапотеков в Мексике; экзотический тропический недуг (под названием «спру»), от коего я теперь уже полностью оправился; наконец, но не в последнюю очередь, моя дочь выросла и стала юной леди.

С огромным интересом прочитал Вашу обзорную статью о Тойнби и еще раз полностью убедился в том, что было бы очень поучительно провести детальное сравнительное исследование современных философий истории, в том числе, по крайней мере, Тойнби, Шпенглера и Вашей в качестве основы. Я чувствую, что в каких-то отношениях Тойнби пытался решить другие проблемы, нежели решаемые в «Динамике». Его исследование правильное

было бы назвать «вопросами» социальной истории. Например, он уделяет сравнительно мало внимания культурным продуктам рассматриваемых им разных цивилизаций; похоже, его в первую очередь интересуют социальное взаимодействие, социальные отношения и социальная организация. В этом смысле значительная часть того, что сделали Вы, практически не имеет в его работе аналогов. (В этом отношении Ваша работа, как мне кажется, гораздо ближе к шпенглеровской.) Во-вторых, поскольку он интересуется прежде всего социальной организацией, он уделяет больше внимания, чем Вы, теме социальных классов (это, например, его концепция «творческого меньшинства», различных типов пролетариата и т.д.), которой Вы касаетесь лишь походя в третьем томе. Опять же, у него есть в лучшем случае вольное понимание *социального* взаимодействия (на уровне социальной организации) и, как Вы отмечаете в своем обзоре, нет понимания проблем, связанных с *культурной* интеграцией. Но не буду продолжать дальше, это и так для Вас совершенно очевидно.

Год этот выдался очень приятным, отчасти потому, что я все время был чем-то занят. Я согласился написать книгу о социальной структуре для «Джинна» в серии, которую редактирует Маккайвер. Недавно Бёрджесс из Чикаго попросил меня написать монографию в серию Совета по социально-научным исследованиям, в которой Блумер опубликовал критику «Польского крестьянина». Задача поставлена интересная, поэтому я согласился над ней поработать, хотя мне, наверное, следовало бы тщательнее ограничивать свои обязательства.

Когда выйдет запланированный четвертый том? Барбер и Джонсон сказали мне, что, когда они уезжали из Кембриджа, он был уже завершен; так что в ближайшее время буду ждать вестей о его публикации.

Демерат превосходно работает в Ньюком-колледже. Он очень хороший преподаватель, я слышал весьма лестные отзывы о его работе. В переработке диссертации он, насколько я понимаю, продвинулся больше чем наполовину. Джонсону и Барберу полученный в этом новом «культурном ареале» опыт, похоже, пошел на пользу. Надеюсь, Вы сочтете возможным, чтобы они после года, прожитого в «провинции», вернулись для получения степеней в Гарвард. Теперь я больше, чем когда-либо, уверен в том, что оба они очень способные и в высшей степени надежные студенты.

Не планируете ли приехать на Рождественские встречи в Чикаго? Я хотел бы, чтобы Вы выступили с обращением на Общем

собрании; надеюсь, Вы там будете. Буду ждать встречи с Вами, первой с последнего Рождества.

Наилучшие пожелания от нас с Сюзанной г-же Сорокиной.
Искренне Ваш,
[Р.К. Мертон]

12. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
12 декабря 1940

Дорогой Роберт!

Получил Ваше письмо, как всегда интересное. Мы рады, что дела у всех Мертонов идут хорошо. Недавно вспоминали о Вас в связи с Летней школой, но зная о Вашей занятости и не будучи уверенными в том, что Вы приедете, решили этим летом Вас не беспокоить; но это не гарантия того, что мы не побеспокоим Вас в не столь уж далеком будущем.

Ваши замечания насчет Тойнби и «Динамики» любопытны. Мне было приятно получить письмо от Тойнби по поводу моего обзора, который он увидел и прочитал. Тойнби пишет, что это единственная рецензия, в которой «точно схватывается, что именно я пытался сделать, и Ваши критические замечания предельно ясны, поскольку фундаментальны», и т.д. Сейчас он в Оксфорде и сосредоточился на теме войны. Кое-какие параллели в наших работах уже отмечены некоторыми несоциологами. Одно из таких сравнений вкуче с критикой дано в недавно опубликованной книге У.Ф. Олбрайта «От каменного века к христианству» (John Hopkins press). В прочитанных мною немногочисленных работах несоциологов я нахожу гораздо лучший анализ, чем в работах таких социологов, как Г. Беккер, Н. Симс и др.

Четвертый том только что пошел в печать и выйдет, наверное, где-то в марте или апреле. Примерно тогда же я ожидаю выхода еще одной книжки, «Сумерки чувственной культуры: Нынешний социальный и культурный кризис»; она неожиданно родилась при подготовке к Лоуэлловским лекциям на эту тему, которые должны быть прочитаны в феврале. Это своего рода обобщенная, упрощенная и сокращенная «Динамика», нацеленная на анализ Нынешнего Кризиса и предназначенная для несколько более широкой аудитории. Третью монографию – «Схема опорных принципов социологии: Время, пространство и причинность и т.д.» –

я рассчитываю завершить во втором семестре. Я собирался опубликовать ее как пятый том «Динамики», но в конце концов решил, что лучше будет выпустить ее отдельной книгой. Всем этим плюс кое-какими статьями я был и буду занят весь учебный год. Надеюсь справиться со всеми этими планами, а уж затем, если Провидению будет угодно, провести лето, ничего не делая, на природе.

Здесь, на факультете, ситуация в каком-то смысле очень хорошая, а в каком-то не совсем. У нас сейчас специализируются 87 студентов – больше, чем когда-либо, и 31 студент в магистратуре – тоже больше, чем когда-либо. Занятий, по крайней мере, у меня, стало гораздо больше, чем раньше. В то же время штат преподавателей съезживается. Тимашев ушел, Хатчинсон тоже; у Хоманса две трети времени уходит на совместное исследование с Мэйо, а в следующем году, наверное, будет уходить все; Хартшорт, вероятно, возьмет академический отпуск. Так вот и обстоят у нас дела: студентов становится все больше, преподавателей – все меньше. На второй семестр мы пригласили Лумиса прочесть два полукурса, а если приток студентов не уменьшится, то, видимо, нужно будет пригласить на следующий год кого-то еще.

Рад, что у Демерата, Барбера и Джонсона все складывается хорошо. Если они планируют вернуться сюда и если дела – финансовые и прочие – сложатся удачно, то им, естественно, будет уделено все внимание и оказана любая возможная помощь; но Вы ведь сами знаете, насколько в наши дни неопределенны всякие перспективы. Среди наших нынешних выпускников некоторые очень многообещающие.

Коль скоро Вы планируете быть в Чикаго, то там мы и встретимся. Я буду там по программе Общества, а также Католического социол[огического] общ[ества], и кроме того еще братства P.G.M. Я собираюсь приехать утром 28-го и останусь до полудня 29-го.

Там и поговорим подробнее. Буду с интересом ждать Вашей книги о социальной структуре. Эта малоразработанная область знания важна и многообещающа.

Наилучшие пожелания всем Мертонам от всех Сорокиных, передавайте от нас привет всем остальным гарвардцам на Вашем факультете.

Искренне Ваш,
Питирим

P.S.: На Летнюю школу мы пригласили Фреда Фрая из университета штата Луизиана. Он принял приглашение.

13. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
10 октября 1945

Дорогой Питирим!

Было очень любезно с Вашей стороны дать подробный комментарий к моей статье по социологии знания. Ваши комментарии согласуются с некоторыми моими (слишком краткими) замечаниями относительно Вашей теории, но не целиком. В каком-то смысле отправным для меня является как раз тот пункт, который Вы планируете принять в своей «Системе», а именно необходимость *размещения* различных культурных ценностей в различных социальных группах внутри общества. Мне кажется, что о «скоплениях» лучше говорить в первую очередь при постановке проблемы исследования. Эти не связанные друг с другом скопления можно рассматривать как «отклонения» от «центральных тенденций» (доминирующей ценностной системы) данной культуры. Если так, то сразу возникает проблема: можем ли мы вообще объяснить эти девиации? И здесь, я бы предположил, возникает необходимость обратиться к *социальным* основаниям этих отклоняющихся ценностей: обладают ли ими какие-то особые группы или слои общества? И почему эти группы, а не другие? Не приобретают ли эти сдвиги в социальных группах и слоях культурное лидерство? Посредством каких процессов эти новые «культурно властвующие группы» возникают и обретают культурное господство над обществом или даже целой эпохой? Все это очень тезисно, но здесь угадывается направление дальнейших исследований, которое, как мне представляется, заложено в Вашей теории. Иначе говоря, как Ваша работа со *степенью* интеграции внутри культур знаменует несомненный шаг вперед по сравнению с прежними попытками говорить о целых культурах так, как если бы они были неизменно интегрированными, так и следующий шаг вперед – это исследование единообразий в *типах групп и слоев*, интегрированных и не интегрированных с центральными, доминирующими ценностями общества. Более основательная работа с социальным параметром прояснила бы также процессы социального и культурного изменения.

Такие краткие ремарки могут звучать недостаточно догматично. Я и не хотел бы, чтобы они таковыми были. Но при этом убежден, что эти линии развития определенно заложены в Вашей теории, и если двинуться в этом направлении, то это позволит из-

бавиться от эманационистских аспектов Вашей теории. Надеюсь, характер поставленных мною вопросов ясен.

Мне, разумеется, было очень интересно услышать о том, что нового намечается в Гарварде. Я знал, что Вы подумываете об увеличении штата, но Парсонс не говорил мне, что рассматривается моя кандидатура. Сразу скажу, что полностью понимаю вопросы, поднятые Вами в связи с моим возможным приглашением. Согласен, что факультеты должны стремиться к некоторому «балансу» интересов и специальных умений сотрудников. (Наш факультет, естественно, рассматривает в настоящее время ту же проблему: каким будет наиболее эффективное распределение интересов?) Но, честно говоря, я не думаю, что мои интересы пересекаются с интересами нынешних сотрудников гарвардского факультета настолько, насколько они с ними пересекались лет шесть-семь назад. Так вышло, что мои исследования в последние годы были сосредоточены на проблемах социальной организации, ее связях с «социальной психологией» (мнениями, установками и т.д.), методах полевых исследований, сочетающих «количественные» и «качественные» материалы, и т.д. Этот опыт помог и продолжает помогать мне в переводе теоретических идей в плоскость надлежащей эмпирической их проверки через посредство полевых исследований.

Коль скоро встал вопрос о факультетском балансе, то, может быть, Вас заинтересует точка зрения, получившая развитие в Колумбии. Мы движемся к тому взгляду, что факультет социологии будет более эффективным, если откажется от попыток «охватить» все содержательные области социологии. Один-другой курс по каждому из бесчисленных предметов не даст студенту ни компетентности, ни кумулятивного исследования; скорее он приведет к поверхностности и невежеству. Мы считаем желательным сосредоточить интересы нашего факультета на трех-четырех областях и целенаправленно отказаться от других «традиционных» курсов. Для адекватного охвата всего круга предметов потребовалось бы держать в штате от 15 до 18 человек – но такая возможность, во всяком случае, в Колумбии, не кажется реалистичной. (Довольно интересно, что наш «старший» сосед, история, имеет факультет такого размера и, стало быть, может шире охватить весь спектр специальных областей. Социологии же как сравнительному новичку все еще приходится бороться за штат численностью 7–8 человек.) При меньшем штате, видимо, другого выбора нет. Следуя этому плану, каждый крупный университет стал бы центром развития ка-

ких-то областей социологии, а студенты выбирали бы тот или иной из факультетов в зависимости от своих интересов. Иначе говоря, мы движемся к континентальной системе, где каждый факультет культивирует свои особые акценты и интересы. Нам было бы полезно знать Ваше мнение по поводу этого общего плана.

Я не знал о Вашей переписке с Макайвером, Линдом и др., но мне, разумеется, было очень интересно о них услышать. Прошлой весной меня рекомендовали к продвижению, и в июле это наконец случилось. Мы тоже в настоящее время сталкиваемся с проблемой нехватки штатных сотрудников. Начать с того, что все мы чрезмерно перегружены работой со студентами, но тут еще и совершенно нежданная кончина Уоллера, усугубившая проблему. Похоже, по всей стране будет происходить общее укрупнение факультетов социологии, во всяком случае, исходя из того, что я слышал.

Я заметил оживление интереса к «Кризису». Похоже, война заставила многих задуматься о базовых проблемах нашего больного общества. Если это так, то мне думается, что «Кризис» ждет непрерывная череда переизданий. И, насколько можно судить по переводам, то же самое будет происходить, по всей вероятности, и в европейских странах.

Как Вам удастся так много работать и при этом вести полноценную, насыщенную жизнь (с музыкой, садом, семьей и т.д.) — этого я никогда не понимал и до сих пор не понимаю. У меня время настолько уплотнилось, что мне всякий раз приходится жертвовать в жизни чем-то одним ради чего-то другого. Но, может быть, решение приходит вместе с растущим осознанием ценностей, когда разные вещи расставляются по своим местам.

Наши наилучшие пожелания г-же Сорокиной — у Сью и детей (Стефани и Роберта) все благополучно.

Ваш,
Роберт

14. П.А. Сорокин — Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж 38, шт. Массачусетс,
4 июня 1946

Дорогой Мертон!

Спасибо за перепечатку «Фокусированного интервью». Эта проблема отчасти связана с одной из важных подпроблем нашего

исследования «того, что делает людей хорошими» (проблем межличностной и межгрупповой солидарности и альтруизма), которое я сейчас организую, а именно вот какой проблемой: почему идеологическое внедрение данной нормы поведения в одних случаях ведет к ее практикованию во внешнем поведении человека или группы (когда между идеологическим и поведенческим аспектами нормы перебрасывается каузальный ремень) и почему в других случаях норма остается всего лишь идеологическим представлением человека, не становясь частью его поведенческой культуры.

Несмотря на широкое изучение пропаганды (и солидарности), знания по этой проблеме и более широкой проблеме солидарности, которыми мы располагаем, еще очень скудны, а потому не дают нам эффективного метода преобразования внешнего поведения людей и групп в желаемую сторону. Это хорошо подтверждается обилием диких межличностных, межгрупповых и международных конфликтов в нашу эпоху и совершеннейшим бессилием благодушных «недель братства» и иных говорильных техник в борьбе с конфликтами. Убежденный в том, что без реальной альтруизации внешнего поведения людей и групп невозможны никакой долгосрочный мир и никакое «братство» и что катастрофу грядущих войн предотвратить нельзя, я решил впредь посвятить свое свободное время изучению проблемы солидарности, которую, в свою очередь, можно разбить на множество подпроблем, одной из которых является вышеуказанная.

На прошлой неделе я разослал американским, французским, испанским и чешским издателям копии рукописи моей книги «Общество, культура и личность: Их структура и динамика» («Система общей социологии»); теперь же предпринимаю предварительные шаги для организации и координации исследований (солидарности) ряда специалистов, интересующихся теми или иными сторонами этой проблемы. Один из моих читателей дает мне на это дело \$20 000, и эта сумма, скорее всего, возрастет благодаря вкладам других моих читателей (не считая средств от фондов, в которые я заявок пока не подавал). Я собираюсь расходовать эти средства в форме небольших грантов для финансовой поддержки исследований других ученых, интересующихся теми или иными подпроблемами этой большой проблемы. Я уже установил сотрудничество с несколькими специалистами в Гарварде и вне его.

Если кто-то из молодых ученых вокруг Вас или Вы сами изучаете вдруг какие-то подпроблемы солидарности и если эти

исследования обещают быть плодотворными, а для их реализации требуется небольшая финансовая поддержка, то я был бы рад узнать о таких исследованиях и по возможности немного помочь деньгами. Разумеется, исследования останутся авторскими; только, наверное, желательно будет опубликовать их вместе в форме книги или серии книг.

Темы, методы, техники всех исследований открыты для творчества и экспериментирования. Надеюсь, однако, что это будут экспериментальный, полужэкспериментальный и клинический подходы (поскольку статистический метод, видимо, менее плодотворен для открытия причинных связей).

Мое и другие исследования, пока лишь разведочные, должны начаться осенью. На данный момент я должен их организовать. Если в распоряжении у нас окажутся значительно большие средства (что вероятно), то нужно будет учредить официальный исследовательский институт или фонд для изучения солидарности с попечительским советом и членским составом, включающими всех ученых, работающих над этими проблемами. Такой институт или фонд должен быть «межденоминационным», не привязанным ни к какому университету или институту (чем-то наподобие Фонда исследования рака). Но это дело будущего, сейчас же я счел нужным сказать Вам об этом ввиду того, что некоторые Ваши исследования связаны с этой общей темой.

Я рад, что завершил, наконец, свою «Систему», от которой смертельно устал. Кроме того, по какой-то неведомой причине меня в последние месяцы завалили множеством (порядка 23-х) предложений зарубежные издатели; они просят предоставить им права на перевод моих трудов («Мобильности», «Теорий», «Кризиса», «Системы», «Динамики») на французский, румынский, польский, испанский, чешский, итальянский, португальский языки. Около 16 переводов уже делаются (кроме многочисленных предыдущих). Этой зимой и весной мне сильно досаждали мои «таинственные» подъемы температуры. Чувствуя усталость и имея теперь глубокое отвращение ко всякой писанине, я собираюсь уехать на все лето на виллу (ориентировочно 20 июня), а затем, осенью, надеюсь приступить к своим исследованиям.

Наилучшие пожелания от всех нас всем Мертонам!

Искренне Ваш,

Сорокин

15. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
1 октября 1949

Доктору Р. Мертону
424 Файеруевер
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за присланный экземпляр Вашей книги. Я очень рад, что она вышла. Оставляя в стороне комплименты, я тем не менее очень высоко оцениваю ряд исследований, приведенных в этой работе, и искренне Вас поздравляю.

Как Ваши дела? Надеюсь, что Ваше сердце находится в хорошей форме. Пожалуйста, не перегружайте его и заботьтесь о своем здоровье. Что касается Сорокиных, то у нас все нормально. Продолжается работа Исследовательского центра. Я только что отдал издателю том о «1000 американских добрых соседях» и «3090 христианских святых»¹ (статистические социологические исследования). Не прекращаются и другие мои исследования.

С наилучшими пожеланиями, сердечно Ваш
Питирим А. Сорокин

P.S. Получили ли Вы работу доктора Маке «Социология знания»²? Он достаточно много цитирует Ваши исследования в этой области. Я нашел эту книгу весьма основательной.

16. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
9 сентября 1952

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой профессор Мертон!

Чтобы удовлетворить Ваше любопытство, я высылаю Вам в отдельном конверте экземпляр работы Ф.Р. Кауэлла «История, ци-

¹ Имеется в виду работа: Sorokin P.A. Altruistic love: A study of American good neighbors and Christian saints. – Boston: Beacon, 1950.

² Maquet J.J. Sociologie de la connaissance. – Louvain: Nauwelaerts, 1949.

вилизация и культура: Введение в философию истории и социальную философию Питирима А. Сорокина»¹, которая представляет собой однотомное «сжатое» обобщение моих теорий.

Господин Кауэлл – ученый из Оксфорда, заместитель министра образования Великобритании, глава британской делегации в ЮНЕСКО и один из редакторов литературного приложения к лондонскому «Таймс». Я не знаком с ним лично. Насколько я могу судить, его «обобщение» сделано очень неплохо. Таким образом, кроме уже существующего большого количества научных и популярных работ о моих трудах и все возрастающего числа докторских диссертаций о моих исследованиях, сейчас они начали публиковать книги о моих книгах. В ближайшем будущем, насколько мне известно, еще пять работ будет опубликовано видными учеными из разных стран.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

17. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, Центр исследований
альтруистической интеграции и креативности
Эмерсон-Холл, Кембридж. 38, шт. Массачусетс
16 сентября 1952

Дорогой Мертон!

Извините, что выслал Вам *Введение* Кауэлла к теории Сорокина. Если бы перед тем, как отправлять его, я прочитал *Библиографию по социологии науки* Мертона и Барбера, я бы определенно не стал посылать Вам книгу, вопиюще противоречащую Вашему неупоминанию имени Сорокина в списке тех, кто внес вклад в социологию знания, и отводящую ему исключительно большое место в этой области и в области социальных наук вообще. Я бы не стал посылать книгу, ибо не хочу причинять неудобств ни Вам, ни Барберу, ни Шилзу (который тоже никогда не слышал о социологе Сорокине, судя по его памфлету), так же как и некоторым моим бывшим ученикам, которые, видимо, озабочены тем, как бы «вычеркнуть» имя и вклады Сорокина.

¹ Cowell F.R. History, civilization and culture: An introduction to the historical and social philosophy of P.A. Sorokin. – Boston: Beacon, 1952.

Насколько Вы можете увидеть из вложенного списка переводов моих работ, не говоря уже о десятках докторских диссертаций, сотнях статей и нынешнем нарастающем потоке монографий и книг о моих сочинениях, мир в целом, по-видимому, совершенно не согласен с этими «вычеркивающими». В каком-то смысле меня огорчает это противоречие, но что поделать: все эти переводы, статьи, диссертации и книги о моих книгах пишутся без всякого ведома с моей стороны.

Ваш покорный слуга,
Сорокин

18. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
16 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Я только что получил Ваше сообщение, которое огорчило и глубоко ранило меня несправедливостью по отношению к Вам и ко мне. Отсутствие ссылки на Вашу работу в библиографии по социологии науки было непростительной оплошностью, приведшей к обесцениванию всего списка книг. Я не понимаю, как это случилось. Конечно же, я знал, что целые главы в «Динамике» посвящены социологии науки, ведь Вы даже отвлекались от основного содержания, чтобы упомянуть мое содействие при написании этой части книги. Поэтому было бы бессмысленно для меня изобретать объяснение этой абсурдной ошибке. Я просто не представляю, как такое могло произойти. Хотя мои сожаления уже не исправят ошибки, тем не менее я хочу, чтобы Вы все-таки знали, насколько глубоко я об этом сожалею.

В то же время, с Вашей стороны говорить о том, что я ищу способы предать забвению Ваше имя и заслуги очень несправедливо по отношению ко мне. Я всегда с гордостью подчеркивал как одно, так и другое. Если же по какой-то нелепой случайности я не сделал ссылку на Вашу работу, можно предположить все что угодно, только не то заключение, которое Вы делаете на этом основании. Как только представлялась возможность, я всегда с радостью выражал Вам свою благодарность публично, так же как и выражал ее Толкотту Парсонсу за личную помощь и консультирование, которые вы оба оказали мне, неопытному студенту, в счастливые гарвардские годы. Когда моя диссертация была опублико-

вана, я пытался это выразить в предисловии. Более того, в той работе я цитировал П.А. Сорокина чаще, чем любого другого из ныне живущих социологов, и чаще, чем какого-либо социолога прошлого времени, за исключением Трельча, Зомбарта и Вебера (что было неизбежно ввиду самого предмета). Но, может быть, это объяснялось тем фактом, что тогда я еще был молодым преподавателем в Гарварде?

Держа это в уме, я обратился к своему указателю работ, который точно регистрирует степень интеллектуальной признательности, выраженной (или не выраженной) Вам как в социологии науки, так и в других областях. Здесь я еще раз убедился, насколько несправедливо Ваше обвинение в том, что я ишу возможности «замолчать» Ваше имя. В указателе к «Социальной теории и социальной структуре» я цитировал П.А.С.¹ двадцать два раза – вновь больше, чем я цитировал любого из ныне живущих социологов, что было превышено только Дюркгеймом, Марксом и Вебером среди социологов-классиков прошлого. Это должно объяснить мои чувства по поводу Вашего замечания.

Мне вспомнился еще один эпизод, имеющий отношение к данной теме. После приезда в Колумбийский университет меня попросили подготовить аналитический материал, дающий оценку социологии знания. Я сконцентрировал свое эссе на пяти фигурах, которые, как я полагал, каждая по-своему, сделали выдающийся вклад в эту область: Маркс, Шелер, Мангейм, Дюркгейм и Сорокин. То, что я включил в работу П.А.С., было не актом преданности, но здравым суждением, что он вместе с остальными оказал заметное влияние на указанную область (если бы подобное влияние оказал Толкотт Парсонс, я бы включил его, как я это делал, когда видел, что такое имело место). И когда Маке написал свою книгу о Вашем вкладе в социологию знания, он искренне признался, что он нашел мое обсуждение Вашей работы очень полезным.

Я мог бы с тем же успехом привести и другие доказательства. Упоминаю же все это только для того, чтобы объяснить, почему Ваше замечание поражает так болезненно. Оплошность, даже повторяющаяся, – это одно дело, но обвинение в систематическом пренебрежении значительной частью Вашей работы – совсем дру-

¹ П.А.С. (PAS) – Питирим Александрович Сорокин.

гое. У меня никогда не было намерения игнорировать или предавать забвению Вашу работу.

Ваше замечание особенно задело, поскольку к Вам и Толкотту Парсонсу я всегда испытывал огромную преданность. Подобное раздвоение, как Вы знаете, может привести к сильному напряжению. Я всегда это ощущал, но никогда не поступился бы ни одним, ни другим, даже если бы сложилась ситуация конфликта, что делало бы исключительно трудным сохранение обоих.

Обидно еще и потому, что Ваше сообщение пришло как раз в момент, когда я только собирался писать Вам, чтобы поблагодарить за книгу Кауэлла, прочитанную мной с большим интересом. Более того, поскольку я недавно начал собирать фотографии современных исследователей в области социальных наук, оставивших свой след в общественной мысли нашего времени, я в том же письме собирался просить Вашу фотографию, дабы повесить ее на стене моего кабинета наряду с портретами Парето, Дюркгейма, Вебера, Гилберта Мюррея, а также я надеялся добавить в мою маленькую коллекцию и фото Кребера. Таким образом, было большим потрясением среди всего этого получить Ваше письмо, обличающее мои побуждения, вместо того, чтобы просто привлечь мое внимание к оплошности, которой я нисколько не горжусь. Если я раздосадовал Вас, то мне очень жаль, и я могу понять причины. Вместе с тем, счел своим долгом сказать, что Ваше обвинение является абсолютно беспочвенным.

Я, конечно же, сделаю все, что Вы просите и приготовлю Кауэлла, чтобы вернуть Вам. В четверг я буду в университете и попрошу секретаря выслать Вам книгу.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

19. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, Центр исследований
альтруистической интеграции и креативности
Эмерсон-Холл, Кембридж, 38, шт. Массачусетс
17 сентября 1952

Дорогой Мертон!

Прошу Вас не обращать внимания на мое вчерашнее письмо. Это была импульсивная, сиюминутная реакция раздражительного

мелочного человека, который не смог удержать свое мелкое эго под контролем большего и более мудрого «Я».

Искренне Ваш,
Сорокин

20. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
18 сентября 1952

Специальная доставка
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв, Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я надеюсь, что Вы получили мое второе письмо, написанное на следующий день после отправки моего первого письма и до того, как я получил от Вас ответ. Из этого второго письма, я надеюсь, Вы сможете понять, что я сожалею о своем первом послании и прошу не обращать на него внимания. Я очень благодарен Вам за Ваш ответ и еще раз приношу Вам свои извинения за мое первое письмо. Пожалуйста, оставьте у себя книгу Кауэлла.

С моими искренними и наилучшими пожеланиями Вам и всей семье Мертонов.

Искренне Ваш,
Питирим А. Сорокин

21. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
22 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Прежде всего, спасибо за сообщение, которое Вы послали мне еще до того, как получили мое письмо. Это был благородный поступок человека, выбирающего цельность собственной личности вопреки кратковременной удовлетворенности собственного «эго». Часто жизнь делает трудным выражение перед другими того, что мы чувствуем глубоко внутри.

Я поистине рад, что этот недавний эпизод произошел. Поскольку он позволяет мне сказать Вам, что я не забуду недавнее

выражение Вашей подлинной личности, так же как я не забыл Ваше великодушие ко мне, когда я был студентом полных двадцать лет тому назад. Более поздние разногласия никогда не сотрут это из моей памяти.

Как я уже писал Вам, мне бы очень хотелось получить Вашу фотографию, если у Вас на руках есть лишний экземпляр. Помимо просто желания ее получить, фотография содействовала бы моим усилиям оживить для моих детей истории людей, которые сделали современную социологию. Если же нет лишней, то я был бы признателен за возможность снять копию с одной из Ваших фотографий, если Вы ее пришлете на короткое время.

С наилучшими пожеланиями госпоже Сорокиной и с личной благодарностью Вам,
Ваш Роберт

22. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
5 ноября 1957

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашими двумя книгами с посвящениями, которые Вы мне любезно прислали. Они безошибочно демонстрируют Вашу искреннюю привязанность ко мне и настоящую дружбу. Что же до меня, то в моем сердце всегда есть теплый уголок для Вас и для госпожи Мертон. И я рад, что теперь мы выразили нашу взаимную привязанность друг к другу. Надеюсь, что эти нынешние отношения будут соединять нас и в будущем. Вам хорошо известно, что пока Вы были студентом, равно как и во время Вашей преподавательской работы, я считал Вас практически самым лучшим студентом среди всех выпускников Миннесоты и Гарварда. С великим интересом я следил за Вашим последующим ростом, который привел Вас к тому, что Вы заняли положение, возможно, наиболее влиятельного лидера американской социологии младшего и среднего поколений. Я рад видеть, что это лидерство сохраняется.

Хотя у меня есть первое издание Вашей «Социальной теории и социальной структуры», я счастлив иметь второе издание, улучшенное и дополненное. К настоящему моменту у меня было время только просмотреть работу, но в ближайшем будущем я собираюсь изучить специально ее новые дополнения.

Что до меня, то, кроме издания практически каждый год какого-либо нового труда, я также занят какой-нибудь легкой работой, связанной с многочисленными переводами моих работ на иностранные языки, кратким изложением моей «Динамики», подготовкой нескольких статей, главным образом, для сборников статей по философии и религии, публикуемых издательством «Харперс», и, наконец, исследованиями и управлением маленьким Исследовательским центром и учреждением нового Общества исследования созидательного альтруизма, которое в октябре провело свою первую публичную конференцию в Массачусетском технологическом институте.

В добавление к этому, из многих приглашений почитать лекции, которые я получил из Сорбонны, университетов Рима, Бразилии, Мексики, от правительства Индонезии и университета в Джакарте, а также нескольких американских и других иностранных университетов и правительств, я принял только несколько приглашений от близлежащих университетов и колледжей на февраль и март – от университета Флориды, и на этот год – от четырех университетов Джорджии, где в эти месяцы как раз лучший сезон, а здесь – худшие зимние месяцы.

Как раз сейчас я пытаюсь закончить небольшую работу «Преступность правящих групп» для одного из нью-йоркских издательств. Я бы добавил, что я увеличиваю время своего досуга, главным образом, для сада (в прошлом апреле я получил золотую медаль за свой сад, что было отмечено полностраничной цветной фотографией в нескольких национальных журналах), а также для «ничего неделанья» в моей летней резиденции в Квебеке.

Вы правы – действительно «tempus fugit»¹. Ваша дочь уже в Рэдклиффе. Мой старший сын только что закончил все, что нужно для получения докторской степени по физике, и с сентября он работает с IBM в качестве ученого-физика, проводя исследования на темы, которые сам свободно выбирает. Мой младший сын, Сергей, сейчас учится на четвертом курсе в Медицинской школе в Гарвар-

¹ Время бежит (лат.).

де, и на следующий год он собирается в интернатуру, главным образом, заниматься исследованиями, и не планирует становиться практикующим врачом¹.

Госпожа Сорокина несколько лет назад возобновила свою исследовательскую работу, которую она довольно успешно вела, и стала одним из ведущих исследователей в области цитологии.

Если будете в наших краях, Елена и я всегда очень рады Вас видеть с госпожой Мертон и Вашей дочерью. А пока с наилучшими пожеланиями от нас двоих вам двоим,

искренне Ваш

Питирим А. Сорокин

23. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

2 января 1958

Дорогой Питирим!

Пару слов, чтобы пожелать Вам и Вашей семье хорошего Нового года и сказать Вам, как мне понравилась маленькая зарисовка в «Нью-Йоркере». В ней удалось уловить суть подлинного и, что так не похоже на распространенную практику этих колонок, избежать фальшивого подтекста.

С наилучшими пожеланиями по этой и всем другим причинам,
Ваш Роберт

24. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

6 января 1958

Профессору Роберту К. Мертону

111 Пайнкрест драйв

Гастингс-на-Гудзоне, 6

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за Ваше дружеское послание.

18 ноября я был вынужден выехать в Нью-Йорк на день и дать пять интервью для «Нью-Йоркера», для радиостанции «Нью-

¹ Сергей Питиримович Сорокин занимался исследованиями в области биологии клетки, в настоящее время сочиняет музыку.

Йорк Таймс», «УОР Нетворк», «Ассошиэйтед пресс» и для Майка Уолласа¹. Заметка в «Нью-Йоркере» – один из результатов всех этих интервью. Вообще, во время Рождества несколько увеличил-ся «урожай» работ обо мне и моих теориях.

За неделю до Рождества я получил норвежскую работу, озаглавленную «Kultur og fred: Pitirim A. Sorokins sosiale og historiske filosofi»², написанную доктором Йоханном Рейтцем Гйермо³ из Норвегии, посвященную мне и моим трудам. Затем я получил книгу французского профессора Мориса Крюбелье под названием «Sens de l'histoire et religion»⁴, которая посвящена Огюсту Конту, Тойнби, Нортропу и мне, где, по меньшей мере, четверть тома отведена мне. В начале декабря я получил только что вышедшую книгу профессора Кребера, наиболее авторитетного из ныне живущих американских антропологов, озаглавленную «Стиль и цивилизации», в которой от одной четвертой до одной трети работы вновь посвящена моим теориям. Не говоря уже о нескольких больших немецких репринтах статей из исторических журналов и так далее, посвященных проблемам античности и ее интерпретациям современными историками и философами истории. Эти книги и большие главы, все весьма хвалебные, стали для меня очень приятными рождественскими подарками.

Я, наверное, упоминал в предыдущем письме, что отклонил большинство предложений от американских, а также от европейских, латиноамериканских и восточных университетов и правительств, но все-таки принял приглашения от университетов Флориды и Джорджии на февраль и март будущего года; а на этот год принял приглашение на февраль от университета Огайо и Гейдельбергского колледжа прочитать несколько лекций (немногочисленных, но весьма хорошо оплачиваемых). В последние не-

¹ Майк Уоллас – известный американский тележурналист, комментатор CBS News, ведущий популярной общественно-политической программы «60 минут».

² «Культура и мир: Социальная философия и философия истории П.А. Сорокина» (норв.).

³ Йоханно Рейтц Гйермо (Johanne Reutz Gjermoe, 1896–1989) – норвежский экономист. В 1964–1965 гг. был сотрудником Международного научно-исследовательского института мира в Осло (the International peace research institute, PRIO). В 1957 г. написал работу, посвященную исследованиям П.А. Сорокина в области социальной философии и философии истории (Gjermoe J.R. Kultur og fred: Pitirim A. Sorokins sosiale og historiske filosofi. – Oslo: Norlis, 1957).

⁴ «Смысл истории и религии» (фр.).

сколько недель у меня обострился хронический ларингит, и позавчера я был вынужден отменить лекции в университете Огайо и в колледже в Гейдельберге. Но я все-таки надеюсь поехать в Джорджию и Флориду на семь или восемь лекций, а также вновь провести некоторое время во Флориде почетным гостем университета штата.

Сейчас я завершаю небольшую работу «Преступность и мораль правящих групп»¹. После этого планирую начать, возможно, мою последнюю значимую работу, посвященную имеющей сегодня место существенной переоценке всех основных ценностей, и особенно нравственных, которая будет рассматриваться с позиций моей интегральной философии. По всей видимости, эта работа займет следующие несколько лет.

Наилучшие пожелания Вам и госпоже Мертон, а также подрастающему поколению Мертонов в наступающем Новом году.

Искренне Ваш,
Питирим А. Сорокин

25. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
24 февраля 1959

Профессору Роберту К. Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

После долгого периода нерешительности я все же решился попросить Вашего совета и помощи по следующему вопросу. Прежде чем я стану дряхлым или умру, я хочу закончить следующие три работы, которые уже начаты и прогрессируют некоторым образом, но для своего завершения требуют два-три года работы, а именно: 1) «Динамика нравственных явлений и ценностей»; 2) «Современные социологические теории»; 3) «Интегральная философия (интегральная теория реальности, ценностей, познания, личности и природы психологических и социокультурных фено-

¹ Вероятно, «Преступность правящих групп» («Criminality of ruling groups»). Это рабочее название книги: Sorokin P.A., Lunden W.A. Power and morality: Who shall guard the guardians? – Boston: Sargent, 1959 («Власть и нравственность»).

менов)». Планируется, что каждая из этих работ будет самостоятельным внушительным томом.

Из приложенного отчета Исследовательского центра (последняя страница) Вы можете видеть, что гранты Лилли Эндоумент¹ этому центру почти полностью израсходованы. Как отмечено в отчете, я никогда не просил этих грантов, но они были выделены по инициативе Лилли Эндоумент и господина Эли Лилли². Весьма вероятно, что если я напишу коротенькое письмо господину Эли Лилли с просьбой о дополнительном гранте, эта просьба будет поддержана. Однако прежде, чем это делать, я подумал, что можно получить скромный грант от 10 до 30 тысяч долларов для завершения упомянутых работ от Фонда Форда³. Я никогда не просил ни Фонд Форда, ни какой либо другой фонд о какой-либо финансовой поддержке. Но в нынешних обстоятельствах я подумал, что, возможно, наступило время, когда мне нужно сделать такую попытку.

К моей великой радости, Вы являетесь одним из влиятельных членов департамента наук о поведении Фонда Форда. Раз так, то Вам должно быть известно, что можно было бы посоветовать мне предпринять для составления упомянутой заявки, желаете ли Вы и имеете ли возможность помочь мне в получении такого гранта. Это моя к Вам просьба. Если Вы найдете возможным ответить на нее, я буду Вам очень благодарен. Если Вы найдете более благоразумным пренебречь ею, подобный ответ также будет для меня хорош.

С искренними извинениями за эту просьбу и наилучшими пожеланиями,

с уважением,

Питирим А. Сорокин

¹ Лилли Эндоумент (Lilly Endowment inc.) – один из самых больших в мире частных благотворительных фондов. Фонд основан в 1937 г. владельцем фармацевтической компании «Eli Lilly & co.» Эли Лилли.

² Эли Лили (1 апреля 1885 – 24 января 1977) – известный американский промышленник, бизнесмен и благотворитель. Благодаря грантам, предоставленным Э. Лилли, П. Сорокин провел множество исследований в рамках изучения созидательного альтруизма.

³ Фонд Форда (Ford foundation) – американский благотворительный фонд, созданный в 1936 г. Эдселем Фордом, сыном Генри Форда, дирекцией «Ford motor company». Согласно уставу Фонд осуществляет деятельность в сфере выделения грантов и займов в целях укрепления демократических ценностей, искоренения бедности и устранения несправедливости, развития международного сотрудничества, распространения достижений человечества.

26. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
8 марта 1959

Дорогой Питирим!

Поскольку я нахожусь в отпуске и отсутствую в университете в этом семестре, я уезжал на несколько недель для того, чтобы доделать одну работу. Было приятным сюрпризом по возвращении найти Ваше письмо, так что я отвечаю сразу.

Едва ли мне нужно говорить, что я немедленно сделаю все возможное, чтобы узнать о перспективах финансового гранта, который позволил бы Вам закончить три книги, которые Вы сейчас пишете. Было бы абсурдным задерживать работу из-за недостатка средств на секретарские услуги, исследовательскую помощь и тому подобное. Занимаясь этим делом, я возьму на себя смелость поднять вопросы по поводу всего этого по своей собственной инициативе без необходимости для Вас делать какой-либо формальный запрос до тех пор, пока не прояснится, каким образом, когда и кому он должен быть сделан. Я, конечно, не знаю, каковы наиболее перспективные источники, но я постараюсь это выяснить, как только приступлю. В любом случае, я намереваюсь начать обсуждение вопроса с некоторыми людьми из Фонда Форда.

По этому поводу, однако, я должен заметить, что информация, дошедшая до Вас, не вполне соответствует истинному положению дел. Я не имею никакого отношения к Отделению наук о поведении Фонда Форда и на самом деле никогда не имел. У меня есть консультативные связи с Центром повышения квалификации в области наук о поведении, который был основан представителями Фонда Форда, но который никак в дальнейшем с этим фондом связан не был. Этот центр просто предоставляет стипендии тем, кто там работает; у него нет никаких ресурсов или фондов для грантовой деятельности. Я также должен Вам сообщить, что в прошлом году Фонд Форда прекратил существование особого Отделения для проведения исследований в области «поведенческих наук» (таких, как социология, психология или антропология), когда было решено перейти в области технических, естественных или гуманитарных наук. Это, конечно, означает, что получить грант для проведения работы в социологии сейчас трудно. Однако все же должен быть какой-нибудь вариант, позволяющий получить грант, и я намереваюсь найти его посредством прямого обращения. Как только я смогу получить информацию, я напишу Вам, что бы я ни узнал.

Я благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность заниматься поисками вариантов финансирования, которые позволили бы Вам продолжать работу, и я рад, что Вы преодолели нежелание вообще поднимать этот вопрос. Возможно, что я и не получу ничего, но если так, то это будет означать, что грантовые учреждения, направленные на поддержку научной деятельности в области социологии, потеряли всяческое видение основ.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

27. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
11 марта 1959

Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашим желанием помочь мне в вопросе поиска грантов для завершения моих исследований. Безотносительно к тому, будут или нет предпринимаемые Вами энергичные попытки успешными, я тепло благодарю Вас за Вашу доброту.

Когда бы Вы только ни оказались по соседству, Елена и я будем очень рады принимать Вас и долго беседовать на бесконечные темы, интересующие нас обоих.

11 апреля я должен прочитать две лекции в Филадельфии и затем с 15 по 17 апреля провести конференцию в Йельском университете. 22 апреля я приглашен на обед к министру труда господину Митчеллу и к его заместителям с тем, чтобы после обеда выступить с докладом перед сотней высших руководителей в департаменте труда по поводу двух–трех основных проблем, касающихся Соединенных Штатов и организации Управления труда этой страны. Затем, если я не уеду в Индию, Мексику или Европу (я получил в третий раз предложения от организаций и правительств этих стран), надеюсь пробыть здесь весь май и июнь, а затем летом поехать недель на шесть или восемь в мою летнюю резиденцию в Квебек.

С наилучшими пожеланиями Вам, госпоже Мертон и молодому поколению Мертонов, сердечно Ваш
Питирим А. Сорокин

28. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
30 марта 1959

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за Ваше теплое письмо и поздравляю Вас и других редакторов с выходом Вашей «Социологии сегодня»¹.

До сих пор у меня было совсем немного времени, чтобы мельком просмотреть различные статьи Вашей «Социологии сегодня». И при этом спешном просмотре я нашел несколько статей, как Вашу собственную, так и несколько других, значимыми и интересными, в то же время некоторые другие произвели на меня впечатление вполне посредственных.

Я глубоко ценю Ваши попытки помочь мне в получении грантовой поддержки фондов. С другой стороны, мне не хотелось бы перегружать Вас этой задачей.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

29. У.М. Макпик – Р.К. Мертону**
Фонд Форда
28 апреля 1959

Дорогой Боб!

Хочу еще раз поблагодарить Вас за то, что довели до моего внимания вопрос о гранте профессору Сорокину, который бы позволил ему завершить эти три работы, и выразить еще раз мои сожаления в связи с тем, что мы в Фонде Форда не можем предоставить такие гранты, поскольку программа по поведенческим наукам уже два года как приостановлена.

Именно для таких начинаний, а именно работ выдающихся ученых с большим опытом, программы Фонда прежде всего и нужны. Я продолжаю надеяться, что когда-то в будущем реорга-

¹ Merton R.K. Sociology today: Problems and prospects. – N.Y.: Basic books, 1960.

низация программ Фонда приведет к возобновлению интереса к таким начинаниям. Но в настоящее время, как я уже Вам говорил этим утром, грантов, которые мы могли бы на это дело предоставить, у нас нет.

Надеюсь, Вы продолжите Ваши поиски в других местах, и где-нибудь Вам улыбнется удача.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
У.М. Макпик

30. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
1 мая 1959

Дорогой Питирим!

Как Вы увидите из приложения, я предпринял еще одну попытку обратиться к представителям Фонда Форда, чтобы узнать, существует ли какая-нибудь перспектива получить индивидуальный исследовательский грант сейчас, когда они отказались от Отделения общественных наук. (Я четко обозначил, что это был мой запрос, не Ваш, но даже в этом случае он был безуспешен. Я должен отметить, что они всячески демонстрировали желание помочь в предоставлении гранта, если бы только это было возможно. Они просто связаны своими собственными нормами и правилами.)

Сейчас, когда вариант с Фордом ни к чему не привел, я беру на себя смелость попробовать другие ходы. Во всяком случае, я должен получить информацию к десятому числу этого месяца. Основное впечатление, которое у меня сложилось, заключается в том, что существует много перспектив получения индивидуальных исследовательских грантов для подготовки к изданию готовящихся книг, предоставляемых в области гуманитарных наук. Но кажется, что в области общественных наук существует совсем немного подобных грантов. Если бы только было возможно выяснить, какие из более «мелких» фондов предоставляют гранты второго рода, я уверен, вопрос был бы сразу же урегулирован. Но никто из тех, с кем я говорил, – обрисовывая ситуацию в общих словах и не упоминая имен, – не смог направить меня в один из таких фондов. Я нахожу, что мир американских фондов – не столько страна чудес, сколько пустыня. Трудно найти выход.

Если Вы согласитесь потерпеть, я бы хотел попробовать другие возможности, хотя бы ради удовлетворения собственного любопытства. Должны же существовать фонды, которые предоставляют секретарскую и иную подобную помощь выдающимся исследователям в области общественных наук. С наилучшими пожеланиями,

Ваш Роберт Мертон

31. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

4 мая 1959

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше добрейшее письмо и за все те усилия, которые Вы предпринимали в моих интересах. Вне зависимости от того, принесут они результат или нет, я глубоко ценю их. Однако я не хочу, чтобы Вы продолжали загружать себя этой задачей, хотя какой-нибудь финансовый грант и мог бы быть полезным для моей работы, но тем не менее он не является решающим фактором. До тех пор, пока не вмешается мой возраст, я еще смогу продолжать, по крайней мере, одну из двух упомянутых мною работ. В самом худшем случае я могу попросить помочь в этом вопросе Лилли Эндоумент, и я вполне уверен, что какая-то помощь от них придет.

Что же касается моих расходов на жизнь, если доллар не будет сильно обесцениваться, то мы с моей женой сможем жить так же, как и жили до выхода на пенсию. (Оба моих сына теперь живут самостоятельно и не нуждаются в дальнейшей поддержке с моей стороны.)

Я только что вернулся из короткой трехдневной поездки на конференцию и чтение лекций в Йельском университете; затем – еще одно выступление в Принстонском университете и после – прием и беседа с министром труда господином Митчеллом и его заместителями. После двухчасового выступления, главным образом, о моих взглядах и теориях по поводу современного состояния мира, меня попросили выступить с лекцией и ответить на вопросы

перед сотней высших должностных лиц департамента труда. Вся поездка заняла около шести дней, и сейчас я вернулся.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

32. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
9 ноября 1959

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за экземпляр Вашего «Социального конфликта». Я читаю его с интересом и нахожу, что согласен с основными моментами Вашей статьи.

В отдельном конверте я высылаю Вам экземпляр моей и Лундена небольшой работы «Власть и нравственность». Я надеюсь, что Вы найдете в ней некоторые свежие идеи в противовес довольно избитой литературе современной политической науки и политической социологии.

«Причуды и недостатки», которые Вы упоминаете в своей статье, уже были изданы в испанском и французском переводе, а немецкий и японский переводы готовятся к выходу. Два дня назад я получил экземпляр нового издания моей «Социальной мобильности» с дополнительной сотней страниц, посвященных мобильности культурных феноменов в пространстве. На той неделе я получил индийское издание моей «Американской сексуальной революции» (которая уже вышла в свет на японском, шведском и испанском).

В августе я сделал две магнитофонные записи моих лекций в рамках серии записей лекций, осуществленных фирмой «Кампус Ворлд»¹. До окончания года я ожидаю получить испанское издание моей книги «Общество, культура и личность» и, возможно, моей «Социальной и культурной динамики». Не упоминая не-

¹ Компания «Campus world» осуществляла записи лекций известных ученых.

скольких статей, все это подводит итоги моим публикациям в этом году.

В сентябре я был вынужден лечь в больницу по причине острой анемии, которую обнаружили доктора. Через восемь дней меня выписали и прописали инъекции с содержанием железа. Они мне очень помогли и в настоящее время моя кровь совершенно в норме. Эта анемия помешала мне поехать как гостевому профессору в Вaley Стейт Колледж в Сан-Фернандо и в другие колледжи и университеты в Калифорнии; но я, возможно, поеду туда в феврале или марте, если мое здоровье будет удовлетворительным.

Таков краткий обзор моей «бумагомарательной» деятельности и моего здоровья на сегодняшний день.

Наилучшие пожелания госпоже Мертон и остальным членам семьи.

Искренне Ваш,
Питирим А. Сорокин

33. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, Центр исследований
альтруистической интеграции и креативности
Клифф-стрит, 8, Винчестер, шт. Массачусетс
22 января 1960

Дорогой Роберт!

В связи с небольшим очерком «Автобиографическая микро-социология знания», который я собираюсь написать (используя себя и свой ментальный багаж и душевные преобразования в качестве материала), я перечитал часть III – «Социология знания» в Вашей книге «Социальная теория и социальная структура». Пишу эту записку лишь для того, чтобы сказать Вам, что нахожу эти главы очень добротными, компетентными и восхитительными. Особенно глубокомысленны Ваши критические замечания (в том числе критика моих «выдумок»). Сердечно поздравляю!

В сентябре я был болен анемией, и это не позволило мне посетить калифорнийские колледжи и институты (в роли приглашенного профессора или лектора). Сейчас у меня все в порядке, и я лениво возвращаюсь к своему «бумагомаранию».

С наилучшими пожеланиями,
Питирим

34. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
6 декабря 1960

Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест Драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Сердечное Вам спасибо за дружеское послание. Мои чувства сродни Вашим. Я всегда испытывал смешанное чувство гордости и уважения к Вашим достижениям.

Мне очень жаль, что не смог Вас увидеть на социологической сессии, где я пробыл всего лишь несколько часов и 30 апреля улетел на 19-й Международный социологический конгресс в Мексику, где я выступил с двумя основными докладами «В поисках интегральной системы социологии» и «Конвергенция США и СССР». По решению конгресса и редакторов «Zeitschrift für Politik»¹, «Journal of comparative sociology» и «Revista mexicana de sociología»² эти доклады, кроме того, что они будут опубликованы в материалах конгресса, также будут опубликованы в этих журналах в качестве статей и выйдут отдельными брошюрами на испанском и английском языках.

Кстати, такое отношение к моим докладам резко контрастирует с тем, как отнеслись к моему докладу «Вариации спенсерианской темы в милитаризованном и индустриальном обществах» в АСА. Как Вы, возможно, знаете, я не планировал принимать участие в сессии, но профессора Беккер и Чамблис неоднократно настаивали на моем докладе. Как тоже, возможно, знаете, доклад привлек наибольшую аудиторию на сессии и был встречен с наибольшим энтузиазмом. Думая, что этот доклад являлся ведущим, я послал его в «Американское социологическое обозрение». Недавно этот материал вернулся от нынешнего редактора «Обозрения» без всяких объяснений. Я отнесся к этому решению с философским спокойствием и даже с юмором, не протестуя и без раздражения. Вполне возможно, что упомяну об этом интересном факте в моей автобиографии, над которой я сейчас работаю.

¹ «Политический журнал» (нем.).

² «Мексиканский социологический журнал» (исп.).

Помимо этого, несколько статей и 4–5 переводов моих книг вышло в этом году, достигнув 40 в их общем количестве. В этом году я читал лекции в 15 американских университетах и колледжах, кроме того, получил приглашения от большого числа других университетов в этой стране, Индии, Мексике, Турции и других странах. Некоторые из этих университетов предлагали мне по 25 000 долларов за два семестра в качестве гостевого профессора. Пока что я отклонил все эти приглашения, за исключением университетов Южной Каролины и Флориды, где я хотел бы провести отпускные зимние месяцы с оплатой расходов. Прошрое лето я провел в Калифорнии.

Госпожа Сорокина и сыновья продолжают свои научные исследования. Сергей работает младшим преподавателем в Медицинской школе Гарварда, Петр – физик в Ай-би-эм¹. Несколько недель назад он сделал заметное открытие – изобретение нового поля физики, оптического MASER. В следующем номере «Физического обозрения» появится его статья, описывающая открытие, после чего, может быть, оно найдет отражение и в общей прессе. Пока же юристы Ай-би-эм оформляют патент на это изобретение, а его зарплата увеличилась на 2000 долларов.

С моими и Елениными наилучшими пожеланиями, искренне
Ваш,

Питирим А. Сорокин

35. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
23 декабря 1960

Уважаемый Питирим!

У меня странное чувство, что быстро сделанная мною опечатка – это намек на длинное и путаное письмо, которое может стать испытанием Вашего терпения. На самом деле, может, Вашего терпения и не хватит дочитать его до конца. Как бы то ни было, я

¹ В ноябре 1960 г. Петр Питиримович Сорокин с коллегами создал первый урановый лазер, второй вид лазера вообще. В 1984 г. Петр Сорокин стал лауреатом Премии Харви за крупный вклад в развитие квантовой электроники и лазеров. Премия Харви (Harvey prize) – международная премия в области технических наук, ежегодно присуждаемая Технионом (Хайфа) ученым за выдающиеся достижения в области медицины, естественных и гуманитарных наук.

обдумывал его в течение последнего часа и, в конце концов, поддался импульсу и решился написать, своими разбросанными мыслями и пометками рискуя чересчур обременить Вас.

Причина, сподвигнувшая меня, следующая: сейчас почти уже семь утра и первые лучи солнца уже заблестели над Палисадами (не знаю, насколько Вы знакомы с окрестностями Гастингса, в котором мы проживаем с тех пор, как вернулись из Нью-Орлеана в эту часть страны почти 20 лет назад. Я должен объяснить, что Палисады – это скалистая часть западного берега Гудзона, простирающаяся почти на 15 миль. Мой стол очень удачно расположен напротив окна с открывающимся чудным видом, и я встречаю каждый день, уверенный в божественной красоте природы). Три часа назад я сидел за столом с твердым намерением написать главу в учебник, который я редактирую; моя первая попытка была подготовить методическое пособие для студентов, эта же книга пишется по скучному предмету, обычно определяемому как «Социальные проблемы». Крайний срок предоставления книги – 1 января, иначе мне придется отложить ее на целый год, не говоря уже об ответственности перед десятком соавторов. Но вместо того чтобы приступить к написанию главы, о чем я «твердо» решил, я взял книгу, которую только вчера получил, и забылся в ней вплоть до сего момента. Эта книга – письма Зигмунда Фрейда под редакцией его сына Эрнеста.

Конечно же, я в курсе Ваших устойчивых сомнений в истинности и значении работ Фрейда, однако, даже будучи Вашим учеником, я не разделяю существенной части Вашей критики. Тем не менее я возьму на себя смелость послать Вам экземпляр «Писем...» с надеждой, что, может быть, они пополнят Ваше ночное чтение. Тем более что в центре внимания в этой подборке писем не работы Фрейда, а качества человека. И какова бы ни была оценка идей, я думаю, что не может быть сомнений в монументальности личности Фрейда, которая проступает из его писем значительно явственнее, чем из объемной, подробной, но бесконечно плоской и неинтересной биографии Джонса¹. Так, по крайней мере, мне показалось. Читая письма, я вспомнил то счастливое обстоятельство, что Вас убедили написать автобиографический фрагмент для готовящейся книги, именно поэтому, как я полагаю, я и решил Вам написать о письмах Фрейда. Оставляя в стороне различия в мыс-

¹ Альфред Эрнест Джонс (1 января 1879–11 февраля 1958) – уэльский невропатолог, психоаналитик и официальный биограф Зигмунда Фрейда.

лях, я почти не сказал о различиях в доктринах, не думаю, что Вы оспорите ВЕЛИЧИЕ Фрейда, его неустанные и нарастающие усилия исследовать новую область, которая, хотя и затрагивалась иногда, не была подробно систематизирована. И это много значит для тех из нас, кому повезло быть частично современниками и знать хотя бы немного об этом человеке, который проделал такую важную для нас и громадную работу. По тем же причинам я призываю Вас расширить и углубить Вашу автобиографию настолько, насколько позволят время, энергия и интерес. Я, конечно, не знаю, какой масштаб «самоистории» Вы выбрали для Вашей автобиографии. Возможно, Вы уже сделали то, к чему я Вас сейчас призываю. Но, в том случае, если Вы решили ограничиться только самыми крупными событиями, определившими развитие, я, как навсегда обязанный Вам студент, прошу Вас подумать о возможности расширения насколько возможно сферы Вашей автобиографии. Конечно же, написанная Марианной Вебер биография ее мужа подготовлена всеобъемлюще, но, с точки зрения тех, кто никогда его не знал, она может показаться неинтересной, косной и неуклюжей. Дюркгейм более известен нам не как человек, а как социологическая машина, способная вторгнуться на территорию, на которую многие заглядывали, но только он умел найти силы освоить ее. Кули был застенчивым, работающим и честным человеком, но, в итоге, даже те, кто уважал его, признавали, что о нем просто нечего сказать. Он был, по понятным причинам, переоценен, поскольку был одним в пустыне американской социологии и поэтому все были ему признательны, что кто-то хоть как-то выделяется из массы карликов зарождающейся дисциплины. Самнер был куда более личностью, но страдал проблемой следования тем принципам, о которых сам заявлял. Список можно продолжать, но пока что все они были фигурами из папье-маше, в основном, в силу собственной ограниченности, но также и ввиду почти полного отсутствия материала в автобиографии. Здесь лучше остановиться, а то уже попадаю под влияние того, что пишу. Надеюсь, что мои усилия не пропали даром и Вы существенно пересмотрите краткость Вашего автобиографического фрагмента.

Подытоживая мою повторяющуюся просьбу, я напомнил себе, и не без причины, высказывание, которое приписывают молодому дарованию норвежских математиков Нильсу Абелю, смерть коего в 29 лет прервала цепь выдающихся открытий. На полях своих математических записей в дневнике он с восхищением пишет о Лапласе: «Я думаю, чтобы достичь прогресса в математике,

надо учиться у мастеров, а не у учеников». Дюркгейм сказал что-то подобное в отношении социологии. (Недавно я обратил внимание, как нельзя кстати, что Тед Абель, перефразируя высказывание своего великого однофамильца, отметил, что даже случайное наблюдение, сделанное великим человеком, заслуживает внимания.) Но знать работы мастера – недостаточно, важно также знать что-то о его плоти и крови, за исключением тех немногих учеников, которым довелось узнать о мастере, да и то только то, что он выбрал для них.

После всех своих намеков на Вашу книгу, я должен сделать признание. Когда Аллен обратился ко мне написать главу для его книги, я с большим энтузиазмом согласился¹. Причем, по признанию Аллена, именно мой энтузиазм вдохновил его начать этот новый для него проект. Моя глава будет о Ваших работах в области социологии науки. Одновременно Аллен обратился к Барберу написать сопутствующую работу о Вашей «Социологии знания». Я высказал свое сомнение в правомерности такого разделения. Действительно, в некоторых Ваших наблюдениях Вы отмечаете особенности социального контекста науки. Но самая значительная и с неизбежностью наиболее важная часть Вашей теории в социологии знания, конечно же, относится к особым областям знания, содержащимся в науке (технологии). Аллен оказался очень восприимчивым к моим замечаниям. Он тут же согласился и должен переговорить с Барбером, чтобы писать совместную главу, иначе не избежать повторений. Вот все, что касается предшествующих событий, теперь же, с некоторой болью, к моему признанию. Барбер уже закончил черновик главы, но я еще не сумел расширить и отредактировать ее до должного состояния. Что еще хуже, я не вижу возможности обратиться к этому до конца января. Причина такой долгой задержки не делает мне чести. Вы, конечно же, не могли знать, что всю свою взрослую жизнь я страдал очень долгой подготовкой к написанию любой научной работы. На то, что другие ученые делают в течение дней, у меня уходят недели, что у других занимает недели, у меня занимает месяцы. Когда я говорю о конце января, я имею в виду то, что мне необходимо закончить главу, о которой я упоминал в начале этого путаного письма, которая уже очень просрочена и которую я должен представить издателю в начале года, чтобы не нарушить издательского процесса на целый год.

¹ Merton R.K., Barber B. Sorokin's formulations in the sociology of science // Pitirim Sorokin in review / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke univ. press, 1963.

Не позднее этого я должен подготовить материал для заседания Американского философского общества, посвященного 400-летию со дня рождения Бэкона. Конечно же, эту работу я уже давно выносил в своих мыслях. Это работа, связанная с социологией науки, к которой я обращаюсь периодически буквально в течение вот уже 25 лет, и только сейчас я осознал, что разбираюсь здесь достаточно хорошо. Как бы то ни было, каждый свободный момент в январе я задействую для написания главы. Хотя январь с его избытком докторских и других экзаменов оставляет совсем мало времени для «своей работы». Как я написал Аллену, я ни при каких обстоятельствах не хочу задерживать публикацию книги о Вас. Учитывая мое расписание и необходимость подготовки главы для книги для ее своевременного выхода, получается так, что я не смогу присоединиться к тем, кто освещает Ваш прижизненный вклад в науку. Это и есть мое признание; *mea culpa*¹, которая ничем не умаляется, за исключением, может быть, ограниченности моего духа.

Когда Вы мне написали о предстоящем объявлении открытия Вашего сына, Петра, я не представлял очевидной значимости его вклада. С тех пор же «Таймс» переполнена подробными уважительными статьями, указывающими на существенность природы его открытия для всего прогресса. Если обыденные граждане могут лишь хранить важное молчание на этот счет, то глава нашего департамента физики, специалист в области MASER, расценивает открытие Петра как поистине выдающееся. Это, должно быть, доставляет госпоже Сорокиной и Вам истинное наслаждение. В королевство науки многие позваны, но лишь единицы избраны.

Я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить мое негодование по поводу отклонения Вашей статьи о Спенсере «Американским социологическим обозрением». Конечно же, для Вас это не имеет никаких последствий, да и каковы они могут быть? Но даже мысль о том, что это произошло, оставляет у меня неприятный осадок. Следующее, что можно от них ожидать, это то, что «Социальная мобильность» безвестного гарвардского социолога Питирима Сорокина не получит даже обычной рецензии. Блошинные укусы нельзя воспринимать всерьез, но они раздражают.

Но и мне пора заканчивать. С надеждой, что Вы все-таки добрались до этой части письма, мне хотелось бы привести короткие выдержки из писем Фрейда. В 1901 г. он пишет Елизе Гомперс,

¹ Моя вина (лат.).

жене Гейнриха, который пытается убедить министра дать Фрейду профессорство: «Если это содержание и направление моей работы, в которой, согласно Экснеру, определенные круги найдут “над чем посмеяться”, тогда, по крайней мере, я узнаю, что ей мешает, и смогу решить поменять направление либо сменить название. Путь совершенствования не должен быть закрыт заблудшим душам. Или же, до того как я пришел к этому решению (здесь я уже слышу иронию), не будет ли Ваш муж, Хофрат Гомперс, для которого не чужд научный мир, столь любезен обратить внимание Его Величества на то, сколь мало правды в насмешках кругов, мне неизвестных, и как часто забывчивое человечество пыталось высмеять идеи, которые в один день оно вынуждено частично или полностью признать? Сейчас я слышу, что моя деятельность только раздражает людей, и я нахожу это вполне понятным, такой первая реакция и должна быть» (с. 243–244).

И снова, в 1907 г., Юнгу: «Не беспокойся, все будет нормально. Ты доживешь до этого дня, даже если я не доживу. Мы не первые, кто вынужден ждать, пока человечество поймет наш язык. Я всегда думаю, что у нас значительно больше скрытых последователей, чем мы знаем; я уверен, Вы не будете в одиночестве на конгрессе в Амстердаме. Каждый раз, когда над нами смеются, я убеждаюсь, что мы владеем чем-то выдающимся. В некрологе, который Вы в свое время напишете мне, не забудьте указать, что были свидетелем, как всей оппозиции ни разу не удалось заставить меня отречься от моей цели» (с. 254).

Поздравления с новогодними праздниками от всех моих всем Вашим.

Роберт Мертон

36. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Колумбийский университет, департамент социологии

3 октября 1961

Доктору Питириму Сорокину

8 Клифф Стрит

Винчестер, Массачусетс

Дорогой Питирим!

Я встретился с профессором Лазарсфельдом после его возвращения из Парижа всего лишь на несколько минут и пишу это

письмо от его и своего имени, чтобы посодействовать решению вопроса.

Во-первых, мы хотим поблагодарить Вас за приглашение в Зальцбург на международный конгресс, начинающий работу на следующей неделе. Если бы у нас была хоть малейшая возможность оставить университет на это время, мы бы, конечно же, это сделали. Но учитывая, что начинаются первые недели нового семестра, это просто нереально. Мы передаем Вам пожелания самого большого успеха конгрессу и с нетерпением ждем его рабочие материалы.

Конечно же, сама мысль о том, что Вы выступите с докладом на сессии АСА в 1962 г., нас радует. Я взял на себя смелость уже включить Ваш доклад в программу секции, в которой я председательствую. Программа еще окончательно не определена, и мы можем обсудить Ваш доклад уже после Вашего возвращения из Европы. Я особенно рад тому факту, что Вы примете участие в работе нашей секции.

Что касается Пятого конгресса Международной социологической ассоциации, то ни я, ни профессор Лазарсфельд не имеем отношения к формированию его программы. Насколько я понимаю, программой занимается программный комитет во главе с генеральным секретарем МСА Пьером де Би. Я уверен, он будет рад получить от Вас известия и сделать все, что необходимо.

Еще раз благодарю Вас за письмо и желаю приятного путешествия. Надеюсь скоро Вас услышать. Искренне,

Роберт К. Мертон

37. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
6 октября 1961

Профессору Роберту К. Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Я очень благодарен за включение моего доклада в работу Вашей секции. Передайте также мои приветствия профессору Лазарсфельду. Не будете ли так добры подсказать, к какому аспекту тематики секции Вы хотели бы отнести мой доклад и каким он

должен быть по продолжительности? Со своей стороны, как пример эффективности воздействия и практического применения теории, я хотел бы рассмотреть, как мне кажется, наиболее глубокий эффект влияния социальной теории на практику: правые и неправые общественные теории, такие как марксизм, фрейдизм, позитивизм, теории Джона Локка, Адама Смита, Гитлера и т.д. Эта форма практического воздействия различных социологических теорий, философий и идеологий требует, по крайней мере, очень четкой систематизации.

Следуя Вашему совету, я одновременно обращаюсь к доктору де Би, с тем чтобы выяснить возможность моего более активного участия в международном конгрессе. Через несколько часов я вылетаю в Зальцбург. Подробности моего доклада можно будет получить по возвращении с конгресса 16 октября.

Вместе с госпожой Сорокиной направляем Вам и Вашей семье наилучшие пожелания. Преданный Вам

П.А. Сорокин

P.S. Если будете в наших краях, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и отужинать с бордо или бургундским.

38. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
11 января 1962

Дорогой Питирим!

Я сконфужен первой частью Вашего послания. Дело в том, что я не получал письма, на которое Вы ссылаетесь, нет необходимости поэтому говорить о том, что Вы не получили на него ответа. Я единственно могу предположить, что либо оно не дошло до моего офиса, либо пришло тогда, когда мой секретарь уже уволился и письмо куда-то положили. Естественно, мой новый секретарь письмо найти не смог. Примите мои глубочайшие извинения за доставленные хлопоты.

Я рассчитываю на Ваш доклад на моей секции Американской социологической ассоциации по многим причинам. Председательствовать на секции, где Вы будете выступать с докладом – очень почетно; помимо важности предмета Вашего доклада, я всегда помню, что я Ваш ученик сейчас, как и много лет назад. Кроме того, как я, так и аудитория секции проявляем большой интерес к

развиваемым Вами идеям. Этого более чем достаточно, чтоб принять Ваш доклад на секции. Безусловно, будет очень интересно услышать Ваш анализ «практических влияний» абстрактных теорий, тематика эта еще очень слабо анализируется глубоко и систематически, хотя время от времени и появляются отдельные работы историков, затрагивающие эту тему. Наконец, Ваш доклад полностью соответствует тематике конгресса этого года, а именно: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ социологии, не в узком прагматичном смысле, а в более широком и диверсифицированном смысле влияния идей на интеллектуальную и прикладную стороны жизни общества.

Я буду очень рассчитывать на Ваш доклад. Если Вам потребуется для изложения Ваших идей и материала 40–45 минут, я буду рад организовать Вам это время, хотя в других секциях установленная продолжительность докладов меньше. Но я не хочу, чтобы Вы чувствовали какое-либо ущемление во времени.

У меня есть лишь небольшие предложения, и Вам самому решать, в какой мере ими воспользоваться. Они касаются названия доклада – «Глубочайшее практическое влияние абстрактных социологических теорий». Я, конечно, не знаю, какие именно влияния Вы собираетесь излагать. Я только предполагаю, что это могут быть институциональные, организационные, возможно, политические, экономические и подобные влияния. Как бы то ни было, Вы, по всей видимости, не хотите ограничивать название идеологическими влияниями. Если это так, то я предложил бы название, которое, как мне кажется, будет более правомерным для содержания Вашего доклада. Например, «Основные социальные воздействия абстрактных социологических теорий», или «Фундаментальные социальные последствия...», или «Основные последствия АСТ для общества и культуры».

Через несколько дней я уезжаю в Чили на две недели. Это моя первая поездка в Южную Америку, и я ожидаю ее с большим нетерпением. По возвращении в феврале я начну заниматься программой секции, и я буду более чем рад это делать, зная, что Вы будете принимать участие в ее работе. Пока же я займусь качеством других докладов, хотя непонятно, что я могу с ним поделать.

С наилучшими пожеланиями, Ваш
Роберт К. Мертон

P.S. Каким-то чудесным образом, Ваш доклад совершил вокруг меня магический круг. Мне помнится, около 25 лет назад, в

1928 или 1929 г., Социологическое общество собиралось в Вашингтоне. Тогда, будучи студентом младших курсов колледжа, я принял участие в его сессии. Это бы мой первый опыт. Именно тогда я услышал Ваш доклад о современных идеях Хорнелла Харта. В результате я принял для себя два решения: во-первых, что я посвящу себя социологии, и, во-вторых, что пойду в аспирантуру под Ваше руководство.

39. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
13 апреля 1962

Профессору Роберту Мертону
111 Пайнкрест Драйв
Гастингс-на-Гудзоне
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый Роберт!

Высылаю машинописную копию доклада, который планирую представить на заседании Вашей секции Американской социологической ассоциации. Ограниченный во времени и пространстве, он представляет небольшое эссе, которое, тем не менее, приводит существенные доказательства практических последствий воздействия общих социологических теорий.

Я надеюсь, что Вы найдете его приемлемым для Вашей секции. Наверное, профессор Ганс Зеттерберг уже сообщил Вам, что «Бедминстер Пресс» в конце месяца готовит новое издание моей «Динамики...». Я получил образцы переплета и обложки, которые выполнены с большим вкусом.

Профессор Аллен, по-видимому, Вам написал, что получил от меня «Ответ...» на ваше с профессором Барбером замечательное эссе для его книги, которая сейчас уже готова, на ее издание подписан контракт с «Дюк Юниверсити Пресс», и в конце этого года или в конце следующего она должна выйти в свет.

Наряду со всем прочим в последнем выпуске «Saeculum» его редактор, доктор Оскар Келер, опубликовал подробный отчет о Первом Международном конгрессе сравнительных исследований цивилизаций, который прошел в Зальцбурге в октябре прошлого

года¹, и сопровождал отчет двумя прекрасными фотографиями меня и Тойнби. Как мне сообщили, в следующем номере «Saeculum» должна выйти статья о моих теориях с подробной библиографией моих работ и с краткой библиографией работ обо мне. Это один из лучших исторических журналов, который обращает внимание историков на мои исследования. Профессор Тириахьян сообщил мне о том, что подписал контракт на том юбилейного сборника с «Фри Пресс Оленкоу» и что этот труд должен выйти в течение года. Переводы моих работ продолжаются, и на данный момент их число достигло 42.

Мне удалось получить 5000 долларов на издание рабочих материалов Первого Международного конгресса в Зальцбурге, и ряд европейских историков уже готовят свои статьи для него.

Вы как-то упомянули, что, может быть, будете в наших краях. В таком случае, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и побеседовать.

Наш сад, если не помешает изменчивая погода, в этом году должен быть очень хорош.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

П.А. Сорокин

40. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

6 октября 1963

Дорогой Питирим!

Будучи новой жертвой эпидемии гриппа, я уже три дня наслаждаюсь домашним уютом. К счастью, новый выпуск «Американского социологического обозрения» с хорошей рецензией на работу «Питирим Сорокин в обозрении» застал меня во время постельной осады. Так случилось, что я не знаком с рецензентом Чарльзом Тилли, но ему, без сомнения, удалось передать дух, содержание и значимость объекта, которому она посвящена. С честностью должен признать, что особое удовольствие мне дос-

¹ В 1960 г. в Зальцбурге по инициативе западноевропейских ученых было создано «Международное общество сравнительного изучения цивилизации». П.А. Сорокин был избран его первым президентом. В 1961 г. состоялся 1-й съезд этого общества.

тавило то, что автор подметил ряд ограничений РКМ-ББ¹ книги о ПА, свидетельствующее о признании автором глубокой серьезности, с которой мы писали эту книгу. Как я уже отмечал на встрече Восточной конференции, этот период является периодом продолжающегося празднования ренессанса ПАС.

До сих пор я не писал Вам о том, что поздравил членов Американской социологической ассоциации за способность коллективно признать общий абсурд и близорукость последних двадцати лет. Написать об этом значило бы, что я хотя бы на минуту усомнился в этом событии, но это не так, и это моя официальная позиция. Будьте снисходительны, не как Фарадей, Спенсер, Веблен, Д'Арси Вентворт Томпсон, судья Холмс и бесчисленное множество других, которых современники воспринимали как данность и по-настоящему оценили их только десятилетия спустя; не говорите ни слова об абсурдной задержке в должном признании. (Да простите Вы их, обращаюсь как сын пролетария к сыну крестьянина с просьбой о благородном снисхождении.) Во всяком случае, *épater le bourgeois*², продемонстрировав, что в свое свободное время Вы можете передать административные дела администраторам Ассоциации, так же, как Вы организовали памятное годовое собрание Ассоциации.

Это был день, когда я выразил все вышесказанное. Мой поклон Елене.

Ваш Роберт Мертон

41. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Клифф-стрит, 8, Винчестер, шт. Массачусетс

27 ноября 1967

Дорогой Роберт!

Подобно Вам, я хотел бы написать эту записку от руки, но мой почерк стал настолько плох, что лучше уж ее напечатать, чтобы сделать читаемой.

¹ Имеется в виду работа Роберта Кинга Мертона и Бернарда Барбера, посвященная П. Сорокину: Merton R.K., Barber B. Sorokin's formulations in the sociology of science // Pitirim Sorokin in review / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke Univ. press, 1963. – P. 332–368.

² Фраза, ставшая лозунгом французских поэтов, представителей декадентского движения в конце XIX в., означавшая «шокируйте мещанина».

Огромнейшее спасибо за Ваше теплое и подлинно дружеское письмо! Ваши добрые чувства и отношение ко мне в полной мере взаимны с моей стороны. Для Вас всегда было согрето место в моем «сердце»; я радовался Вашей творческой работе и Вашему росту, приведшему Вас к выдающемуся лидерству среди американских и мировых социологов; я был горд тем, что в какой-то мере был причастен к этому лидерству через наше с Вами раннее сотрудничество. Короче говоря (и это любопытный феномен), похоже, мы оба ценили друг друга больше и были связаны друг с другом ближе, чем выказывали это «внешне» в своих статьях друг о друге и своем внешнем взаимном поведении. В этот последний кусочек моей жизни я счастлив тем, что связан с Вами, и желаю Вам еще более грандиозного продолжения Вашей творческой работы в будущем. Помимо всего прочего, я рад тому, что Ваш издатель использует в рекламе Вашего «литературного шедевра» именно эту оценку Вашей книги, ибо она и в самом деле не только имеет огромное научное значение, но и в подлинном смысле «литературный шедевр» (чего удавалось достичь лишь очень немногим ученым). Из этих строк (несколько сумбурных и неуклюжих) Вы можете увидеть, каковы были мое уважение к Вам, восхищение Вами и близкая дружба с Вами все эти годы.

В мои 78 лет (в январе будет 79) рак легких, эмфизематозный бронхит и ослабевшее сердце медленно, но уверенно делают свое дело. За один год они превратили меня из еще вполне энергичного и активного человека в скелет, в слабое подобие меня прежнего. Врачи-диагносты дают мне еще около года жизни – и не делают ничего для «лечения» моей болезни, ведь сегодняшней медициной она не лечится: поскольку рак расползся по всей лимфатической системе, его нельзя удалить хирургическим путем; химия и радиоволновые методы тоже в моем возрасте неприменимы. Так что все лечение сводится к «откачиванию» жидкостей из организма примерно раз в три месяца.

Я утратил естественный сон и сплю по часу или немного больше с помощью «не вызывающего привыкания» снотворного. Мне пришлось отказаться от всех своих занятий и серьезной умственной и физической работы. Я пока еще не прикован к кровати, но в ближайшие месяцы эта фаза, скорее всего, наступит.

Поскольку мне выпала долгая и весьма насыщенная событиями жизнь, у меня нет никаких оснований жаловаться на Провидение (или на комплекс слепых сил). Поэтому я подчиняюсь

неизбежному «уходу» из царства жизни и в каком-то смысле жду его, молясь о том, чтобы он был безболезненным и быстрым. При моем состоянии моя жизнь превратилась в последние месяцы в несколько утомительное, мучительное и гнетущее «существование». Это «существование» не очень хочется продлевать надолго. Настроение у меня по большей части депрессивное, если не брать редкие мгновения «света любви и радости, идущего от членов семьи и друзей». Различные «почести», которые приходили ко мне в этот последний час, и продолжение каких-то признаков сравнительно творческой деятельности тоже несколько смягчали это депрессивное настроение. Под этими деятельностями и почестями я имею в виду: продолжающиеся переводы моих трудов (хотя опубликовано уже около 50 переводов; моя последняя книга переводится на испанский, португальский, итальянский, китайский языки, даже на русский! Это делает советская Академия наук, и это первая переводимая на русский язык книга со времен моего изгнания из России); продолжающееся переиздание некоторых моих книг, в течение нескольких лет не публиковавшихся (даже моя «Социология революции» переиздается тем же самым издателем, который переиздал Вашу книгу о пуританах и английской науке); продолжающуюся публикацию зарубежными, американскими и даже советскими учеными книг и статей о моих книгах и статьях; учреждение «Сорокинских лекций» и соответствующих наград АСА, 21-м Международным социологическим конгрессом, университетом Саскачевана; составление самого полного собрания моих работ, переводов, литературы о моих «вымыслах», образцов моих рукописей, переписки и других «реликвий».

Некоторые другие университеты и научные учреждения организуют «Сорокинские центры» или «Архивы» (включая мою *alma mater*, Ленинградский университет; советские ученые пишут все больше книг, диссертаций и статей о моих «вымыслах»); некоторые другие университеты, как, например, Университет Валле в Колумбии, организуют 29–31 января 1968 г. «Сорокинский фестиваль»; и т.д. Эти вещи, в которых я активно не участвую, несколько смягчают мое гнетущее настроение, но, естественно, не устраняют его.

Эти строки дадут Вам представление о том, как я ныне «существую» (не живу), что я еще делаю и чего уже не делаю.

Ну ладно. Мое письмо стало слишком длинным.

Еще раз благодарю Вас за Ваше теплое и в высшей степени дружеское письмо. С величайшим уважением к Вам и самыми лучшими пожеланиями Вам и Вашей творческой работе.

Искренне Ваш,
Питирим

Пер. с англ. П.П. Кротова () и В.Г. Николаева (**)*

«ПОДРЫВНОЙ ЭЛЕМЕНТ»: СОЦИОЛОГ В ФОКУСЕ СПЕЦСЛУЖБ

МАТЕРИАЛЫ ДОПРОСА П.А. СОРОКИНА СОТРУДНИКАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ США (25 мая 1954 г., Бостон, Массачусетс)¹

Поста председателя факультета социологии Гарвардского университета Сорокин лишился еще в 1944 г. Его преемником стал Т. Парсонс, а преобразованный факультет стал называться факультетом общественных отношений².

В начале 1950-х ФБР проводило расследование в отношении обоих. Парсонса, в частности, подозревали в том, что с 1942 г. он был лидером коммунистической ячейки в Гарварде. Расследование в отношении его началось в 1952 г. по личному указанию директора ФБР Эдгара Гувера.

В одном из документов ФБР говорилось, что факультет общественных отношений Гарварда является наследником факультета социологии, который в свой начальный период был консервативным и состоял из «лояльных американцев». Но сегодня факультет имеет левоконсервативную тенденцию в результате «манипуляций и махинаций» Парсонса:

«Профессор Сорокин нанял Толкотта Парсонса двадцать лет тому назад после того, как экономический факультет Гарварда уволил Парсонса по неизвестной причине. <...> Парсонс

¹ Настоящий текст публикуется по изданию: Дойков Ю. Питирим Сорокин: Человек вне сезона: Биография. – Т. 2: (1922–1968). – Режим доступа: <http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Sorokin-let0-2009.pdf>

Авторский комментарий Ю.В. Дойкова дается курсивом.

² Подробнее см.: Johnston B. Sorokin and Parsons at Harvard: Institutional conflict and the origin of a hegemonic tradition // J. of the history of the behavioral sciences. – Malden (MA), 1986. – Vol. 22, N 2. – P. 107–127.

сместил Сорокина с должности, как только представилась возможность при реорганизации факультета социологии»¹.

В составе факультета общественных отношений действовали Русский исследовательский центр и Лаборатория социальных отношений, тесно связанные с американскими спецслужбами и проводившие секретную работу для ряда федеральных ведомств...

Глава Русского центра антрополог Клайд Клакхон был вместе с Парсонсом одним из создателей факультета общественных отношений. Через него Парсонс мог влиять на некоторые аспекты американской внешней политики...

Расследование в отношении Парсонса длилось два года и закончилось снятием подозрений в 1954 г.

Питирим Сорокин допрошен 25 мая 1954 г. в филиале ФБР в Бостоне.

Дойков Ю.В.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ Фд-202

Дело заведено в: Бостон

Рапорт сделан в: Бостон, Массачусетс

Когда сделан: 18.6.1954

Заголовок: Питирим Александрович Сорокин

Характер дела: безопасность

Рассекречено: 10.5.1983

ВСЯ ИНФОРМАЦИЯ, СОДЕРЖАЩАЯСЯ

В ДЕЛЕ, РАССЕКРЕЧЕНА 14.7.1993

РЕЗЮМЕ:

Питирим Александрович Сорокин продолжает проживать в доме 8 на Клифф-Стрит, г. Винчестер, штат Массачусетс, и работает профессором социологии Гарвардского университета (г. Кембридж, штат Массачусетс). На допросе 25.5.1954 Сорокин сообщил, что все его усилия в качестве социолога нацелены на достижение мира во всем мире и предотвращение Третьей мировой войны. Сорокин рассказал о своей деятельности в нескольких организациях коммунистического толка, начавшейся в 1942 г., и указал, что он не участвовал активно в делах этих организаций, но

¹ Keen M.F. No-one above suspicion: Talcott Parsons under surveillance // The American sociologist. – N.Y., 1993. – Vol. 24, N 3–4. – P. 39.

разрешал использовать свое имя в связи с его усилиями по достижению выполнимого плана мира во всем мире.

ДЕТАЛИ:

В Кембридже (штат Массачусетс)

Питирим Александрович Сорокин допрошен в своем офисе в Эмерсон-Холле Гарвардского университета 25.5.1954 г. Тогда он сообщил нижеследующее:

1. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА И ЗАНЯТИЕ:

Питирим Александрович Сорокин продолжает проживать в доме 8 на Клифф-Стрит, г. Винчестер, штат Массачусетс, и работает профессором социологии Гарвардского университета (г. Кембридж, штат Массачусетс). Кроме того, он служит директором Исследовательского центра альтруистической интеграции и творчества.

Сорокин сообщил, что он любитель ботаники и ежедневно часами занимается разведением азалий. Газета «Бостон Сандэй Глоб» 23.5.1954 г. уделила полстраницы этой деятельности Сорокина, отметив, что ежегодно тысячи людей посещают его дом в Винчестере, чтобы увидеть результаты его работы с азалиями.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

Коммунистическая партия США зарегистрирована Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 1.0450.

Сорокин сообщил, что после 1900 г. в царской России он заинтересовался созданием в ней новой общественной и экономической системы. Перед революцией 1917 г. он активно содействовал тем силам в России, которые способствовали свержению царского режима. Когда монархия пала, он стал чиновником в правительстве Керенского и в тот период был известен таким лицам, как Николай Ленин, Иосиф Сталин, Лев Троцкий, и другим, облеченным позже властью при большевистском режиме.

Сорокин указал, что двое из его братьев были убиты большевиками, что он сам трижды заключался в тюрьму и был приговорен ими к смерти, что он лично был объектом 5 обличительных выступлений, написанных Николаем Лениным, что в газетах города Архангельск до 1921 г. его имя оскорблялось и осмеивалось как имя реакционера и, говоря современными словами, фашиста, т.е. того, чьи действия не привлекали членов Коммунистической партии.

До обсуждения его участия в деятельности организаций в США Сорокин сделал обобщение: «Если дело хорошее, то я буду содействовать ему, даже если это содействие будет поддержано дьяволом; если дело плохое, то я не буду ему содействовать независимо от того, кто его поддерживает». Он сказал, что если он сочтет действия какого-либо правительства тоталитарными по природе, то он будет в оппозиции этим действиям; если же он сочтет их направленными на достижение мира во всем мире, то он поддержит такое правительство.

Сорокин указал, что не был активным участником ни в одной из нижеперечисленных организаций; никогда не посещал их собраний и никогда их не финансировал; он никого не знает в этих организациях, кто бы мог засвидетельствовать его помощь этим организациям.

Он затем отметил, что не подписал петиции ни одной организации в последнее время, но быстро добавил, что это не потому, что он беспокоился из-за сделанных публичных разоблачений, связанных с использованием имен деятелей просвещения Коммунистической партией этой страны, а только потому, что он чувствовал, что не может помогать программе самих этих организаций, настолько по своей сути и натуре они оказались никчемными в качестве возможного инструмента мира во всем мире.

Сорокин сообщил, что он давно согласен с тем, что разные коммунистические партии по всему миру показали максимум изменчивости своих тактик, никогда при этом не меняя своей стратегии, нацеленной на достижение желаемого результата. В 1920-е и 1930-е годы он чувствовал, что лучший путь противодействия распространению философии коммунизма – встретить ее в лоб и контратаковать так, чтобы свести на нет эффективность коммунистических целей. Поэтому в те годы любая сентиментальность и идеализм в отношении коммунизма были тактикой, которая, по его мнению, была неправильной. Однако с гигантским ростом силы и численности Коммунистической партии, так же как и силы философии коммунизма, он чувствовал, что различные страны мира теперь вынуждены сменить тактику и встретить коммунистов демонстрацией не силы, а идей и идеалов с более мощным потенциалом, чем коммунистические. Короче говоря, тактика, применявшаяся для борьбы с большевиками в Архангельске в 1918 г., не была бы успешной в 1930 г., так же как и тактика 1930 г. не была бы успешной в 1940-е годы из-за гигантского роста коммунизма за примерно 30 лет.

Сорокин сказал, что очень боится неизбежности Третьей мировой войны и что все люди должны сделать все, что в их силах, для предотвращения войны, которая может унести до 300 миллионов человек и которая, по его мнению, может разрушить цивилизацию в том виде, в котором мы знаем ее сейчас. Он указал: любой кризис, независимо от его характера, поможет тоталитарному правительству выживать и процветать. То есть война будет помогать выживанию тоталитарного правительства. Поэтому все нации мира должны сделать все, что в их силах, для недопущения Третьей мировой войны, которая будет способствовать сохранению тоталитарных принципов и практики в Советской России и странах за так называемыми «железным» и «бамбуковым» занавесами.

Он сказал, что в социологии есть аксиома: в военное время правительственный контроль увеличивается, а доказательство сего — множество ограничений, возложенных на население США и европейских стран во время Второй мировой войны.

Затем он сообщил, что лично он не мог бы санкционировать использование антидемократических методов в этой стране для борьбы с тоталитаризмом, и выразил надежду, что лучший метод победы над тоталитаризмом — предотвращение тех кризисов, которые помогают ему укрепляться. Он назвал войну и тоталитаризм двумя величайшими опасностями, которые могут обрушиться на человечество.

Затем он вывел из вышесказанного следующую социологическую истину: чем меньше войн и кризисов, тем меньше и тоталитаризма. Он сказал: «Мы должны переварить тоталитаризм и достичь мира».

Возможная декоммунизация России, так же, как и нынешнее быстрое распространение коммунизма по Земле, может быть замедлена лишь достижениями философии мира, которая будет вызывать не только к правителям России и ее союзников, но и к обычным людям, живущим в подчинении. Сорокин сообщил, что, по его мнению, чем больше мы вооружаем мир, тем больше мы помогаем тоталитаризму в России и всех иных подобных странах. Поэтому важно изменить тактику, если мы хотим покончить с коммунизмом и коммунистическими партиями во всем мире. Итак, пока тактика может меняться, общая стратегия достижения желаемого итога, а именно — отмены коммунизма, остается неизменной.

Сорокин сказал, что, по его мнению, Тихоокеанский регион — т.е. Китай или Индия и/или страны этого региона — станет

следующим центром мировой цивилизации, как только центр сместится с западной цивилизации, находящейся на закате. Поэтому важно, по мнению Сорокина, чтобы западные державы обратили внимание на факторы, влияющие на страны бассейна Тихого океана и попытались взять верх над ними конструктивными способами, а не противостояли красному Китаю как таковому просто потому, что его народ находится под властью коммунистического режима. Надо также предпринять усилия, чтобы понять роль Неру в Индии, который, по мнению Сорокина, искренен в своих стараниях по достижению мира на Земле. Далее он описал коммунизм и коммунистов как продукт выродившейся культуры и сказал: если коммунизм надо победить, то мир должен внутри себя создать идеалистическую культуру, в которой коммунизм быстро разложится.

Он сообщил, что во многих странах мира есть много организаций и индивидов, борющихся против коммунизма, которые, по его мнению, более опасны для благоденствия и безопасности народов, так как они начали процесс подрыва конституционного правительства в своих странах в попытке покончить с коммунизмом. Сорокин описал таких людей как много более опасных для благоденствия Земли, чем нынешний коммунистический режим в странах так называемого «железного занавеса».

Возвращаясь к словам о превращении Тихоокеанского региона в центр мировой цивилизации, Сорокин указал, что великие культуры Востока просыпаются вновь и что национализм становится более очевидным, и что ни индивиды, ни комбинация факторов и сил не смогут остановить проснувшийся национализм и появление великих восточных культур. Что касается стран Запада в их попытках противостоять России и распространению философии коммунизма, Сорокин сообщил, что пока мы делали приготовления к миру во всем мире, серия событий доказала поверхность этих приготовлений. Он осознал, что трудно иметь дело с Россией по какой-либо линии, и поэтому он хорошо понимает, что русский идеал мира во всем мире предполагает навязывание коммунистической идеологии и экономики другим странам; он чувствует, что с середины Второй мировой войны следующие факторы препятствуют обеспечению мира во всем мире (и в результате усиливаются тоталитарные цепи на России и ее сателлитах):

ПЕРВОЕ: газеты так называемого Западного блока с середины Второй мировой войны отбросили идею достижимости мира во

всем мире и сотрудничества и вместо нее распространили среди миллиардов читателей идею о том, что:

«Давайте разобьем русских!» – вот лучшая политика. Этим они фактически дали русскому коммунистическому правительству эффективное идеологическое оружие против своего населения, заключающееся в информировании россиян о том, что страны Запада намерены полностью разрушить Россию.

ВТОРОЕ: Сорокин ссылался на различные поездки неназванных сенаторов США в страны Европы начиная с 1945 г. и выдержки из интервью с ними, в которых эти сенаторы в то время инициировали политику открытой войны против СССР. В частности, Сорокин вспомнил об усилиях по популяризации западных планов сохранения Вольного города Триеста, результатом которых стало решение части коммунистического блока удержать Триест. Он упомянул по аналогии, что газеты много писали о роли маршала Тито в Югославии, и соответствующая направленность этих публикаций привела к усилению власти Тито над югославским народом.

ТРЕТЬЕ: Сорокин сослался на речь Президента США Гарри Трумэна в Фултоне (штат Миссури) в 1946 г. и на Уинстона Черчилля, премьер-министра Англии, которого Сорокин описал как «Дашь крестовый поход против Советской России». Он выразил убеждение в том, что если бы такие люди, как Трумэн и Черчилль, были более осмотрительны в своих речах, которые слышал и читал весь мир, то Россия потеряла бы мощный козырь в своей пропаганде и предположительно ослабила бы свои мировые позиции из-за прямого призыва к миру. Сорокин уверен, что фултонская речь дала русскому министерству пропаганды дополнительное горячее для поддержки огня советского национализма, а не истинного русского национализма, независимого от коммунистической партии.

ЧЕТВЕРТОЕ: западная политика окружения России, по мнению Сорокина, – «крупнейшая из возможных ошибок».

Он сказал, что русское правительство не тупое, и достаточно показать рядовым россиянам размещение западных военных баз вокруг России, чтобы они ощутили угрозу отечеству. По этому поводу он заметил: «Факты об окружении противоречат утверждениям о мире из уст западных держав».

И наконец: по вопросу об инспекции атомных материалов, по представлению Бернарда Баруха в конце 1940-х годов, Сорокин весьма тщательно изучил планы как западных держав, так и России. Вопреки общепринятому мнению, заметил он, Россия

разрешил инспекцию своего атомного потенциала западными представителями. Но Россия возражает против части плана, предусматривающей удаление всех атомных материалов через международный комитет, «где она будет незначительным меньшинством». Сорокин сказал, что всем мыслящим людям должно быть ясно, что Россия чувствует: она никогда не сможет эффективно действовать по такой схеме. Он отметил: «Даже царское или демократическое правительство России никогда бы не приняло условия, предусмотренные в западных планах по атомным материалам».

На вопрос о том, что он считает лучшим способом начала сотрудничества между Россией и западными державами с целью достижения мира во всем мире, Сорокин ответил, что Западу пора начать очень выгодную торговлю с Россией и странами Востока. Он добавил: «Если мы сотрудничаем в войне, то мы можем сотрудничать и в мире».

Он сказал также, что мы путаем нынешнее правительство России с подлинной русской нацией и действуем так, что советскому правительству остается лишь убедить русский народ в том, что западные страны пытаются нарушить благосостояние России, в то время как советское правительство делает все возможное, чтобы защитить национальные интересы.

Далее Сорокин сказал: «Все правительства тяготеют к власти над всем миром – не только русское».

Например США: «Эта страна начала с маленькой группы государств и постепенно добилась положения доминирующей мировой державы; но, несмотря на нынешнее высокое положение США, социологи и другие мыслящие люди осознают, что всемогущих правительств нет».

Он считает: русское тоталитарное правительство должно зависеть от массы своего народа так же, как демократическое правительство, хотя и не столь тесно, как при демократии. Как огромное количество граждан США, так и россияне считают, что действия их правительств нужны для их собственного выживания. Поэтому он полагает, что западные страны должны начать и сделать эффективной политику, которую советское правительство не сможет игнорировать и которая поэтому найдет отклик у россиян. Сорокин добавил, что пока есть лишь догадки о том, как это сделать.

Далее он указал, что следует понять, что люди в США еще не познали ужасов войны. Русские, потеряв около 20 млн. человек во Вторую мировую войну, хорошо с ней знакомы, и если советское правительство будет предупреждать своих граждан о войнах,

планируемых западными странами, то русские, естественно, будут готовы выполнить распоряжение их правительства в попытке предотвратить войну. Так как советское правительство контролирует средства связи и образования в России и государствах-сателлитах, то оно зависит от западных стран в смысле эффективных способов показа этим лицам того, как может быть достигнут действительный мир во всем мире. Но, отметил Сорокин, пока можно лишь гадать, каков лучший способ соответствующей коррекции системы образования за «железным занавесом».

Сорокин сказал: «Реальный путь к миру будет понят народами России, Китая и Индии».

Он добавил, что попытки начать этот «путь» не безнадежны, но «не просто слова, а реальные, позитивные, мирные действия» должны быть предприняты, если западные страны хотят убедить русских в достижимости мира во всем мире. Но, по его словам, он не знает, как это сделать.

По вопросу о начале крупной торговли западных стран с Россией и Китаем Сорокин отметил, что в то время, когда Англия, Франция, Бельгия и Голландия наращивают торговлю с Россией и Китаем, американцы ушли в другую крайность. Это крайне опасно в экономическом смысле, так как американские методы производства столь высоко механизированы, что перепроизводство может свалиться на нас раньше, чем мы это поймем, и мы попадем в депрессию как это было в 1930-е годы, что поможет проникновению философии коммунизма в сознание граждан США.

Торговля с Россией и Китаем, считает Сорокин, послужит началу культурных отношений и взаимосвязей между странами мира, а точные и общественные науки извлекут пользу из обмена научными и псевдонаучными данными. Сорокин затем отметил, что в крупных газетах предыдущей недели он заметил, что русский балет, бывший тогда на гастролях в Париже, был выслан из Франции потому, что французы возмутились присутствием среди них представителей тоталитарного режима, в то время, когда французские войска воюют с коммунистическими силами в Дьен-Бьен-Фу.

Он добавил, что Международный конгресс астрономов должен состояться в этом году в России, и выразил надежду, что большинство ученых мира едины в мнении о том, что научная информация должна свободно обмениваться среди всех ученых мира. В ответ на вопрос, открыли ли Советы доступ к информации научного характера, Сорокин сказал, что библиотека Widener в Гар-

вардском университете полна советскими научными трудами и документами, и, по его мнению, советское правительство не предоставило лишь совершенно секретную информацию, равно как и американское правительство отказывается предоставлять такую информацию в американскую научную периодику.

Он выразил мнение, что как Россия, так и страны Запада виновны в отсутствии обмена как научными, так и социальными идеями, и добавил: «Необходимы реальные перемены в сердцах с обеих сторон. Необходимо сотрудничество с обеих сторон».

Под этим он подразумевал, что ныне он считает, что страны мира неохотно сотрудничают в вышеуказанных сферах и что следует разработать планы по достижению эффективного сотрудничества. Сорокин указал, что он не так наивен, чтоб поверить, будто советское правительство обеспечит обмен данными общественных наук, в отличие от точных наук. Он сказал, что исследователи общества должны следовать партийной пропаганде, и западные социологические и исторические труды, например, никогда не будут допущены в Советской России.

Сорокин сказал затем, что его собеседники могут принять его за апологета Советской России. Это далеко не так, добавил он, потому что он, как и всегда, неизменно противостоит философии коммунизма и всем формам тоталитаризма. Затем Сорокин отметил, что хотя его подход к достижению мира во всем мире у многих людей, вероятно, не найдет отклика, но он убежден, прожив долгую жизнь и будучи не понаслышке знакомым с историческими и социальными процессами, что его теории о достижении мира во всем мире правильны и западные державы должны изменить свои планы, если они намерены добиться примирения с Россией в будущем. Но он быстро добавил, что это вовсе не значит, что западные державы должны выслуживаться перед Советской Россией и что цели и желания у России более ценны, чем у стран Запада. Он считает, что так как правда не может стать известна русскому народу при нынешней системе, то странам Запада необходимо инициировать и дать жизнь общественным силам, которых советское правительство не сможет игнорировать, а русский народ признает и примет.

Далее Сорокин сравнил себя с персонажем русской мифологии — Иванушкой-дурачком. Он сказал, что его собственные теории ныне напоминают ему роль Иванушки-дурачка, поющего похоронные песни на свадьбах и свадебные на похоронах. Итак, многие люди этой страны и, возможно, мира могут не согласиться

со взглядами и делами Сорокина, но он верит, что ни один искренний человек не сможет противодействовать его цели – достижению мира во всем мире.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОРОКИНА В ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1942–1951 гг.:

«RUSSIAN WAR RELIEF»:

Страницы 357 и 358 доклада № 4 об антиамериканской деятельности организаций коммунистического толка в Калифорнии за 1948 г. свидетельствуют: «Следует понять, что “Russian war relief” во всех отношениях – сателлит Коммунистической партии, а не организация типа Американского Красного Креста...»; «Несомненно верно то, что многие благонамеренные лояльные американцы поверили, будто “Russian war relief” – честное американское агентство, тогда как твердое коммунистическое влияние и указания очевидны...»

Сорокин сказал, что в конце 1942 г. его пригласил то ли губернатор Массачусетса, то ли его хирург доктор Фрэнк Лэхи из клиники Лэхи в Бостоне, чтобы использовать его имя в бостонском отделении «Russian war relief». Он сообщил, что посетил примерно четыре собрания этой организации, а позже помогал ей в сборе одежды и продовольствия. Он отметил, что большинство известных ему членов этой организации – законопослушные американцы, консервативные в речах и поступках, но посвятившие себя помощи тяжело пострадавшему русскому народу.

Сорокин указал, что в деятельности бостонского отделения этой организации не было ничего, свидетельствовавшего бы о коммунистическом влиянии.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ:

Совет зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин сказал, что он никогда не участвовал в деятельности Совета и не может сразу вспомнить, давал ли он разрешение на включение своего имени в список местных спонсоров Совета.

Сорокин вспомнил, что в конце 1940-х годов он подписал петицию Совета о кампании за мирное решение различий между США и Советской Россией. Он сказал, что разрешил использование своего имени в этом контексте вынужденно и в надежде, что все мыслящие люди, видевшие его имя в связи с этой программой,

должны понять, что целью этого было обеспечение мира во всем мире. Он добавил, что его подпись была поставлена в соответствии с его общей теорией достижения мира во всем мире.

AMERICAN COMMITTEE FOR YUGOSLAV RELIEF:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин сказал, что не помнит, чтобы когда-либо имел дело с этой организацией и не может предоставить информацию о ней. Он добавил: вполне возможно, что он разрешил использовать свое имя в связи с проектом этой организации, но никого в ней не знает и не помнит, кто бы к нему мог обратиться за разрешением на использование его имени. Если бы он подписал какую-либо петицию, выпущенную от имени этой организации, то сделал бы это по вышеуказанной причине, т.е. для достижения мира во всем мире.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ КОНГРЕСС:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин сообщил, что он не помнит, чтобы имел журналистские отношения с печатным органом этого конгресса «Славик Америкэн». Он вспомнил, что в конце 1940-х годов его просили послать в этот журнал статью, и он послал, так как считает, что все меньшинства в этой стране имеют право создания организаций и обнародования их цели и желания. Он указал, что не знал, будто эта организация могла быть прокоммунистической на высшем уровне ее. Он снова добавил, что не был знаком с кем-либо в ней и не помнит, кто обращался к нему от «Славик Америкэн». Он подтвердил свое утверждение, что не был редактором «Славик Америкэн» в 1947 г.

NATIONAL COMMITTEE TO DEFEAT THE MUND BILL:

Страница 80 «Указателя подрывных организаций и публикаций», изданного Комитетом по антиамериканской деятельности, характеризует этот Национальный комитет как «лоббистскую организацию, выполняющую задачи Коммунистической партии в ее борьбе против подрывного законодательства».

Сорокин сказал, что в 1948 г. ему звонили по телефону и просили разрешения на использование его имени среди членов Гарвардского факультета, находившихся в оппозиции к биллю Мунда–Никсона. Он разрешение дал, но не помнит, кто именно у

него его просил. Он отметил, что и сам был в оппозиции к биллю и считал, что билль интересам страны не послужит.

ВИЗИТ В США ПРЕПОДОБНОГО ХЬЮЛИТТА ДЖОНСОНА, ДЕКАНА КЕНТЕРБЕРИ:

Сорокин сообщил, что Джонсона не знает и никогда не встречался с ним. Он вспомнил, что в конце 1947 г. американская пресса немало писала об отказе Госдепартамента США выдать Джонсону визу для тура с лекциями по всей стране. Сорокин считает, что этот отказ – самый худший и, конечно, самый недемократичный акт, какой только могло сделать нынешнее правительство. Сорокин полагает, что Джонсону надо было дать визу независимо от тем лекций, даже если бы в них восхвалялся СССР. Затем назвал себя «борцом за реальные демократические принципы» и оценил поступок Госдепартамента как немудрый, так как это дало коммунистической прессе лишний повод комментировать деятельность американского правительства, а русскому правительству материал для пропаганды у себя дома.

КОНГРЕСС ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин сообщил, что никогда не посещал собрания этой организации, не знал ни ее членов, ни об их деятельности. Он сказал, что не помнит ни дачи разрешения на использование его имени этой организацией, ни того, кто бы мог просить о таком разрешении.

«МАССАЧУСЕТТСКИЙ СОВЕТ ИСКУССТВ, НАУК И ПРОФЕССИЙ»:

Стр. 82 «Указателя подрывных организаций и публикаций» за 1.4.5 от 1951 г., издававшегося Комитетом по антиамериканской деятельности, характеризует Совет как коммунистическую организацию.

Сорокин сообщил, что никогда не посещал митинги этой организации и не может дать какой-либо информации о ней. Он вспомнил, в 1947 г. какой-то (он не помнит, кто) член факультета в Гарвардском университете по телефону просил разрешения на использование его имени в связи с «Конференцией в защиту Билля о правах», созванной в г. Нью-Йорк летом 1949 г. Сорокин считает Билль о правах фундаментом американской Конституции, и пото-

му любая конференция в защиту Билля – верная сила в достижении мира во всем мире. Поэтому он разрешил использовать его имя в связи со спонсированием агитации за участие в этой конференции. Он сказал, что не знает активистов этой организации и не знает, имели ли место контроль над Советом со стороны коммунистов или их проникновение туда.

КОМИТЕТ ЗА МИРНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ АТЛАНТИЧЕСКОМУ ПАКТУ:

Стр. 37 вышеупомянутого «Указателя подрывных организаций и публикаций», издававшегося Комитетом по антиамериканской деятельности, сообщает, что эта организация «создана в результате Конференции за мирные альтернативы Атлантическому пакту для содействия делу коммунистов в Соединенных Штатах, играющих свою роль в московской кампании».

Сорокин сообщил, что кто-то (он не помнит, кто) просил разрешения на использование его имени в связи с планом этой организации, призывающей к международному соглашению о запрете на использование атомного оружия. Сорокин сказал, что с радостью разрешил использовать свое имя, так как считает, что это был шанс дать миру знать, что лично он чрезвычайно заинтересован в мире во всем мире и что он считает этот план и любой иной план, нацеленный на достижение мира во всем мире, похвальным и ценным. Но далее он добавил, что не знал ничего об этой организации и не может ничего сказать о влиянии на нее коммунистов.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЗА ОТМЕНУ АКТА МАК-КАРРАНА:

Ежедневная газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» за 27 декабря 1950 г. опубликовала статью, гласящую, что этот комитет вырос из обращения более 1900 ведущих американцев к президенту Гарри Трумэну и Конгрессу за отмену акта Мак-Каррана от осени 1950 г. и из бесчисленных писем, призывающих их к руководству движением за отмену.

Согласно акту Мак-Каррана по иммиграции и национальностям:

«1) в Госдепартаменте создано бюро безопасности и консульских дел;

2) ужесточены условия, не допускающие враждебных иностранцев в страну, в том числе тех иностранцев, кто, по мнению

консульств или Генерального прокурора, добивается въезда для деятельности, угрожающей безопасности Соединенных Штатов;

3) президенту даны полномочия для приостановления иммиграции, если он сочтет, что въезд какого-то иностранца или группы иностранцев противоречил бы интересам США;

4) в перечень лиц, не имеющих права на натурализацию, внесены члены и кандидаты в члены коммунистических и иных тоталитарных партий;

5) установлена презумпция того, что любой иностранец, в последние 10 лет перед подачей заявления о натурализации состоявший в подрывной организации, не соответствует принципам Конституции».

Это резюме взято из «Пособия по международной безопасности» (документ Сената США № 47, Конгресс 83-го созыва, 1-я сессия).

Сорокин вспомнил, что в конце 1950 г. тысячи ведущих американских ученых, педагогов, бизнесменов и политиков обратились к президенту Гарри Трумэну и Конгрессу США с просьбой отменить акт Мак-Каррана. Сорокин сказал, что и тогда, и ныне стоит в оппозиции к положениям Акта, так как Акт, по его мнению, недемократичен и служит ценным пропагандистским козырем для советского правительства.

WORLD PEACE APPEAL:

Стр. 123 вышеупомянутого «Указателя подрывных организаций и публикаций» идентифицирует эту организацию со Стокгольмской петицией за мир: «кампания петиций, начатая постоянным комитетом Всемирного конгресса за мир на его встрече в Стокгольме 16–19 марта 1950 г.» и «получившая полное одобрение всех частей международной коммунистической иерархии».

Коммунистическая пресса хвалила эту организацию за то, что она обязала каждого коммуниста присоединиться к этому призыву. Она получила официальное одобрение Верховного Совета СССР, продублированное властями всех коммунистических стран-сателлитов и всеми коммунистическими партиями планеты.

Сорокин сообщил, что он с радостью разрешил использовать свое имя в связи с деятельностью этой группы, когда ее цели были объявлены впервые, так как идея мира во всем мире совпала с его собственными целями. Но он не знает человека, просившего это разрешение. Затем Сорокин указал, что когда американская пресса сообщила о происхождении этой организации и отметила, что

Коммунистическая партия была ее инициатором, ему стало ясно, что эта группа – коммунистическая, и поэтому, когда позже спросили его разрешения на использование его имени в связи с еще одной организацией, то он отказал. Он опять не мог вспомнить, кто просил его.

АМЕРИКАНСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЗА МИР:

Стр. 21 вышеупомянутого «Указателя подрывных организаций и публикаций», издававшегося Комитетом по антиамериканской деятельности, сообщает, что эту организацию «коммунисты создали как новый инструмент для своего “мирного” наступления в США», и ее рекламировала газета «Дейли Уоркер» в жирных заголовках, в соответствии с прокоммунистическими задачами.

«Дейли Уоркер» – коммунистическое издание восточного побережья.

Сорокин сообщил, что он разрешил использовать свое имя в связи с одним из проектов этой организации в защиту мира. Он добавил: «Любой призыв к миру – хорошее дело». Он сказал, что не посещал собрания этой организации, не знал ее спонсоров и людей, просивших у него разрешения. Однако он полагал, исходя из своих вышеупомянутых принципов достижения мира во всем мире, что эта организация – еще один способ достижения желанного мира.

АМЕРИКАНСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ РОДИВШИХСЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ США:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин допускает, что дал некому незнакомцу разрешение на использование его имени в связи с программой, спонсируемой этим комитетом и обнародовавшей заявление против денатурализации американцев, родившихся вне США, виновных в преступной и / или подрывной деятельности. Сорокин сообщил, что давно считает, что если однажды иностранец получил гражданство, то его нельзя его лишать, какой бы деятельностью он ни занимался. Поэтому, когда этот комитет запросил использование его имени, он с радостью разрешил, так как считал, что натурализованного гражданина США нельзя денатурализовать.

В этой связи он отметил, что сам он натурализовался в округе Хеннапин (Миннесота, г. Миннеаполис) в 1930 г. Он сказал, что считает свое американское гражданство одним из своих ценней-

ших достояний и что он добился этого гражданства за минимальный период времени, требующийся Службе иммиграции и натурализации.

INTERNATIONAL WORKERS ORDER:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10 450.

Сорокин сообщил, что хорошо знает о внесении этой организации в Перечень подрывных организаций, зарегистрированных Генеральным прокурором США. Но прочтя в 1951 г. о том, что штат Нью-Йорк через государственный департамент страхования взял под свой контроль активы этой организации, а в итоге и запретил ее существование, Сорокин поймал себя на мысли: «Вот политика, имитирующая худшие характеристики советского режима».

Он пришел к выводу, что институт частной собственности, как мы его понимаем в этой стране, был уничтожен штатом Нью-Йорк и что опытный наблюдатель может разглядеть в этом процессе начала национализации и обобществления в этой стране. Сорокин заявил, что он против этого, и пожелал обнародовать свой протест губернатору штата Нью-Йорк, так как он считает, что такая практика определенно опасна для будущего благополучия США. Если любое правительство штата может задавить любую организацию в своем штате, то нет организаций, с которыми бы не справились совместно правительство штата и федеральное правительство. Сорокин отметил, что ничего не знал об этой организации, никогда не был с ней связан и не знал никого из ее членов.

БОСТОНСКИЙ КОМИТЕТ АМЕРИКАНЦЕВ ЗА СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ:

Сорокин назвал этот комитет группой лиц, поддерживающих усилия африканцев в их попытках достичь свободы через войну рас в Африке. Он сообщил, что африканцы участвуют в организованной кампании ненасильственного сопротивления против южноафриканских законов, введенных усилиями южноафриканского премьера Малане, и что, в соответствии с его теорией о том, что национализм в Африке и на Востоке находится на подъеме и не может быть остановлен, он понял, что должен встать на сторону африканского народа, сопротивляющегося эдиктам правительства Малане. Сорокин отметил, что не знал о проникновении коммуни-

стов в комитет или их контроле над ним, и не смог вспомнить никого из членов этого движения.

В этом контексте он указал, что религиозная политика и деятельность секты квакеров находят у него отклик и он считает их искренне заинтересованными в достижении желанного мира во всем мире.

Сорокин сказал, что, возможно, он разрешал использование своего имени и другим организациям, но ныне не помнит ни их названий, ни лиц, обращавшихся к нему за таким разрешением.

3. РАЗНОЕ:

Подходя к концу интервью, Сорокин обобщил свои предыдущие высказывания о мире во всем мире, указав, что он крайне искренен в своих усилиях по достижению реального мира во всем мире и что, хотя прокоммунистический характер некоторых из организаций, коим он давал разрешение на использование своего имени в течение последних десяти лет, может создать подозрение и в его прокоммунистичности, на самом деле его борьба против коммунизма идет более 35 лет. Он сказал, что, хотя организации коммунистического лагеря «использовали его и других», он считает, что дело не в этом. Как инициатор идеи настоящего достижимого мира во всем мире, он хорошо осознает, что крайние националисты этой страны могут обвинить его в поддержке России и коммунизма, хотя на самом деле это не так. Он сообщил, что он очень высоко ценит свое американское гражданство, но как социолог и исследователь всемирной истории чувствует, что многое в политике и деятельности правительства США после Второй мировой войны способствовало усилению власти советского правительства на русский народ. Исходя из своих личных знаний о русских, Сорокин считает, что они с радостью установили бы дружественные отношения с американским народом. Он сказал, что понимает, что почти невозможно убедить русский народ правдивыми заявлениями о мирных целях и намерениях американского народа, но так как советская диктатура такова, какая она есть, то инициирование процессов, в итоге ведущих к миру во всем мире, ложится на плечи США и западных держав.

Сорокин считает, что советские руководители искусно возбуждают национализм в Африке и на Дальнем Востоке и используют его против западных держав. Он выразил надежду, что западные державы будут осторожно подходить к взрывоопасному вопросу о национализме, и сказал, что решение этих проблем на

Дальнем Востоке может изменить ход истории, так как, по его мнению, культурный центр планеты со временем переместится из ныне доминирующей западной культуры в культуру восточную.

В заключение он сказал:

«Так как мои теории непопулярны, я подозреваю, что буду рассматриваться как подрывной элемент»¹.

¹ «Pitirim Sorokin» / U.S. Department of Justice. Federal Bureau of Investigation. – Wash.: FBI Freedom of information. – (Privacy acts section. Information resources division).

П.А. СОРОКИН И А.С. ФОМИН (ФЕКЛИСОВ)¹

В 1960–1964 гг. резидентом КГБ в Вашингтоне стал А.С. Фомин (Феклисов), старый (с 1942 г.) знакомый Сорокина. В декабре 1962 г. по приглашению Сорокина Фомин побывал у него в гостях.

По словам резидента, Сорокин заявил: «Хрущёв поступил правильно, что не допустил войны во время Карибского кризиса. Не нужно подвергать риску достижения Советского Союза, да и Кубы, которые с таким огромным трудом создавались в течение многих лет»².

В июле 1963 г. Фомин вновь в гостях у Сорокина. Фомин писал об этой встрече: «Мы подробно обсудили политику мирного сосуществования, проводившуюся Советским Союзом. Сорокин в целом одобрял ее, но высказывал ряд замечаний: <...> Не пойму, почему ваши теоретики ополчились на мою теорию конвергенции? Ведь это же мой вариант вашей политики мирного сосуществования»³.

Далее Фомин спросил: «Питирим Александрович, когда же Вы, всемирно известный ученый, напишете книгу о своей Родине?»⁴

В ответ Сорокин попросил организовать его поездку в СССР, чтобы увидеть все «своими глазами».

¹ Публикуется с сокращениями по изданию: Дойков Ю. Питирим Сорокин: Человек вне сезона: Биография. – Т. 2: (1922–1968). – Режим доступа: <http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Sorokin-let-2009.pdf>

Авторский комментарий Ю.В. Дойкова дается курсивом.

² Феклисов А.С. Признание разведчика. – М.: Олма-Пресс: ЛГ Информэйшнл Груп, 1999. – С. 433.

³ Там же. – С. 436.

⁴ Там же. – С. 439.

Фомин направил в «Центр» справку о «беседах» с Сорокиным и предложил «организовать приглашение в СССР Питирима Сорокина с женой».

При следующей встрече в Вашингтоне осенью 1963 г. с четой Сорокиных Фомин заявил: «...в Москве положительно воспринято желание Сорокиных приехать в СССР, и реально их могут пригласить в 1964 году»¹.

ФБР прекрасно знало, кем на самом деле является дипломат «Фомин»... Госдепартамент рекомендовал Сорокину воздержаться от посещения СССР.

«Это уже второй раз мне не советуют ехать в СССР, – выразил огорчение Сорокин своему другу “Алексу”. – Первый раз было летом 1961 г. Тогда президент Всемирного совета мира профессор Бернал пригласил меня в качестве гостя в Москву... на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Но я не поехал, потому что получил письмо из Госдепартамента за подписью Дина Риска, в котором рекомендовалось отказаться от приглашения»².

Встречи Сорокина с Алексом Фоминым с самого начала находились под надзором. В служебном меморандуме ФБР от 9.04.1954 г. отмечалось, что, несмотря на репутацию «антикоммуниста», контакты Сорокина с 1942 г. до настоящего времени, его поддержка различных коммунистических организаций требуют проверки»³.

¹ Феклисов А.С. Признание разведчика. – М.: Олма-Пресс: ЛГ Информэйшнл Груп, 1999. – С. 440.

² Там же. – С. 441.

³ United States Government. Office memorandum. – April 9, 1954. – Копия в архиве Ю.В. Дойкова.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА П.А. СОРОКИНА

СТАТЬИ

К.П. Лазебная

ТЕОРИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО В РАННИХ РАБОТАХ П.А. СОРОКИНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАЧАЛА XX В.

«...Проблема эта [социального символизма] достаточно важна и интересна и может дать целую научную систему, объясняющую многие загадки социальной жизни. Здесь, конечно, мы могли провести только штрихи будущей науки социального символизма; однако эти штрихи показывают, что при достаточном терпении и способностях они могут послужить отправной точкой для плодотворнейших социологических исследований».

Сорокин П.А. «Символы в общественной жизни», 1913 г.

Природа социального символизма в социологической теории П. Сорокина и «эволюционный символизм» К. Жакова

Теория символического в социологии Сорокина – это развернутая система функционирования как простейших социальных явлений взаимодействия, так и культурных суперсистем посредством символических проводников, внешних проявлений психической активности человека. Наиболее подробно «символ» как социологическая категория и ключевые положения теории символического разрабатываются Сорокиным на микроуровне – уровне межличностного и межгруппового взаимодействия – в его ранних работах 1913–1922 гг.¹

¹ В дальнейшем при описании динамики социокультурных процессов в макромасштабе он использует символические проводники в качестве маркеров

Роль символических проводников (элементов социального взаимодействия наряду с индивидами и актами) подробно излагается Сорокиным в первой части книги «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914), посвященной систематике актов поведения, а также в «Общедоступном учебнике социологии» (1916)¹. Наиболее развернутое описание различных проявлений общественной жизни, объяснение которых становится возможным благодаря использованию родового понятия «социальное взаимодействие» и его элементов, Сорокин дает в «Системе социологии» (1920)².

Однако впервые эскиз модели социального взаимодействия был представлен Сорокиным в небольшой брошюре «Символы в общественной жизни», написанной им в 1913 г.³. Особенность данного издания состоит в том, что его можно считать исходной работой для описания теории символического в социологии Сорокина. В брошюре сформулированы ключевые проблемы происхождения, значимости и влияния символов на жизнь общества, которые Сорокин раскрывает в последующих трудах, прибегая к концепту «символический проводник». Но именно в этой брошюре Сорокин впервые затрагивает вопросы символизации в процессе человеческого познания. Данные вопросы и ответы автора, касающиеся природы социального символизма⁴, представлены в виде следующей таблицы:

трех суперсистем – чувственной, идеациональной и идеалистической (Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – С. 56–81).

¹ Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб.: Долбышев, 1914; Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994.

² Сорокин П.А. Система социологии: В 2 т. – Пг.: Колос, 1920–1921.

³ В Риге (1913) в серии «Миниатюрная библиотека “Наука и жизнь”» выходит ряд статей П. Сорокина: «Самоубийство как общественное явление» (№ 19); «Преступление и его причины» (№ 22); «Брак в старину. (Многомужество и многоженство)» (№ 26) и «Символы в общественной жизни» (№ 32).

⁴ Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. – Рига: Наука и жизнь, 1913. – С. 27–48. – (Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь»; № 32).

Какова та общая почва, которая делает необходимым появление и существование символизма?	Основная причина, вызывающая необходимость символов, – <i>облечение психического явления, мысли в вещественную форму.</i>
Каковы виды символов по критерию их происхождения?	По своему происхождению символы подразделяются на <i>бессознательно-условные</i> , где нет определенной цели, и <i>сознательно-установленные</i> , где связь между определенной мыслью и символом установлена вполне сознательно. Примером служит различие в возникновении «естественных» языков (русский, французский и т.д.) и языка эсперанто.
Почему той или иной мысли соответствует тот, а не иной символ?	Связь между той или иной мыслью и тем или иным символом покоится на <i>психологических законах ассоциаций</i> , а именно: ассоциаций смежности и сходства.
Как действуют символы на мысль или психику человека?	Символы могут преобразить и преобразуют саму психику человека в направлении, соответствующем <i>смыслу</i> символа.

Постановка этих вопросов отражала стремление молодого П. Сорокина разрешить проблему сущности умственных функций человека в связи с общественной жизнью¹: «Символ есть значок мысли... А так как общественная жизнь людей есть жизнь психическая, где мыслительные процессы совершаются непрерывно, как в одном человеке, так и во многих людях, и так как обмен мыслями, чувствами и переживаниями совершается в человеческом мире беспрестанно – то отсюда следует, что общественная или социальная жизнь людей есть сплошная символика, ибо без символов не-

¹ На заре своей научной деятельности Сорокин публикует ряд реферативных статей и рецензий, посвященных различным теоретическим проблемам познания. Например, *реферат*: Жаков К.Ф. Основы эволюционной теории познания: Лимитизм. – СПб., 1912 // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. – СПб., 1912. – Вып. 1. – С. 100–103; *Рецензия*: Теория познания // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. – СПб., 1912. – Вып. 3. – С. 59–62; *Реферат*: Леви-Брюль Л. Умственные функции низших человеческих обществ // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. – СПб., 1913. – Вып. 4. – С. 108–112; *Рецензия*: Социологическая теория религии [Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. – P., 1912] // Заветы. – СПб., 1914. – № 3. – С. 29–47; *Рецензия*: Роберти Е.В. Де. Понятие разума и законы вселенной. – Пг., 1914 // Вестник Европы. – Пг., 1916. – Кн. 3. – С. 382–384; Знание как фактор поведения // Ежемесячный журнал. – Пг., 1916. – № 7–8. – Стб. 187–198; № 9–10. – Стб. 329–340; и др.

возможно никакое проявление какой угодно мысли¹. Данное заключение отражает влияние философских идей лимитизма и «эволюционного символизма», разрабатывавшихся одним из первых учителей Сорокина К. Жаковым (1866–1926), автором известных в то время работ по философии, этнографии, математике и лингвистике.

В работе «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» Жаков утверждает, что человеческое мировоззрение «соткано из символов», которые являются психическими событиями, соответствующими физиологическим явлениям, т.е. «вещам»². «Мыслить – это значит символами обозначать неосуществимые представления» посредством процесса ассоциации как основы логических законов, приближающих познающего субъекта к познаваемому миру³, и «чем более они [символы] соответствуют вещам, тем больше будет устанавливаться гармония между микрокосмосом, одаренным сознанием, и макрокосмосом – природой»⁴. Наше знание стремится стать абсолютным, пытаясь постигнуть изменяющийся мир вещей. Таким образом, система символов как переменная величина должна в своей эволюции достигнуть предела, т.е. системы вещей, посредством усовершенствования сознания как одного из факторов развития человеческого познания⁵. «Дело обстоит так, как будто природа через людей идет к самопознанию, и было бы самопротиворечиво полагать, что природа идет к познанию только символов, а не самой себя. Знание, таким образом, идет к бытию. Не уничтожая своих индивидуальных особенностей, а наоборот, развивая их, природа идет к гармоническому монизму, превращает антагонизм индивидуумов в гармоническое состояние, т.е. в Благо»⁶.

Еще одним значимым моментом, сближающим идеи обоих социологов, является тезис Жакова о том, что «знание есть символ, соответствующий вещам»⁷. Вещи – материализовавшейся мысли – в терминологии Сорокина соответствуют «проводник-символ» и

¹ Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. – С. 12–13.

² Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. – СПб.: Изд-во «Парма», 1906. – С. 27.

³ Там же. – С. 12–13.

⁴ Там же. – С. 17.

⁵ Там же. – С. 27.

⁶ Там же. – С. 35.

⁷ Там же. – С. 18.

шире – вся материальная культура, основная роль которой заключается в передаче и сохранении психической энергии человеческого знания. Накопление и передача культурных ценностей, коллективного опыта и знаний через пространство и время становятся возможными благодаря символическим проводникам материальной культуры¹. Таким образом, механизм накопления и передачи социального опыта, ценностно-нормативных установок между поколениями может быть выявлен в рамках простейшей модели социального взаимодействия.

Сорокин является преемником идей Е.В. Де Роберти (1843–1915), подходившего к определению всякого социокультурного явления как смеси физического, биологического и надорганического. Де Роберти включает в область надорганики абстрактные понятия научного мышления, философские и религиозные обобщения, язык символов, а также прикладную мысль от инженерии до медицины. Сорокин, в свою очередь, определяет область надорганических явлений как предметное поле социологии и относит к феномену надорганики, помимо науки, философии, религии, искусства, этики и языка, разнообразные процессы социального взаимодействия, продукты их взаимодействия, социальные институты, а также объекты материальной культуры. Таким образом, физические объекты, попадая в область надорганики, рассматриваются с точки зрения их культурной составляющей. Культура определяется Сорокиным как носитель надорганических ценностей, поддерживаемый непрерывающейся деятельностью и взаимодействием человеческих поколений², что является одним из факторов социального развития³.

Согласно Сорокину, посредством изучения сферы социального взаимодействия «надорганическая реальность», т.е. общественное, надындивидуальное сознание, может обнаруживать себя и быть подвергнуто изучению. Элементы взаимодействия (агенты, посредники и акты) являются внешне зримым проявлением «социального»; они как «материальные и духовные стороны бытия отождествляются в едином клубке объективных стимулов»⁴. Такое

¹ Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Астрель, 2008. – С. 131.

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 158–159.

³ Там же. – С. 526.

⁴ Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: Русский период деятельности. – Самара: Социол. центр. «Социо», 1992. – С. 17.

определение характерно для работ П. Сорокина российского периода (1910–1922), когда его взгляды были наиболее близки к неопозитивистской и бихевиористской традиции в социологии. Позже, в конце 1930-х годов, «надорганическая реальность» в его понимании приобретает социокультурный характер. «“Социальное” (взаимодействие индивидов и групп) объявляется носителем “культурного”, ценностного... Все биолого-физические предметы через соотношение с ценностью радикально меняют свою природу для человека, выступая уже частью социокультурного целого, в котором они функционируют как материальные носители ценности». Эти две интерпретации, отмеченные И. Голосенко, отражают перемены во взгляде П. Сорокина на социальное взаимодействие. Следует, однако, отметить, что характеристики структурно-функциональных особенностей проводников, элементов взаимодействия не претерпели существенных изменений в работах Сорокина на всем протяжении его научной деятельности. По всей видимости, причина такой стабильности обусловлена стремлением П. Сорокина не просто объяснить связь агент–акт–агент, а представить, используя понятие «символ», процесс взаимодействия индивида с социальным миром в целом. Эти идеи, высказанные Сорокиным в его первых работах, не утрачивают актуальности и в дальнейшем. Роль символического проводника как инструмента в описании процесса непосредственного познания человеком окружающего мира имеет особое значение: символ есть внешняя форма, в которую «облекается всякая мысль и всякий сознательный акт»².

**Символическая объективация психических переживаний
при передаче знаний в процессе социального взаимодействия.
Подходы П. Сорокина и А. Звоницкой**

Согласно Сорокину, индивидуальное социальное познание поддерживается посредством постоянного обмена психическими переживаниями при использовании непсихических форм объективированной психики, т.е. символов. Область теории символического, связанная с индивидуальным познанием, находит

¹ Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: Русский период деятельности. – Самара: Социол. центр. «Социо», 1992. – С. 18.

² Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. – Рига: Наука и жизнь, 1913. – С. 10.

логическое продолжение в трактовке Сорокиным социального взаимодействия как простейшего социального явления. «Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает *психическим* характером... – будет социальным явлением»¹. Под *психическим* характером Сорокин понимает именно «сознательные» переживания, равносильные термину «разум». Иными словами, социальное явление, реализующееся в сознании индивидов, есть психическая область, противоположная материальному миру. *Символ, относясь к социальной категории, играет роль объективации психических переживаний, делает мысль одного индивида доступной другому посредством различных видов символизации. «Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: а) сначала оно появляется в чистой психике, б) затем превращается в непсихическую форму – в символ, в «раздражитель» и, наконец, в) снова получает психическое бытие в воспринявшем субъекте»*².

Схожий анализ взаимозависимости человеческих потребностей и социального познания, дополненный подробным теоретическим описанием передачи знания между индивидами, представлен в работе известного социолога, коллеги Сорокина по лаборатории коллективной рефлексологии, А.С. Звоницкой (1897–1942) «Опыт теоретической социологии» (1914)³. К идейным истокам данной работы, сближающим ее с ранними трудами Сорокина, относятся умеренный бихевиоризм, методологическая программа Е. Де Роберти, труды представителей психологической школы Г. Тарда и Г. Гиддингса⁴. «Присматриваясь к конкретным способам удовлетворения потребностей, приходится, прежде всего, отметить общность, единообразие, распространение в среде. Способ удовлетворения потребностей характеризует больше среду, нежели индивидуума. Доказательством этого служат явления моды на известные сорта пищи, устройство и расположение жилища, одежду, мебель, утварь и т.д. Самый факт существования мировых рынков является... лучшей иллюстрацией громадного развития конкрет-

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006. – С. 90.

² Там же. – С. 107.

³ Звоницкая А.С. Опыт теоретической социологии. – Киев: Кн-во И.И. Самоненко, 1914.

⁴ Голосенко И.А. Указ. соч. – С. 75.

ных потребностей»¹. Звоницкая именует подобные факты продуктами совместной жизни личностных «я», взаимодействие которых она называет подражанием. Процесс личностного развития, по мысли Звоницкой, проходит три существенных этапа: проективный (приобретение личностью сведений от окружающей психологической среды); субъективный (преломление полученных знаний в сознании); эктивный. Термин «эктивация» заимствуется Звоницкой у Д. Болдуина. Подражание как наиболее распространенная форма эктивации было интерпретировано также в понятиях привычки, обычаев, типов «коллективного опыта» (Де Роберти), «сознания рода» (Гиддингс)². В представлении Звоницкой, эктивация подразумевает подражательно приобретенный опыт, связанный с природой социальных связей. Весь процесс социального познания заключается, таким образом, в двух переходах: от проективного к субъективному (переход переживаний от окружающей среды к индивиду, переносящему на себя атрибуты чужой личности); от субъективного к эктивному (перенос личностных свойств «я» на «другого» в качестве реакции на условия психологической среды). Эктивация составляет необходимую основу для совместной деятельности³. Удовлетворение потребностей и мотивация, таким образом, являются содержанием сознания, приобретенного индивидом посредством эктивного подражания.

Сорокин уделяет разнообразным символическим проводникам более пристальное внимание, нежели Звоницкая, однако акцент на роли слова, речи, языка знаков сближает теории обоих социологов. Так, например, современный исследователь, семиолог Г.Г. Почепцов, относит идеи теории символического в работах Сорокина к истокам российской семиотики из-за его интереса к коммуникативной функции слова⁴. По мысли Сорокина, слово содержит в себе тот уровень интеллектуальной абстракции, который позволяет индивидам понимать друг друга и вступать в различные формы социального взаимодействия. При этом значение слова, т.е. проводника-символа, одинаково интерпретируемое индивидами одной группы, может объединять и целое общество, становясь од-

¹ Звоницкая А.С. Указ. соч. – С. 62.

² Голосенко И. А. Указ. соч. – С. 76.

³ Звоницкая А.С. Указ. соч. – С. 54–62.

⁴ Почепцов Г.Г. Русская семиотика: Идеи и методы, персоналии, история. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001.

ним из принципов государственной идеологии, отражаясь в лозунгах, конституции и т.д. Звуковой символический проводник, таким образом, будучи продуктом интеллектуальной деятельности индивидов, включается в пространственно-временное поле культуры и выражает ее с позиции ценностного, смыслового наполнения¹.

Точки пересечения теории символического П. Сорокина и теории социального взаимодействия В. Хвостова

Возвращаясь к вопросам о роли символа в человеческом познании в процессе социального взаимодействия, следует обратить внимание на схожесть взглядов П.А. Сорокина и В.М. Хвостова (1868–1920), известного правоведа и социолога. Вероятно, это сходство связано с интересом обоих авторов к психологии и стремлением привнести в социологию практическую нагрузку², требующую конкретного социально-психологического теоретического обоснования. В работах «Классификация наук и место социологии в системе научного знания» (1917) и «Социальная связь» (1918)³ Хвостов дает подробное описание социальной реальности, покоящейся на фактах «взаимодействия человеческих психик между собой»⁴. Основную задачу социологии Хвостов видит в выявлении общих законов духовного взаимодействия людей. Хвостов различает реальность «я», к которому относит *«все содержание*

¹ Анализом пространственно-временных особенностей символов в тематике визуальной семиотики занимался, например, сорокинский современник Я.И. Линцбах. В «Принципах философского языка» он связывал кинематографию с устным языком, поскольку слова последнего «также существуют только в самый момент произнесения и исчезают тотчас же, для того чтобы дать место новым словам» (Линцбах Я.И. О принципах философского языка: Опыт точного языкознания. – Пг., 1916. – С. 84–85).

² Оба социолога интересовались прикладными социально-психологическими исследованиями. В.М. Хвостов основал в 1910 г. Институт социальной психологии при Московском научном институте. П.А. Сорокин участвовал в работе лаборатории коллективной рефлексологии при Государственном рефлексологическом институте по изучению мозга, основанном в 1918 г. В.М. Бехтеревым.

³ Хвостов В.М. Классификация наук и место социологии в системе научного знания // Вопросы философии и психологии. – М., 1917. – Кн. 139–140. – С. 69–126; Хвостов В.М. Социальная связь // Вопросы философии и психологии. – М., 1918. – Кн. 141–142. – С. 52–84.

⁴ Хвостов В.М. Исторический очерк учений об обществе // Хвостов В.М. Социология. – М.: Моск. научн. ин-т, 1917. – Ч. 1. – С. 81.

сознания, взятое в его отношении к активному элементу сознания, к воле, окрашенной чувствами», и реальность «не-я» – мира «вещей самих по себе», не зависящих от нашего сознания, именуемую «обществом», «другими людьми». «Мы не можем воспринять мысли и чувства другого человека, потому что воспринимать мысли и чувства можно, только непосредственно их переживая, а тогда они становятся не чужими, но своими собственными. *Непосредственно проникать в психику других людей мы не можем.* Мы можем анализировать только имеющиеся в нашем сознании образы тел других людей и их движения, эти тела похожи на наше собственное тело, т.е. на тот физический объект, который близко стоит к нашим духовным переживаниям... *мы догадываемся о содержании духовных переживаний других людей, представляя их аналогичными нашим собственным*»¹.

Описанному Сорокиным механизму ассоциации символа с определенной мыслью соответствует в интерпретации Хвостова процесс, позволяющий психике проводить аналогии с собственными значениями индивида и тем самым вступать в общение с миром. При этом «в основе сходства может лежать не только интеллектуальное уподобление, но и тот факт, что два психических элемента окрашены одним и тем же тоном»². Оба социолога сходятся в том, что социальное взаимодействие подразумевает схожее толкование знаково-символических посредников между индивидуальными «я», позволяющее обмениваться мыслями и чувствами. Хвостов отмечает, что познание, в частности научное познание, связано с ключевым аспектом действующего «я» или «практического разума», направленного на понимание действительности и передачу «символического представления о ней» другим³. Социология определяется им как учение о духовном взаимодействии, проистекающее из гносеологии, логики и математики, цель которого состоит в познании механизмов и типов социальных связей и законов, являющихся выражением общественного сознания. В теории Хвостова «символ» можно трактовать как продукт подчеркнуто общественного сознания, имеющего особую авторитетность и императивность, а также обязательное эмоциональное со-

¹ Хвостов В.М. Исторический очерки учений об обществе // Хвостов В.М. Социология: Моск. научн. Ин-т, 1917. – Ч. 1. – С. 77.

² Там же. – С. 98.

³ Там же. – С. 81.

держание (в связи с этим Хвостов ссылается на Дюркгейма и Зиммеля).

Заключение

Теория символического в ранних работах Питирима Сорокина имеет ряд пересечений с социологическими концепциями его современников. Особенность сорокинской теории символического заключается в том, что многие ее первоначальные положения, изложенные в работах 1913–1920 гг., находят продолжение в более поздних трудах Сорокина. Например, роль материальной среды является немаловажной в описании Сорокиным особенностей типов социокультурных суперсистем, а также выделенных на их основании типов ментальностей. Схожая трактовка символических проводников социальных групп является одним из условий социальной солидарности и связывается с изучением коллективных взаимодействий и альтруизма. Таким образом, дальнейшая реконструкция теории символического – целостной системы, интегрированной в общую структуру концепции устройства социума и динамики суперсистем, – является необходимым условием для комплексного изучения социологии Питирима Сорокина.

В.А. Ковалев

**РУССКАЯ «СМУТА» КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ
РЕВОЛЮЦИИ П.А. СОРОКИНА:
ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ?**

Питирима Александровича Сорокина на родине помнят. Когда в феврале 2009 г. исполнилось 120 лет со дня рождения этого выдающегося русско-американского социолога, то эта дата не прошла незамеченной в российском научном сообществе, были и официальные торжества. Но все же, как представляется, идеи Сорокина далеко не в полной мере востребованы на его родине. Речь идет не просто о том, чтобы почтить память выдающегося человека, оставившего след на зырянской земле или в Санкт-Петербургском университете и т.д., не просто отдать «дань уважения», главное – чтобы продолжалась жизнь сорокинских идей. Между тем отношение к социологической классике и связь ее с анализом современных ситуаций – это очень сложная проблема, которую в свое время остро поставил Роберт Мертон. Коллега Сорокина писал, что «интерес к классическим произведениям прошлого также вызвал интеллектуально дегенеративные тенденции в истории идей». И далее: «Изучение классических произведений может быть или прискорбно бесполезным или удивительно полезным. Всё зависит от того, какую форму принимает это изучение: бесплодного простого толкования классики и превращения истины в банальность или активного развития и разработки теоретических наметок авторитетных предшественников. Огромная пропасть разделяет эти два подхода и обуславливает двойственное отношение ученых к постоянному чтению первоисточников»¹. Хотя это и вы-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – С. 54.

ходит за рамки нашей темы, трудно удержаться от замечания о том, что указанные «интеллектуально-дегенеративные тенденции» явно присутствуют в отечественном обществоведении. Когда существовали запреты и спецхраны, казалось, что свобода информации и доступ к запрещенным текстам дадут невиданные стимулы для развития нашей социальной науки. И вот запреты сняты, ранее закрытые классические и переводные работы медленно, но публикуются, запретных имен одно время не было совсем (пока не началась «борьба с экстремизмом»), а успехи российских социологов и политологов в осмыслении прошлого и настоящего более чем скромны. Многочисленные публикации ученых прошлых эпох, на которые так надеялись, оседают либо макулатурой, либо проваливаются в какую-то интеллектуальную бездонную бочку, часто не оказывая существенного влияния на окружающий нас интеллектуальный ландшафт. Конечно, общее положение в стране здесь на менее важно, чем ситуация в научном сообществе, но привычка «бесплодного простого толкования классики и превращения истины в банальность» убивает социальную науку, делает ее беспомощной перед грозными вызовами современности и грядущими опасностями.

Это в значительной степени относится и к наследию П. Сорокина. Да, его активно, хотя и не полностью, переводят, издают и даже читают. Но часто отношение к его наследию выглядит как воздвижение и поклонение «памятникам» (социологической мысли), а не спор с тем, что есть там актуального и живого. Фигурально выражаясь, стоит подобно молодым американским социологам, которые в свое время носили значки с надписью «Сорокин жив!», стараться продолжить жизнь сорокинских идей в актуальном социологическом, политологическом и социально-философском дискурсах, подходить к ним не просто как к памятникам интеллектуальной истории, но тестировать их на применимость к анализу актуальных проблем современности. В сорокинской автобиографии встречается интересное и очень трогательное сравнение, когда мыслитель уподобляет свои труды отпущенным в самостоятельную жизнь детям: «После публикации моих духовных детей, либо им уготованы забвение и смерть, либо активная, насыщенная, долгая жизнь»¹. Автор этой статьи специально Сорокиным не занимался и не претендует на анализ его

¹ Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми АССР, 1991. – С. 180.

творчества с позиций истории социологии; однако многие составляющие его научного наследия вполне актуальны при анализе «духовной ситуации нашего времени» и кризиса, связанного с экспансией агрессивной массовой культуры. Между тем в исследованиях российских авторов несравненно чаще можно встретить отсылки к работам, например, теоретиков Франкфуртской школы, нежели к сорокинской «Социальной и культурной динамике». Хотя теория культурных суперсистем и кризиса так называемой «чувственной» суперсистемы могла бы дать для понимания *Zeitgeist* немало ценного. Для историков и политологов, по нашему мнению, продолжает сохранять актуальность сорокинская книга «Социология революции». Возможно, что из сорокинских «духовных детей» именно этот «ребенок» окажется в наше время – когда поднимается цунами нового глобального кризиса – особенно «резвым». Ведь недаром только за последнее время этот труд издавался дважды, сначала в научном издательстве, а затем и в популярной серии массового издательства АСТ.

Среди огромного количества написанных им работ «Социология революции» занимает в научном наследии П.А. Сорокина особое место. Эта книга является как бы переходным звеном в его творчестве. Она была окончательно написана в 1923 г. во время не слишком продолжительного пребывания Сорокина в Чехословакии, по горячим следам русских событий, но, разумеется, создавалась под влиянием личных наблюдений и впечатлений. (Напомним, что сам Питирим Александрович принимал весьма активное участие в событиях той революционной эпохи и едва не стал их жертвой¹.) «Социология революции» как бы подводит своеобразную черту под продолжительным русским периодом творчества социолога, в канун еще более продолжительной эпохи в его жизни – американской.

Итак, книга очерков «Социология революции», начатая в России и изданная в Америке в 1925 г. Содержание работы даже и сегодня, когда, казалось бы, многие источники открыты и опубликованы, производит сильное впечатление описаниями, статистическими данными, включением материалов прессы и очевидцев, которые рассказывают о величайшей катастрофе в отечественной истории. Протекание революции было ужасным, еще более катастрофическими представляются ее последствия. С горечью пишет

¹ Сорокин П.А. Указ. соч. – Ч. 1–3.

социолог об «отрицательной селекции» революций: «Революция изменяет состав населения не только количественно, но – что особенно важно – и качественно. Современные войны, в отличие от древних, уничтожают “лучшую” часть населения и благоприятствуют выживанию и размножению его “худшей” части: менее здоровой, менее трудоспособной, менее талантливой, волевой и т.д.»¹. Последствия этого отрицательного отбора Россия пожинает уже почти столетие. В другой своей работе Питирим Александрович обоснованно замечает: «Беда в том, что, унеся преимущественно эти лучшие элементы, война и революция унесли в их лице “лучших производителей”, носителей “лучших расовых свойств народа”, его “положительного биологического фонда”, “лучшие семена”. Они погибли безвозвратно. Место их, в качестве «производителей», займут второсортные люди», «худшие семена, которые, в общем, могут дать и худшую жатву. Это – большая беда»². Итак, нам осталось то, что осталось. Со всеми вытекающими последствиями для нашего последующего состояния.

В то же время, надо отметить, что Питирим Сорокин остается интересным не только как очевидец и / или эмпирически ориентированный социолог, но и как оригинальный социальный теоретик, в трудах которого теоретическая и эмпирическая составляющие разумно сбалансированы. Главное, что он остается ученым, задача которого, как говорил еще Спиноза, «не плакать, не смеяться, но понимать».

На путях этого стремления к пониманию величайшего события прошлого века, если не в мировой, то в российской истории, Сорокин создает одну из первых научных социологических теорий революции, представляющую собой попытку объяснить революционные отклонения в поведении людей. Основные ее положения достаточно широко известны. Исходный тезис выглядит следующим образом: «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения»³.

Вот краткая характеристика этой версии теории революции в изложении самого Сорокина: «Когда же условия среды изменяют-

¹ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 197.

² Там же. – С. 427.

³ Там же. – С. 272.

ся так, что вызывают ущемление основных инстинктов у *множества лиц*, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции...»¹.

Приведем пространную цитату из последнего, шестого, очерка «Социологии революции», где обобщаются причины этого явления: «Если *потребность питания* (или пищевые рефлексы) значительной части населения, в силу каких бы то ни было причин, ущемляются голодом – то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если *рефлексы индивидуального самосохранения* ущемляются произвольными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если *рефлексы группового самосохранения* (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т.п.) ущемляются оскорблением святынь этой группы, издевательствами над ней, ее членами, их арестами, ссылками казнями и т.д. – налицо третья причина мятежей и революций.

Если *потребность в жилище, одежде, тепле* и т.п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горючего материала для пышного костра революции.

Если *рефлексы половые* вместе с их разновидностями – ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому – ущемляются у обширной группы членов: невозможностью их удовлетворения, изнасилованиями, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами и т.д., – налицо пятая причина революций.

Если *инстинкт собственности* у массы лиц “ущемляется” их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если *инстинкт самовыражения и собственного достоинства* <...> у массы лиц “ущемляется” оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений, с одной стороны, и завышенной оценки менее достойных лиц – с другой, то налицо еще одна причина революций.

Если у многих членов общества их *инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и при-*

¹ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 42.

ключений и “рефлексы свободы” (в смысле свободы действий и слов или беспрепятственного проявления своих прирожденных склонностей) ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной и монотонной средой, работой, которая не волнует ни ума, ни сердца, бесконечными преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят ее возгласами “Осанна!”

Этот перечень не исчерпывающий; он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революций, и – вместе с тем – те социальные группы “ущемленных”, руками которых старый порядок будет низвергнут и стяг революции водружен»¹. Таковы предпосылки. «Итак, 1) *рост ущемления главных инстинктов*; 2) *массовый характер этого ущемления*; 3) *бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций*», – резюмирует П. Сорокин².

Конечно, эти «необходимые и достаточные условия», как они выглядели в первой четверти прошлого века, представляются сегодня весьма наивными. Чтобы не заниматься развернутой критикой, можно привести только один пример. 1940-е годы в советской истории практически идеально отражали сорокинский перечень ущемленных «инстинктов» и «рефлексов». Тем не менее никакой «революционной ситуации» в сталинском СССР не возникло, а наметившееся послевоенное «брожение» было жестоко пресечено превентивными репрессиями. Но дело здесь не только в «пропорционально усиленном торможении», а в том, что последующие теории революций гораздо больше внимания уделяют не столько ущемленным рефлексам и потребностям, сколько совокупности экономических, социальных, политических, культурных факторов, сочетанию внешних и внутренних условий для революции и т.п., – нежели это делал П.А. Сорокин по следам русской смуты.

Да, разумеется, сегодня такой взгляд может показаться достаточно односторонним и устаревшим. Но он был по-своему нова-

¹ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 320–321.

² Там же. – С. 323.

торским для первой четверти XX в. Подход Сорокина к анализу причин и истоков социальных революций находился в русле господствующей тогда бихевиористской парадигмы. Поведенческие теории ставили во главу угла человеческие реакции на те или иные раздражители. Казалось очевидным связать революционные потрясения с наиболее сильными из них («голод как фактор» и т.д.). С точки зрения последующих теорий¹ критиковать односторонность такого подхода довольно легко. И тем не менее сорокинская теория революции представляет собой интерес не только для архивистов и историков социальных учений, она продолжает оставаться крайне актуальной и сегодня, в том числе и для анализа текущей политики.

Нам показалось интересным сопоставить сорокинскую схему не с тем, что было разработано после, а с тем, что уже существовало до ее появления. До написания труда «Социология революции» и до того события, анализу которого эта книга была, в основном, посвящена. Речь идет, конечно, о другом великом социологе – Алексисе де Токвиле и его опыте рассмотрения причин другого великого потрясения – Французской революции XVIII в. Надо отметить, что Токвиль в России был достаточно хорошо известен. Его «Демократию в Америке» комментировал еще А.С. Пушкин, а другой главный труд выдающегося историка и социолога, который он так и не успел закончить, – «Старый порядок и революция» – был переведен на русский язык. (Сам автор этих строк впервые знакомился со «Старым порядком» по дореволюционному изданию, как тогда переводили, «Алексея Токвиля».) Сорокин, конечно, не мог не знать труда Токвиля, и ссылки на его французское издание неоднократно встречаются на страницах «Социологии революции»². Но – обратим внимание – «Старый порядок» используется им преимущественно как историческое, а не как социологическое исследование. Легко заметить, что основной посыл французского мыслителя относительно причин революции значительно отличается от подхода Сорокина, если не прямо противоречит ему: «Это удивляет; но история переполнена подобными зрелищами. Не всегда на пути от плохого к худшему приходят к революции. Чаще всего случается, что народ, безропотно и слов-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-пресс, 1996. – С. 376–389.

² Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 116, 273, 284, 358, 389, 397.

но не замечая терпевший самые тягостные законы, яростно отбрасывает их, едва только бремя становится легче. Режим, разрушенный революцией, почти всегда бывает лучше того, который непосредственно ему предшествовал, и опыт учит, что наиболее опасный момент для плохого правительства – это обычно тот, когда начинаются реформы. Только какой-нибудь великий гений может спасти властителя, который пытается облегчить участь своих подданных после долгого угнетения. Зло, которое они терпели, воносили как неизбежное, кажется нестерпимым, едва лишь им приходит мысль от него избавиться. Словно все устраненные злоупотребления позволяют лучше обнаружить оставшиеся и делают ощущения от них еще более мучительными: зло уменьшилось, это правда, но обострилась чувствительность»¹.

Некоторые даже называют это положение «законом революции Токвиля». Итак, несмотря на сложность и многоаспектность анализа революционных феноменов двумя замечательными учеными, мы здесь наблюдаем своеобразный заочный спор французского и русского социологов, который в последующие периоды расширялся, углублялся и получал новые теоретические и фактологические аргументы. Как представляется, спор этот не имеет окончательного решения, даже если речь идет о наиболее известном нам примере революций – революции 1917 г. (Заметим в скобках, что предупреждения мыслителей, даже самые гениальные, обычно воспринимаются уже после произошедших трагических событий. В токвилевском «Старом порядке» содержится великолепный анализ возникновения многих революционных механизмов, связанных с кризисом «старого порядка», – столкновения пережитков аристократического, феодального и т.п. общества в их конфликте с модерном. Токвилевский анализ положения дворянства или, скажем, роли литераторов в распространении революционных настроений в значительной степени применим не только к Великой французской революции, но и к цепи революционных событий в России. «Старый порядок» в России, повторим, был хорошо известен, но кто сделал из него надлежащие выводы?)

Если говорить уже о русском социологе, то подход к русской революции П. Сорокина перекликается с хорошо (слишком хорошо!) известной отечественным обществоведам ленинской схемой. (Пресловутое «усиление нужды и бедствий народа выше

¹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 157.

обычного», правда, с обязательным дополнением социально-политической констатации: «“низы” не хотят, а “верхи” не могут жить по-старому».) Несмотря на политический антагонизм с лидером большевиков, Сорокин мог бы подписаться под тезисом об «усилении нужды и бедствий». Действительно, все это напоминает сорокинское «подавление базовых инстинктов», хотя сходство имеет весьма ограниченный характер. В отличие от марксистствующих теоретиков, П. Сорокин не поддерживал взгляда на историю, согласно которому «положение трудящихся постоянно ухудшалось, а классовая борьба обострялась», а говорил о разнонаправленных флуктуациях как социальной стратификации, так и вертикальной мобильности. Соответственно, уровни эксплуатации и социальных антагонизмов были связаны друг с другом, но различались в различные эпохи¹.

Разумеется, три года Великой («второй Отечественной», «империалистической») войны, которую мы знаем как Первую мировую, не могли не ухудшить положение значительной части населения Российской империи и вроде бы прямо вели к революционному взрыву. Но нельзя не вспомнить, что относительно состояния других воюющих стран, в том числе главного противника – Германии, положение российского населения не было самым тяжелым. То же касается и сравнения с предыдущими периодами отечественной истории. Перед Первой мировой войной Россия быстро и динамично развивалась, положение миллионов подданных империи не ухудшалось, а наоборот, становилось заметно лучшим. Нельзя, конечно, впадать в другую крайность и говорить, что в России было все хорошо. Миф о «России в 1913 году» был создан совокупными усилиями ностальгирующего Русского зарубежья (не только экономистами, историками, другими учеными, но и литераторами, художниками и т.д.). В период «перестройки» этот миф был использован для опровержения другого коммунистического мифа – «Россия как тюрьма народов», «усиление нужды и бедствий выше обычного» (клин клином), и получил массовое распространение благодаря популярному фильму С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли».

Однако однозначно опровергнуть или подтвердить тот или иной из рассматриваемых подходов на примере Октябрьской революции не представляется возможным. Относительно трагедии

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Республика, 1992. – С. 392.

1917 г. как будто действуют и «закон Токвиля», и схема Питирима Сорокина. Как они сочетаются? Бесспорно, что социально-политической революции предшествует «революция ожиданий», которую само правительство порождает своими реформами. Однако анализ автора «Старого порядка» видится нам более глубоким, поскольку он рассматривает предпосылки революции задолго до наступления социального взрыва.

Перед тем как спроецировать этот заочный спор теоретических схем Сорокина и Токвиля на последующие бурные события в России, кажется уместным сделать здесь небольшое отступление. Очень важно помнить, что ни Токвиль, ни Сорокин не были просто теоретизирующими авторами, живущими вдали от бурных событий своего времени. Нет, их жизнь и возможность гибели были непосредственно связаны с разгулом насилия в революционные эпохи. Так, о знаменитом французском аристократе известно, что родители Алексиса де Токвиля чудом избежали гильотины за несколько лет до его рождения, а он сам играл не последнюю роль в революции 1848–1851 гг. во Франции; еще более непосредственно эта связь прослеживается в биографии П. Сорокина.

Почему явно недостаточное внимание в «Социологии революции» уделяется деятельности политических акторов, субъективному, «человеческому» фактору? Ведь при несомненном значении объективных условий и предпосылок революции, как и другие политические события, никогда сами собой не происходят. Из песни слова не выкинешь – с молодых лет сам будущий знаменитый социолог был захвачен революционным движением. Вот характерный образчик из воспоминаний Питирима Сорокина о его революционной юности: «Великий Устюг стал одним из главных мест, где я отдыхал, учился и занимался революционной деятельностью». Именно так. Питирим Сорокин имел несчастье принадлежать к генерации «геростратов», которые с азартом поджигали собственный дом и поначалу радовались, когда пламя, наконец, занялось. Вскоре, правда, пришлось прыгать из окон и спасаться в разные стороны. Сорокину повезло – удачно устроился в Америке. Но многим ведь *не повезло*. Я далек здесь от морализма. Читая сорокинские воспоминания, неоднократно ловил себя на мысли, что никак не могу сблизить себя с героем – настолько обстоятельства жизни и образ мысли далеки и непохожи. Да и можно ли осуждать постфактум человека, который потерял в революцию обоих братьев, которого самого чуть не «шлепнули» большевики в годы «красного террора», на которого обратил неодобрительное внима-

ние даже сам революционный вождь (статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина»); парадокс в том, что косвенным образом внимание «вождя» спасло социолога от расстрела, по крайней мере, если верить мемуарам самого П. Сорокина). Речь идет не о правовой, не о моральной и даже не о политической ответственности, поскольку вклад Сорокина в подготовку самой революции ничтожен. Но закономерно поставить вопрос о той интеллектуальной рефлексии, которую проявил (или не проявил) наш герой уже постфактум, анализируя причины русской революции или описывая события молодости, будучи умудренным старцем. Вот «товарищ Иван», которому не пошла на пользу четырехмесячная отсидка в тюрьме, ведет революционную пропаганду на лесных полянах. Ему еще далеко до полного совершеннолетия, учительская семинария не закончена (исключили), а шестнадцатилетний юноша уже учит других «бороться за свободу». На основании каких знаний и опыта? Молодости свойственны заблуждения, и смешно было бы осуждать юнца, который испытал резкий переход в своей жизни и был подхвачен потоком господствующих умонастроений (наглядное подтверждение модных тогда теорий психических эпидемий заражения и подражания Г. Тарда и Г. Лебона). Но ведь и позднее эта деятельность не получает критической самооценки и продолжается вплоть до падения «самодержавия». Потом – «жизнь в царстве смерти». Очень наглядно: голод, болезни, террор, всяческие преступления как обычный «бытовой» фон тех лет. Навскидку «страницы из русского дневника» могу сравнить с петербургскими дневниками Зинаиды Гиппиус. Конечно, в литературном отношении они несопоставимы с «автобиографическим романом», но историческая оценка будет, пожалуй, схожей. Вот злые большевики прорвались на историческую сцену и утопили Россию в крови. Ну а кто расчищал им дорогу, агитируя или поддерживая террористов (так, к примеру, чета Мережковский – Гиппиус сделала имя Б. Савинкову; П. Сорокин дружил со многими известными большевиками и вместе с ними боролся против самодержавия)? Да, большевики оказались страшней, но ведь возникли они не сразу. Связывает ли П. Сорокин свои пропагандистские усилия с ужасами революции? Напрямую нет, по крайней мере, в автобиографии.

Конечно, на уровне общих схем Сорокин уже по горячим следам пытался объяснить, почему его партия (в широком смысле) проиграла в том революционном столкновении: «Настоящий ученый, жрец, факир – забывчив и недейтелен. Он всегда Гамлет в той

или иной мере; для него все – проблема. Каждый вопрос имеет сотню pro и contra. Прежде чем решить и действовать, ему нужно “обдумать вопрос”. В процессе этого обдумывания – методического, систематического и глубокого – энергия и время уходят. Для неученого – все просто. Проблем не существует. Он привык действовать прямо и все решать сразу. Отсюда следует: *если одни замкнутые группы из поколения в поколение занимаются только или главным образом интеллектуальной работой, атрофия их воли и энергии действия становится неизбежной.*

Если другие из поколения в поколение занимаются лишь мускульной работой, у них должны быть гипертрофия энергии действия и недостаток энергии мышления.

Каковы основные профессиональные функции правящей аристократии нового времени? – Чисто или почти чисто интеллектуального характера. Каковы социально-профессиональные функции “низов”? – Главным образом, мускульная работа.

Отсюда трагическая антиномия, в той или иной мере существующая в большинстве обществ и достигающая апогея в предреволюционные периоды. Она служит одной из причин импотенции воли и действия правящих слоев предреволюционного периода и бешеной слепой энергии, решительности и “прямоты действия” масс, которые указаны выше.

Власть “не умеет хотеть” и “не знает, чего она хочет”... Массы, напротив, недостаточно думают и взвешивают свои акты и свои результаты¹.

Все это, возможно, и верно, но выглядит довольно абстрактно.

Правда, сам Питирим Александрович разительно изменился под влиянием выпавших на его долю испытаний. С позитивизмом и прогрессизмом было покончено. Да, он не раскаивается в непосредственно своей революционной деятельности в царской России, но «снимает» это противоречие на уровне более широких обобщений.

В начале века молодого Питирима Сорокина, как и многих его современников, захватила не только волна революционного энтузиазма, но и сопряженная с этим вера в «прогресс». Однако пережитые в ходе революции и Гражданской войны ужасы не могли не повлиять на основания мировоззрения самого П. Сорокина:

¹ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОСПЭН, 2005. – С. 405–406.

«Волна смерти, зверства и невежества, захлестнувшая мир в XX цивилизованном, как считалось, столетии, полностью противоречила всем сладеньким теориям прогрессивной эволюции...»¹.

П. Сорокин очень часто варьирует эти идеи, особенно в связи с работой над грандиозным трудом «Социальная и культурная динамика» и др., где он приходит к выводу о глобальном кризисе так называемой «чувственной суперсистемы», выражением которой и были войны и революции переживаемого им столетия. Опасность возрастала также в связи с глобальным характером этого кризиса, помноженного на новые разрушительные возможности техники. Потому «во всей человеческой истории едва ли найдется другой, столь же критический период с точки зрения сохранения жизни на Земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно правящих кругов, столь же отмеченный превращением человека в самого дикого и опасного из зверей. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть телу, духу, уничтожил в себе Божье подобие. Всё гибло – тело, дух, вековая мудрость, прекрасные мечты»².

И в этом интеллектуальном покаянии русский социолог был не одинок. Любопытный и в чем-то даже курьезный пример, подтверждающий это, находим в эмигрантском «обмене мнениями» между П.А. Сорокиным и А.Ф. Керенским. Незадачливый политический деятель эпохи «красной смуты» пишет своему бывшему секретарю: «После Вашего “Кризиса нашего времени” я окончательно убедился, что при всех наших во многом расхождениях мы одинаково видим и переживаем главное: распад современной цивилизации как следствие отречения от Духа христианства. Вот вопрос который меня мучает: возможно ли чудо Воскресения религии после двух тысячелетий, заканчивающихся духовной катастрофой?!»³ К сожалению, эти духовные, или, если угодно, «психоментальные» (термин, используемый историком Владимиром Булдаковым), предпосылки как русской революции, так и глобального кризиса по-прежнему плохо изучены. Прозрений и покаяний было, конечно, немало, но все это было недостаточно

¹ Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми АССР, 1991. – С. 167.

² Сорокин П.А. Социология революции. – С. 213–214.

³ А.Ф. Керенский – П.А. Сорокину, 12 мая 1944 // Письма Александра Керенского // Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – С. 16.

внимательно прочитано, а еще хуже воспринято как современниками, так и потомками. Если «долгий путь» Питирима Сорокина привел к подобным прозрениям, то не приведет ли их игнорирование к новым кризисам и потрясениям революционного или похожего с ними характера? Повторю: Сорокин наиболее силен как социолог именно в анализе кризисных, рубежных, переломных эпох, а поскольку отсутствие кризисов нам не грозит ни в настоящем, ни в будущем, то сорокинское наследие объективно является весьма востребованным. Но анализ его «Динамики» и других более поздних и более зрелых работ – это уже другая тема. Пока же имеет смысл вернуться к заочному спору «Сорокин – Токвиль».

Можно сказать, что этот старый спор продолжается и поныне. Как ни удивительно, но написанная более 80 лет назад книга Сорокина остается политически актуальной для рассмотрения недавних событий в отечественной политической истории и того, что происходит сегодня, а также для анализа завтрашних перспектив. Таким образом, выполняется положение самого ученого, высказанное в известном, написанном, кстати, среди революционного мрака, учебнике «Система социологии»: «Важность явлений человеческого взаимодействия следует хотя бы из того, что мы в изучении их кровно и эгоистически заинтересованы. Знание этих явлений нам нужно прежде всего с точки зрения практической. Поскольку наука была и остается одним из орудий в борьбе за существование, постольку это значение она сохраняет и в области изучения человеческих взаимоотношений»¹.

С одной стороны, приходится констатировать, что прогресс в познании причин революции в отечественных социальных науках со времен Сорокина был не слишком заметен. Советская историография революции была сплошной мифологизацией и с объективной исторической наукой имеет мало общего. Советские труды о революции – это, в основном, идеологический заказ, меняющийся от одного вождя к другому. Эмигрантская литература несколько лучше, но и она также страдала идеологической однобокостью. После краха режима, порожденного революцией и бывшего предметом анализа Сорокина, казалось бы, открылись возможности для ее беспристрастного изучения. Но интеллектуальная и институциональная слабость отечественного общественно-научного познания не позволяет похвастаться многими достижениями на этом пути. Речь идет даже

¹ Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 59.

не об установлении множества отдельных фактов, но об их концептуальном осмыслении. Здесь приходится снова, прямо или контрабандой, заимствовать старые и / или чужие, западные объяснительные модели. Это свидетельствует о неспособности к глобальной интеллектуальной конкуренции даже в вопросах, касающихся нашего прошлого и настоящего. В последнее время, правда, появляется кое-что интересное. Из того, что было сделано за два минувших десятилетия, необходимо отметить в первую очередь новаторскую работу В. Булдакова¹. Плодотворными являются научные поиски Ю. Пивоварова и А. Фурсова², связанные с разработкой концепта «Русской Системы», а также работы В. Соловья³. Это очень разные работы и авторы: В. Булдаков при анализе революции много внимания обращает на проявления психопатологии; создатели концепта «Русской Системы» анализируют своеобразное отношение власти и собственности в нашем прошлом и настоящем; В. Соловей, поднимая проблему «крови», пишет, в том числе, и об этнических причинах русских революций. Но при всей разнице подходов, интересно то, что столь непохожие ученые стремятся концептуализировать термин «смута» применительно как к русской истории начала XVII в., так и событиям начала и конца XX столетия. (Возможно, это относится и к последующим бедствиям, ожидающим нашу Родину. Здесь особого внимания заслуживает тезис В. Соловья о том, что «лихие 90-е» означали лишь первый приступ очередной русской смуты и ее новые проявления еще впереди⁴.) Разбор этих концепций увел бы нас слишком далеко в сторону от сорокинской темы. У самого П. Сорокина можно встретить некоторые параллели между русской революцией 1917 г. и «русской революцией XVII века»⁵, но систематических сравнений Смуты с пережитой им самим революцией он не проводит. В наиболее фундаментальном из имеющихся на сегодня трудов о русской революции его автор, В.П. Булдаков, разводит термины «смута» и «революция», полагая, что первое – это явление

¹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2010.

² Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система как попытка понимания русской истории // Полис. – М., 2001. – № 4. – С. 37–48.

³ Соловей В.Д. Россия накануне смуты // Свободная мысль. – М., 2004. – № 12. – С. 38–48.

⁴ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. – М.: Русский МирЪ, 2008.

⁵ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 132, 367–369.

русское, а второе – западное. И сравнения, скажем, между событиями во Франции конца XVIII и России начала XX столетия сильно похожи лишь внешне, поскольку различаются эти события и по своим институциональным основам, и по психоментальному наполнению. Естественно, это приводит к принципиально разным результатам. Историк пишет: «Понятие “смута” предельно емко описывает российское выпадение из “порядка”, но его невозможно поставить в один логический ряд с концептом “революция” (переворот)»¹.

Так или иначе, но в дальнейшем надо признать, что вопросы, поднятые Сорокиным в рассматриваемом труде, имеют не только академический и исторический интерес, но и практическую актуальность, относящуюся к сегодняшнему дню. Подобно тому как политический класс Российской империи не смог извлечь практически-политических уроков из опыта Великой французской революции с ее якобинским террором и прочими эксцессами и привел страну к новым великим потрясениям, опыт собственно русской революции (и в частности, анализ этого опыта Сорокиным) также мало учитывается в политическом развитии современной России.

«Смута» конца XX в. была неким отражением «смуты» начала столетия, и распад Советского Союза в каком-то смысле повторил крах Российской империи. Теоретически поначалу весьма занимательные, эти проблемы имели очень болезненные политические и социально-экономические последствия. Всё начиналось как анекдот. После того, как на Дальнем Востоке генсек М. Горбачёв заявил о революционном характере «перестройки»², партийные идеологи начали спешно подводить происходящие события под схемы революционной марксистско-ленинской идеологии. Без особых на то оснований брежневский период, в ходе которого жизненный уровень большинства населения нашей страны поднялся до невиданной в отечественной истории отметки благополучия (конечно, весьма скромной по сравнению с развитыми странами), начал третироваться как кризисный, «застойный» и т.п., что выразилось в названии фильма уже упоминавшегося здесь режиссера: «Так жить нельзя». Но политическая борьба в партийной верхушке с соответствующим пропагандистским оформлением неожиданно спровоцировала серьезные последствия, которые при-

¹ Булдаков В.П. Красная смута. – С. 16.

² Согрин В.В. Политическая история современной России. – М.: Весь мир, 2001. – С. 22.

вели к реальному экономическому и социально-политическому обвалу. В результате резко изменилось положение значительной части активного населения (совсем по Ленину и Сорокину), произошла подлинная революционная трансформация в экономической, политической, социальной и культурной сферах. События перестройки и глубина изменений после нее заставляют говорить о том, что, в общем, наша страна и общество действительно пережили некую великую революцию. По крайней мере, некоторые наиболее радикальные сторонники проводимых «верхами» изменений квалифицируют их именно в революционных терминах¹.

Споры о происходящей в СССР – РФ трансформации, по всей видимости, не угаснут и в дальнейшем, но их революционное начало вновь можно объяснить как с позиций Токвиля (попытки горбачёвских реформ, вызвавших «революцию ожиданий»), так и по Сорокину (учитывая резкое ухудшение социально-экономической ситуации в конце 1980-х – 1990-е годы).

Однако последующие события как будто опровергают основные сорокинские посылы. На протяжении ельцинского десятилетия, с его резким падением уровня и качества жизни, у населения, казалось бы, должны были возобладать настроения если не революционной, то, по крайней мере, очень высокой протестной активности. Но этого не произошло, хотя по данным соцопросов готовность к протестам была очень высокой. Если бы проводившие опросы специалисты оказались правы в своих выводах, Кремлю и комплексу зданий на Старой площади грозила бы участь Бастилии и Зимнего. Но в реальности ничего подобного не наблюдалось. Уровень социальных протестов, особенно политических, был довольно невысок. Протесты носили зачастую характер акций отчаяния (как пример можно назвать коллективные голодовки в Воркуте), но никакой серьезной угрозы постсоветскому политическому режиму они не несли. В чем же дело?

Актуальное объяснение этого парадокса – резкое ухудшение социально-экономического положения и бессилие политического протеста – предложено в комментарии известного российского политолога В. Гельмана: «Сравнительные исследования авторитарных режимов не позволяют однозначно говорить о том, что экономические кризисы непременно ведут к их ослаблению. Статистически показано, что ни глубина, ни продолжительность

¹ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. – 2-е изд. – М.: Вагриус, 2004.

экономического спада сами по себе не сокращают сроки их пребывания у власти... На пике социально-экономического и политического кризиса в 1997–1998 гг. опросы тогдашнего ВЦИОМ фиксировали, что примерно 25–30% российских граждан были готовы принять участие в акциях протеста; на деле же доля их участников была на порядок меньше. Причину такого разрыва следует видеть в том, что социально-экономический протест в России зависел не столько от спроса на альтернативу существовавшему статус-кво, сколько от предложения на политическом рынке»¹.

Казалось бы, «увеличение подавления базовых социальных инстинктов» налицо, но при отсутствии соответствующих политических возможностей они не оформляются в организованный и результативный протест. В минувшее десятилетие это противоречие занимало многие умы. Помимо объяснений с преобладанием анализа политических возможностей заслуживают внимания и объяснительные схемы, претендующие на большую «историческую глубину». В качестве характерного примера можно привести работу, где прямо задается вопрос об отсутствующем «социальном взрыве, которого все нет и нет». Ее автор, политический активист и аналитик левого толка, А.Н. Тарасов полагал, что к причинам, тормозящим протестную активность, относятся пропаганда в интересах новых господствующих групп, ригидность массовой психологии, обывательское сознание, с одной стороны, и криминализация населения – с другой; они сдерживают взрыв, население России играет по правилам, которые навязаны теми, кто это население ограбил². А. Тарасов считает, что для выступления против «антинародного режима» пока нет оружия, как в материальном смысле, так и в идеологическом; кроме того, для подготовки подобия новой революции нужны будут новые лидеры с новой идеологией, и для их воздействия потребуются десятилетия. Но исторические прецеденты имеются: например, в Индии, которая, казалось бы, почти без особого сопротивления перенесла величайший в своей истории геноцид, развязанный английскими колонизаторами, с течением времени появились новые идеи, новые лидеры и

¹ Гельман В.Я. Режим и граждане в условиях российского кризиса: Уход, протест или лояльность? – Режим доступа: <http://www.polit.ru/institutes/2008/12/24/gelman.html>

² Тарасов А.Н. О «Безмолвствующем народе» и «социальном взрыве», которого все нет и нет // Русский исторический журнал. – М., 2000. – № 1–4. – С. 469–487.

новые средства борьбы. Если восстание сипаев было жестоко подавлено, то методы М. Ганди привели к стратегическому успеху. Произойдет ли в России нечто подобное?¹ Как представляется, именно сейчас ничего подобного в России не будет. Индийцы были способны к широкомасштабной координации социальных действий, устраивая, например, бойкот английским товарам. Подобное в России сегодняшней выглядит фантастикой. Но не будем торопиться.

Казалось бы, никакие революционные потрясения российскому политическому классу сегодня и завтра не грозят, а значит, проблематика социологии революций для нашего государства более не актуальна. «Российский режим – с монопольным господством правящей группы, консолидированной элитой и минимальными возможностями для трансляции альтернативной повестки дня в механизмы принятия политических решений – создавал *крайне неблагоприятную структуру политических возможностей для социально-экономического протеста*. На этом фоне слабого опыта протеста и неблагоприятных условий для его реализации Россия и встретила начало экономического кризиса», – пишет В.Я. Гельман². Но вряд ли российские элиты должны испытывать в связи с этим спокойствие и благодушие. У нас еще пока слишком мало материала для того, чтобы давать обоснованные прогнозы на будущее, поэтому пока надо смотреть в прошлое, учиться на событиях и идеях, уже имевших место в истории. Как писал однажды один выдающийся русский историк: «История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»³. Этот афоризм В.О. Ключевского напоминает нам, что надо обоснованно страшиться новых наказаний со стороны строгой «надзирательницы – наставницы жизни», – ведь исторические уроки мы по-прежнему учим очень плохо. Поэтому от новых смут или, если угодно, революций Россия не застрахована.

Интуитивное понимание того, что такое революция, тем не менее на практике и в теории порождает постоянные разночтения. Вряд ли стоит выстраивать масштабные конструкции, утверждать о переходе от одной «общественно-экономической формации» к

¹ Тарасов А.Н. Указ. соч.

² Гельман В.Я. Указ. соч.

³ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9-ти тт. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9: Материалы разных лет. – С. 393.

другой, о «локомотивах истории», влекущих человечество по дороге «социального прогресса» и т.п. Все это может лишь увести в область идеологии, отвлекающей внимание от главного – катастрофических последствий революций, приводящих во многих областях к колоссальному регрессу, невосполнимой деградации и т.д. Как правило, в ходе революционной смуты лица и группы, непосредственно «заварившие кашу», проигрывают и / или становятся жертвами неуправляемого революционного процесса, а планы послереволюционного порядка искажаются с поистине дьявольской изощренностью. Поэтому, дабы избежать лишних мировоззренческих споров, лучше выбрать в качестве рабочего такое определение революции, которое ставит во главу угла проблему политической власти. Как представляется, таким рабочим определением может быть формулировка Джека Голдстоуна, согласно которой, революция – «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»¹.

Такое сокращенное («минималистское») понимание революции удобно для анализа. Сентенции типа «лимит революций мы уже исчерпали» остаются на обочине. Легитимность власти демократическими средствами не достигнута, о социальной справедливости лучше не заикаться. «Ущемление базовых инстинктов», как выражался П. Сорокин, в результате кризиса – налицо. Есть и признаки токвилевского «закона». Ведь население России в текущем десятилетии стало жить лучше, правда, не слишком, и к тому же обменяв право политического выбора на возможность пользоваться потребительскими кредитами. Теперь этот социальный контракт, точнее будет сказать «сговор», разрушен и нет экономических предпосылок для его восстановления. Но за предшествующие «семь тучных лет» успела произойти некая «революция ожиданий», которая сейчас имеет шанс обернуться политическими протестами. Это предпосылки революции, которые сами собой не «займутся». Встает вопрос о *принципиальной* роли «технических средств». Здесь очень часто можно слышать именно о технике (информационных технологиях как о новом оружии, возможностях полицейского контроля и т.п., которые якобы ведут к исклю-

¹ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. – М., 2006. – № 5. – С. 61.

чению всякой революции). Однако по сути это утверждение ничуть не более истинно, чем гипотеза о том, что развитие военных средств исключает войны. Разумеется, это не так. Революции, как и войны, никуда не исчезнут из истории, просто вестись они будут по-другому. Если война уже не является бойней в ходе генерального сражения или длительного сидения в окопах, то ведь и революции настоящего и будущего – это не «бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу». Разумеется, изменяется форма их протекания, уменьшается интенсивность при увеличении длительности самого революционного протеста (хотя и не обязательно), возрастает роль информационной составляющей, в политическом действии возрастает роль неполитических лозунгов, и многое-многое другое. Для прояснения этих революционных элементов в современном политическом процессе, например, может многое дать понятие «мятежевойны», или «теория партизана»¹ (вспомним про нашуевшую в 2010 г. историю «приморских партизан), т.е. находящиеся сейчас на периферии и даже маргинальные аналитические разработки. Всё это отдельная большая тема, но революция в России уже в обозримом будущем не кажется такой уж невозможной. Те, кто пишет о ней, проявляют определенное «социологическое воображение» (название книги американского социолога Ч. Миллса, которого, кстати, позитивно оценивал П. Сорокин). «Политологическое воображение» позволяет нам предположить, что привычный взгляд на существующую очередность: сначала революция, а потом гражданская война, – может быть перевернут. В стране с архаичными отношениями между массой и властью, при отсутствии устойчивой обратной связи между государством и обществом постоянно провоцируется состояние вялотекущей «гражданской войны» между «низами» и «верхами». Поначалу интенсивность этой войны невысока и даже малозаметна, но потом она может «неожиданно» прорваться революционным взрывом, обернуться новой «смутой». (Разве охота народовольцев за царем и погромы помещичьих усадеб – это не явные приметы настоящей гражданской войны, которая велась задолго до большевистского переворота, хотя и развернулась в полную силу с 1918 г.)

С точки зрения отечественных социально-политических перспектив не столь уж принципиальным является вопрос об уникальности русских «смут» или возможности их продуктивного

¹ Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007.

сравнения с европейскими революциями, хотя в теоретическом плане это чрезвычайно интересная проблема. Так, В. Булдаков довольно скептически относится к попыткам выработать «универсальный взгляд» на революции, считая такие попытки «европоцентричными», «безнадежно позитивистскими», тяготеющими к «социологизирующей описательности». И Булдаков указывает в этой связи именно на классиков социологии Токвиля и Сорокина, сравнению концепций которых во многом посвящена настоящая статья. По мнению историка, последующие попытки социологов останутся бесплодными без «дешифровки культурно-антропологического кода “красной смуты”»¹. Возможно. Но при новом приступе русской смуты нам будет уже совершенно наплевать, чем она является: феноменом, закономерным для развития иудео-христианской цивилизации, или типично русским бедствием.

Собственно, при концептуальной проработке подобных возможностей не столь уж важно, чем конкретно обусловлены опасности революционных потрясений: экономической отсталостью и системной коррупцией, неразвитостью политических институтов, архаичностью массовых представлений об обществе и власти, «немодерновостью» социальных отношений или «подавлением базовых инстинктов» населения. Опасен именно кумулятивный и непредсказуемый заранее эффект этих факторов.

На сегодняшний день возможные сценарии этой новой русской революции уже написаны. Не лишенной оснований представляется версия Валерия и Татьяны Соловей, которую они предлагают в своей книге «Несостоявшаяся революция»². Еще ранее В. Соловей неоднократно выступал с соответствующими комментариями. Власть совершенно права, не видя для режима опасности в потерявших политическую энергию коммунистах и связывая основную угрозу для себя с русским национализмом. Собственно, такой ловкий демагог и манипулятор, как В. Жириновский, уже использовал эту тему на недавних выборах, выбросив провокационный лозунг «мы за русских, мы за бедных». К сожалению, отождествление русских с бедными в современной РФ имеет под собой слишком много оснований.

¹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 647.

² Соловей В.Д., Соловей Т.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. – М.: Феория, 2009.

Повторим: при отсутствии работающих правовых и демократических механизмов разрешения противоречий в России (а везде и всегда есть *различные* интересы!), вне регулярно проводимых альтернативных, честных и справедливых выборов энергия несогласия и протеста может быть канализирована в экстремистское русло. Есть и «подходящий образ будущего». Дело в том, что в российской истории до сих пор еще не был реализован сценарий правой диктатуры (условно говоря, «вариант генерала Корнилова»). В глазах немалого числа соотечественников этот сценарий может показаться привлекательным, особенно в связи с растущим хаосом, стремительно вытесняющим гламурный мираж стабильности путинского образца. Можно предположить, что в соответствующий момент не будет недостатка в идеологических разработках, обосновывающих установление именно такого порядка.

Наконец, не стоит забывать о глобальном контексте возможных политических потрясений, с которыми и ранее были синхронизированы русские смуты. Одно из объяснений этой динамики может быть связано с теорией экономических циклов, которую разработал погибший друг П. Сорокина Николай Кондратьев: большие циклы несут с собой не только экономические, но и социальные, культурные и политические перемены. Ход и итоги развития мирового кризиса, в том числе его политической составляющей, предсказать точно практически невозможно. Однако стоит задуматься над тем, что этот кризис только на поверхности выглядит как «ипотечный», «финансовый» и т.п. – корни его скрыты гораздо глубже. Состояние экономики лишь выражает более глубокие причины мировых катаклизмов, глобальной социокультурной динамики, которые П.А. Сорокин пытался объяснить своей теорией кризиса «чувственной суперсистемы». Этот глобальный кризис с неизбежностью будет усугублять собственно российские проблемы и может привести к непрогнозируемым политическим потрясениям.

Да, пока массовый и организованный протест оппозиции в нынешней России невозможен, но ведь и в дореволюционной России не так уж много людей входило в революционное подполье. Тем не менее они нашли «точку опоры», чтобы перевернуть Россию, и такой точкой, вернее полем, было массовое ощущение несправедливости действующей власти, потерявшей легитимность, что заставляло многих сочувствовать и поддерживать революционеров-террористов. Сердцевина революции – это не интеллектуальная критика правящего режима в оппозиционных изданиях

(выдающихся умственных способностей здесь не требуется), не парламентские запросы и даже не выход на митинги протеста «несогласных». Это *воля* к тому, чтобы уничтожить, взорвать (порой, в буквальном смысле) существующий порядок. Активные революционеры формируются из числа фанатиков, которым не жаль своих жизней и тем более чужих. Когда в обществе растет доля таких людей, пусть и относительно немногочисленная, оно, по сути, оказывается готово к прорыву сторонников радикальных действий на политическую поверхность. В несчастном для страны случае их успеха, эти «новые люди» (Чернышевский), «человеки из подполья», «бесы» (Достоевский) на годы устанавливают свой режим ужаса и террора. Часто историки забывают о криминальной, уголовной стихии, которая выходит из берегов в ходе революционных событий, хотя мемуары выживших в ходе революции (та же сорокинская автобиография) фиксируют эту составляющую. Радикальный политический переворот – это всегда и «великая криминальная революция» (опять воспользуемся названием С. Говорухина), когда отличить революционных маньяков от уголовников, а также реально развести преследуемые ими интересы, зачастую попросту невозможно. Но главную вину за их победу несет несправедливая власть, которая усиленно *провоцирует* радикализм своей некомпетентной и неэффективной политикой.

Важным представляется то, что российские элиты, как и раньше, не воспринимают демократические выборы в качестве прививки от революционной эпидемии. Ставка делается на запрет и превентивное подавление оппозиционных действий, политического протеста. В ближайшей перспективе эта тактика вполне эффективна, «народ безмолвствует», большинство остается социально и политически пассивным. Но много ли людей, например, требуется для организации групп политических террористов?! Потенциальная опасность состоит в насильственных действиях меньшинства, выходе на арену радикальных группировок по образцу «Народной воли»¹, появлении групп людей, психологически и морально «переступивших порог», сочувствии их действиям со стороны молчаливого большинства, чьи интересы грубо игнорируются властвующей элитой РФ. Институциональная структура для разрешения социальных противоречий в стране по-прежнему отсутствует, а попытки создания современных политических ин-

¹ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9: Материалы разных лет.

ституты, предпринимавшиеся в прошлом десятилетии, вновь были грубо прерваны. Очередное «ущемление базовых инстинктов» не заставит себя долго ждать, о чем свидетельствует наступление нового экономического кризиса. Вот – «начала и концы» (как выражался Л. Тихомиров) грядущей революционной ситуации, а скорее всего, спонтанного развертывания очередного приступа русской смуты. Революции вызревают не одно десятилетие, но их начало выглядит спонтанным и неожиданным, а потом скорость их распространения подобна страшному лесному пожару... Вывод, к которому приходит Питирим Сорокин в конце своего фундаментального труда о революции, звучит так: «Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части населения...»¹.

Разве можно сказать, что нынешнее российское общество научилось жить и своевременно производить целесообразные реформы? Исследования и предупреждения Питирима Сорокина остаются весьма ценными и актуальными в России как для сегодняшнего, так и для завтрашнего дня. Важно расшифровывать их именно в этом актуальном социально-политическом контексте, а не прятать голову в песок «академизма».

¹ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – С. 411–412.

П.П. Кротов, А.Ю. Долгов

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ВОЙНЫ И КРИЗИСА
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ П.А. СОРОКИНА**

Многогранность творчества Питирима Сорокина до сих пор вызывает дискуссии о предметном приоритете его научных интересов. Его труды по проблемам социальной стратификации и мобильности, социальных кризисов и революций, социологии семьи, политической, военной и аграрной социологий, философии истории, методологии науки, а также глобалистики и уникального проекта «амитологии» пронизаны новаторскими идеями. И все же при всем разнообразии неутомимой исследовательской деятельности первостепенны и общепризнанны его заслуги в разработке теории социальных изменений. Изучение механизмов преобразования общественных систем, анализ сущностных черт этих систем и их взаимосвязь – вот те фундаментальные вопросы развития общества, которые занимали этого оригинального мыслителя на протяжении всей жизни.

Специфика Сорокина как ученого состоит в том, что его теоретические обобщения непосредственно вытекали из переосмысления собственного опыта очевидца, участника грандиозных исторических событий: под их влиянием формировались, выверялись и корректировались его научные взгляды. Катастрофы мирового масштаба – радикальный раскол на два противоборствующих типа общественного устройства, вызванный Первой мировой войной и ее тяжелыми последствиями для народов Европы; возникновение идеологии нацизма, которая привела мир к новому глобальному катаклизму, – Сорокин переживал и как личную трагедию. Война и кризисы были для него не только предметом аналитического внимания, но и своего рода «мотором» мировоззренческой

эволюции. Именно осознание их горьких уроков пробудило в нем потребность в исследовании и популяризации общественной роли неэгоистических начал в человеке.

Тема войны в работах П.А. Сорокина

С необходимостью размышлять о причинах и логике войны Сорокин столкнулся уже в начале своей научной карьеры, став непосредственным свидетелем перемен военного времени, революции и Гражданской войны в России. Политическая деятельность в рамках партии эсеров также требовала определенности оценок происходящего. С началом Первой мировой войны Сорокин занял позицию «патриотов», считая долгом ученого-обществоведа «добровольное участие в обороне Отечества» и «работе в той области, где его специальные знания были бы более всего полезны»¹.

Логическому складу ума ученого было трудно понять рациональность бессмысленного уничтожения людей. Может быть, поэтому в «Страничках из русского дневника»² и в «Социологии революции»³ войну и революцию он изображает неким чудовищем, порождаемым разрушительными силами общества и человеческого естества. Оно постепенно пожирает своих создателей, требуя все новых жертв, и лишь по его насыщению разбой прекращается. У войны – собственная динамика развития и потенциал истребления.

Такое аллегорическое восприятие войны и революции Сорокиным подпитывалось и наблюдением того, как нормальные люди перерождаются в «слуг чудовища». Его бывшие сокурсники в одночасье превращались в беспощадных комиссаров, отдавали приказы об уничтожении своих сограждан; односельчане непримиримо разделялись на «красных» и «белых». Даже его одноклассник по второклассной Гамской гимназии Фёдор Коковкин, став военным комиссаром Яренского уезда (в Вологодской губернии), объявляет Сорокина «врагом народа» вслед за вождем большевистской революции. Парадоксально, но вынесение смертного приговора, расстрелы сокамерников и ожидание Сорокиным соб-

¹ Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР: МП «Шыпас», 1991. – С. 77.

² Sorokin P.A. Leaves from a Russian diary. – N.Y.: Harper, 1927.

³ Sorokin P.A. The sociology of revolution. – Philadelphia: Lippincott, 1925.

ственной казни в 1918 г. происходили в небольшом городке – Великом Устюге, где почти все были родственниками или знакомыми. Ещё недавно между ними велись те же разговоры и споры, но никому даже в голову не приходило лишать жизни за то, что *думает* на свой лад. Что происходит с людьми? Есть только одно объяснение – война, заставляющая людей вести себя совершенно иначе, чем в мирной жизни. Мысли об этом не покидали ученого и после окончания войны.

Незадолго до вынужденного отъезда из России Сорокин публикует статью под названием «Война и милитаризация общества», в которой характеризует «идеально-предельное социалистическое общество», возникшее в России в ходе войны и революции¹. Это общество, где власть и ее агенты тотально регулируют и регламентируют поведение и взаимоотношения граждан: их деятельность, профессию, одежду, пищу, жилище, верования, убеждения, вкусы, брак, число детей и т.д. Люди здесь не автономные личности, не нечто самоценное, а собственность направляющей и управляющей ими власти. Говоря юридическим языком, здесь нет частно-правовых отношений, все отношения – публично-правовые, регулируемые сверху². Это общество, подавляющее права и свободы, отрицающее ценности добра, культуры, развития и самой жизни индивида, является «производным» войны с ее особыми законами, согласно которым победителем оказывается тот, кто лучше сможет подавить в себе нравственные начала, определяющие мирную жизнь.

Отвечая в статье на вопрос о причинах социальной деградации, Сорокин выделяет три фактора, определяющие черты милитаризованной организации послевоенного общества. Будучи в ту пору приверженцем спенсеровского взгляда на общество как на микрокосм всего живого (и шире – бихевиористской позиции), он, во-первых, говорит, об инерционности инстинкта общественного выживания, требующего тотальной централизации: «Централизация и всесторонняя регулировка сверху – душа всей военной организации и всей войны. Народ, часто воюющий, непрерывно дрес-

¹ Сорокин П. Война и милитаризация общества // Артельное дело. – Пг., 1922. – № 1–4. – С. 3–10.

² Сорокин П.А. Война и милитаризация общества // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994. – С. 356.

сируется в этом направлении»¹. Во-вторых, указывает на необратимость воздействий войны на уровне индивидуального сознания. Война, «вместо уважения к личности, проповедует и требует убийства, вместо уважения чужих прав – полного нарушения их, вместо любви – прививает злобу, вместо мирного труда – требует разрушения. Всё это не проходит даром ни для народа, ни для власти, ибо всякий наш поступок рикошетом отражается на нас самих и исподволь переделывает нас»².

Наконец, в-третьих, война «влияет на качественный состав населения ... уносит поля жизни лучших, [тех, кто был бы способен] инициировать перемены к мирному устройству и быть генератором созидательного развития. Вместо этого [она] оставляет выживать худший человеческий материал. В самом деле, в войнах гибнут, прежде всего, самые здоровые и самые трудоспособные возрастные группы, [что] служит также причиной, благоприятствующей росту милитаризации общества. Всякое правительство (как и все живые в мире) стремится к беспредельному расширению своей компетенции, вмешательства, опеки и власти, если оно не встречает препятствий со стороны подвластных»³.

Соответственно и причину революции Сорокин видел в ущемлении базовых инстинктов и потребностей человека. В работе «Социология революции», написанной уже в пражский период эмиграции и впервые опубликованной в США в 1925 г., он перечисляет следующие предпосылки революции: «1) рост ущемления главных инстинктов; 2) массовый характер этого ущемления; 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов...»⁴. Безусловно, современные теории революции не только расширяют этот перечень признаков, но и располагают их в разных «плоскостях»⁵. Однако его концепция революции, освобо-

¹ Сорокин П.А. Война и милитаризация общества // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994. – С. 358.

² Там же.

³ Там же. – С. 359.

⁴ Сорокин П.А. Социология революции. – М.: РОССПЭН: Территория будущего, 2005. – С. 323.

⁵ Ковалёв В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // Политическая экспертиза. – СПб., 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/571/30/>

дившаяся со временем от рамок упрощенного прогрессистского толкования, остается актуальной и по сей день.

Важно отметить, что уже в начале 1920-х годов, пытаясь найти объяснение страшной метаморфозы, случившейся с Россией, Сорокин рассматривал войну и революцию не как отдельно взятые явления «всемирного значения», но в контексте исторических аналогий подобных явлений, происходивших и в России, и в других странах. Однако концептуальную завершенность эта тема приобрела в гарвардский период его деятельности, когда он организовал работу над своим междисциплинарным международным проектом по систематизации знаковых для истории Западной Европы, России и Америки событий. Осуществить этот давний замысел Сорокину удалось через десять лет после переселения в США, когда он основал и возглавил факультет социологии в Гарвардском университете. Именно первый гарвардский проект занимает особое место в научном творчестве ученого, указывая на главный социологический вектор его мышления.

В проекте ставилась задача найти узловые территориальные точки радикальных общественных перемен и оценить степень их уникальности в исторической перспективе. На основе масштабного статистического материала проверялись различные модели объяснения общественного развития. Результаты обширного исследования составили фундамент теории флуктуации социокультурных систем. В отличие от прочих теорий социальных изменений (в том числе и популярного тогда марксизма), она исходила не из детерминированного движения «от простого к сложному», но из цикличности смены (флуктуации) культурных суперсистем. История человечества представала при таком описании как чередование одних и тех же типов социальных ценностей, разнящихся лишь конкретно-историческим содержательным наполнением и воплощением. Сорокин выделял три такие суперсистемы: чувственную, идеациональную и идеальную, или интегральную. Идеациональная система опирается на опыт веры и интуицию (пример – культура средневековой Европы). Чувственная система строится на эмпирическом познании (пример – культурная доминанта современности). Вершиной развития, по Сорокину, является интегральная суперсистема, осуществляющая синтез ценностей эмпирического и интуитивного мировосприятия в рациональном мышлении (примеры – культура Древней Греции V–IV вв до н.э. и Европа эпохи Возрождения).

Особо тяжелые времена общества переживают в периоды перехода от одной суперсистемы к другой, характеризующиеся жесткими ценностными конфликтами и вследствие этого ростом войн и революций. Именно в таком положении находилось, по мнению автора теории, западное общество в первой четверти XX столетия. Переходный период всегда характеризуется возрастанием конфликтности, столкновением различных ценностных систем и, как производное, ростом войн и революций.

Развернутая формулировка проблемы межсистемных столкновений и обоснование ее актуальности были представлены в работе «Социальная и культурная динамика» – четырехтомном издании, последний том¹ которого вышел в свет в 1941 г., когда в мире уже бушевала война. Прослеживаемые в ней закономерности общественного развития и выводы о надвигающейся катастрофе стали своего рода научным пророчеством, трагическое подтверждение которого разворачивалось на глазах читателей.

Свой анализ роли войны в общественных преобразованиях Сорокин продолжал и в это бедственное время. Теперь, в отличие от ранних суждений, ограничивающихся преимущественно субъективным опытом, его утверждения подкреплялись объективностью аналитически переработанного огромного массива статистических данных (967 войн и 1629 внутренних смут), касающихся наиболее значимых войн в истории человечества.

Для более точной оценки войн ученый ввел индекс, показывающий соотношение между количеством военных конфликтов и количеством жертв этих конфликтов на миллион человек населения. Сопоставив данные по войнам с показателями развития обществ Западной Европы, Сорокин установил закономерность возрастания этого индекса конфликтности в определенные периоды либо внутри общества (гражданские войны), либо между обществами (межгосударственные войны). В периодичности, повторяемости этих состояний, их подъеме и спаде он видел доказательство верности гипотезы возникновения войн как условия смены социокультурных ценностей.

Таким образом, Сорокин предложил методологию изучения феномена войны, инструментарий для оценки роли войны в системе общественных отношений и сравнительного исследования разного типа военных конфликтов. Он первым среди обществоведов

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: In 4 vol. – N.Y.: Bedminster press, 1941. – Vol. 4.

вывел это социальное явление за рамки идеологических оценок и исторической конкретики отдельного военного столкновения, выдвинув в качестве критерия показатели, применимые для любого общества, вне зависимости от политических режимов, идеологий и межгосударственных отношений. К таким показателям Сорокин причисляет серию абсолютных и относительных переменных, характеризующих размеры армий и их долю в составе населения страны, количество потерь в ходе войны, наконец, количество вооруженных конфликтов, регистрируемых в течение столетия.

Анализ уникальной статистики и сравнение показателей отдельных европейских держав в широком временном диапазоне (с XII в. по 1925 г.) привели к совершенно неожиданным результатам. Выяснилось, например, что кажущееся прямолинейным движение западной цивилизации по пути наращивания армий, увеличения частоты военных походов и масштаба потерь вовсе таковым не является. Динамика войн за тысячелетие свидетельствовала о флуктуации подъемов и спадов, при относительной неизменности показателей размера армий.

Какие же вопросы поднимает ученый в своем исследовании? Во-первых, он стремится выявить закономерности в динамике войн, характерной для Европы. Во-вторых, определить, какое бремя войны накладывают на общество и как меняется характер этого бремени в темпоральном измерении. В-третьих, прояснить очень деликатный вопрос об агрессивности отдельных государств и наций, пытаясь статистически проверить распространенные в середине 1930-х годов представления об исторически предопределенной роли «мирных» и «агрессивных» государств. В-четвертых, поднять вопрос о соотношении социального воздействия войны и мира как в целом в Европе, так и в истории отдельных стран. Наконец, Сорокиным ставится задача верификации модели циклического развития западного общества на материале военной истории. Иначе говоря, ученый стремится выявить, в какой мере военная история подтверждает или опровергает периодичность смены чувственной, идеациональной и интегральной ценностных систем.

Для разрешения этих вопросов Сорокин разработал систему основных индикаторов войны. Так, он выделяет абсолютные показатели – численность вооруженных сил и размер человеческих потерь. В число относительных показателей входят изменения в динамике давления военного бремени на общество в зависимости от численности населения отдельных государств и их сопоставление. Для показателей, трудно определяемых по историческим и стати-

стическим источникам, использовались демографические данные как конкретных стран, так и Европы в целом. Если точность статистических данных вызывала сомнения, объективность вычислений обеспечивалась тремя взаимодополняющими вариантами расчетов в соответствии с максимальными, минимальными и средними показателями численности населения по столетиям. Кроме того, Сорокин проводил сопоставления с неевропейскими регионами, в частности с Китаем.

Вся эта гигантская работа дала ему убедительное доказательство того, что тенденция к снижению числа и ослаблению силы военных конфликтов на протяжении истории не просматривается. Сорокин убедился и в том, что, несмотря на еще больший размах и смертоносность современных войн, наблюдается устойчивая тенденция к их росту. «Кривая войн флуктуирует, и это все, что можно сказать»¹. Историческая диалектика войны и мира демонстрирует примерно равные шансы на их временное доминирование. «Конечно же, — пишет Сорокин, — хотелось бы иметь определенность, даже если это определенность конца света. Однако наших пожеланий недостаточно, чтобы заставить историю следовать линии, которая не видна, или признать тенденцию, когда факты опровергают ее существование»².

На вопрос, возможно ли сокращение военных столкновений в будущем, Сорокин дает нетипичный для ученого ответ: «Я не знаю». Бесспорно одно: отсутствие линейного тренда в возникновении войн указывает на временность каждого из состояний. Ни война, ни мир не могут длиться вечно. Эти суждения остаются в силе и сегодня. После всего, что случилось в XX столетии, можно было надеяться, по логике Сорокина, что достигнута «точка насыщения», за которой произойдет спад милитаризации. Однако сценарий достижения нулевой отметки, как показывает время, остается лишь благим намерением.

Таким образом, прогнозы Сорокина сохраняют политическую актуальность. Исходя из них, сам он был сдержан в оценке вклада международных организаций, таких как Лига Наций, в дело сохранения мира. Признавая искреннее стремление их членов, а также участников внешнеполитических ассоциаций, всемирных конференций, пацифистских движений и т.д. регулировать между-

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: In 4 vol. — N.Y.: Harper & Row, 1967. — Vol. 3. — P. 360–361.

² Ibid. — P. 362.

народные отношения, он считал, что они не дадут результата, ради которого были созданы, и институционально обречены. По его мнению, они не многим отличаются от институтов *pax romana* в Римской империи или Римской католической церкви в Средние века, или даже от «Священного союза» императоров и королей после Наполеоновских войн в способности, а точнее беспомощности, сохранить продолжительный мир¹. «Если трезво посмотреть в будущее, – пишет Сорокин, – то вряд ли мы увидим на горизонте голубя, несущего оливковую ветвь вечного мира... Великая трагедия с ее *forte* и *piano*, по всей видимости, будет, продолжаться»².

Рассматривая феномен войны в контексте социокультурной динамики, он также затрагивает проблему соотношения войны и прогресса (технического и культурного). Эта тема была для него частью социологического вопроса о влиянии войны на историю нации. Среди четырех защищаемых им в связи с данным вопросом положений особенно важны следующие: 1. Общая тенденция в динамике войн не прослеживается ни для Европы в целом, ни для отдельных стран. 2. «В истории наций показатели масштаба войн, как абсолютные, так и относительные, имеют тенденцию к росту в периоды подъема и экспансии – политической, социальной, культурной и территориальной – столь же часто, как и в периоды спада. Своих наивысших точек показатели войны достигают чаще в периоды расцвета, чем в периоды упадка, и наоборот. Войны, как правило, чаще совпадают с периодами “потопления” ... каждой отдельной нации, когда ее политическое, военное, экономическое и культурное влияние на другие нации находится на спаде, чем тогда, когда нация находится на подъеме, или в расцвете»³.

Данное положение Сорокин обосновывает, прослеживая историю Греции, Рима и европейских стран. В частности, Россия становится державой международного уровня, а затем великой державой, начиная со времени правления Петра Великого, в конце XVII – начале XVIII в. В эти же столетия – XVII, XVIII, XIX вв. – в России наблюдаются самые высокие абсолютные военные показатели. Для Англии относительные показатели войны наиболее

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 1995. – P. 547.

² Ibid. – P. 564.

³ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: In 4 vol. – N.Y.: Harper & Row, 1967. – Vol. 3. – P. 364.

высоки в XVI–XVIII вв., и именно в это время Англия появляется на мировой карте как великая империя и культурный центр. Культурный, экономический, политический и международный вес Германии неуклонно растет от XVII к XX в. Особенно значительное влияние она приобретает в XVIII и XIX вв. Именно на этот период приходится ее наиболее высокие военные показатели. Франция достигает пика культурного признания и военного влияния в Европе в XVII–XVIII вв. Тогда же максимально за всю ее историю поднимаются ее военные показатели. Сорокин находит объяснение совпадению периодов расцвета стран и их военной активности в том, что национальный рост «упирается» в национальные границы и взоры обращаются в сторону наиболее слабых соседей, хотя редкая нация готова добровольно расстаться со своими ресурсами. Поэтому начинается обратное движение от внутреннего роста к милитаризации общества, нацеленного на внешнюю войну.

История культуры, подчеркивает Сорокин, трагична. Она отнюдь не совпадает с «вегетарианскими» ожиданиями теоретиков, которые утверждают, что культурный подъем несовместим с войной, что только мир стимулирует прогресс, что именно миролюбивые нации являлись величайшими созидателями культуры и что война в истории любой страны – признак ее упадка¹.

Между тем показатели числа открытий и изобретений в области естественных наук демонстрируют неуклонный рост начиная с XIII столетия. Едва ли, пишет Сорокин, это могло произойти, если бы войны оказывали лишь разрушающее воздействие на науку и искусство. В то же время именно тогда, когда показатели войны были наиболее низкие – во второй половине XIX в., уровень научно-технических достижений в Европе снижается. Во втором томе «Динамики...» приводятся многочисленные примеры, противоречащие утверждениям о мире как необходимом условии расцвета науки. Достаточно сослаться на один из них: как известно, XVII век был наиболее воинственным историческим периодом вплоть до начала XX в., но как раз он отмечен фундаментальными открытиями, заложившими основу современных наук².

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: In 4 Vol. – N.Y.: Harper & Row, 1967. Vol. 3. – P. 365.

² Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 1995. – P. 137.

Итак, для Сорокина в совпадении линий развития войны и культуры нет причинно-следственной связи. Отнюдь не война стимулирует культурное развитие, и не научные прозрения требуют практической реализации, в частности, в военном деле. Эти два явления параллельны. В них отражается действие более глубоких сил, которые одновременно участвуют в создании военной мощи и политического влияния, расцвета культуры и науки. Скорее, замечает ученый, здесь уместна аналогия с молодым здоровым организмом, о потенциале которого можно судить по его анатомическим, физиологическим, психологическим и другим чертам. Подобным же образом и расцвет социального тела обнаруживает себя в различных формах.

Об отсутствии прямой причинно-следственной связи между войной и прогрессом говорит и то, что далеко не все войны манифестируют рост биосоциальной и культурной мощи государства, региона и пр., так же как отнюдь не все периоды мирной жизни характеризуются заметными культурными свершениями. В этом смысле показательно сорокинское предположение о том, что Первая мировая война была, возможно, знаком распада эпикурейской культуры, просуществовавшей почти 600 лет, начиная с эпохи Ренессанса: «... Случайность это или нет, не так уж и важно. Важно то, что эти войны являются манифестацией “преклонного возраста” приближающегося к своему концу политического или социально-культурного образования, или концом эпохи в жизненном цикле истории»¹.

В книге «Социальная и культурная динамика» Сорокин, по-видимому, умышленно ушел от вопроса о причинах войны, для ответа на который чрезвычайно сложно найти надежную, проверяемую и поддающуюся объективному научному анализу эмпирическую информацию. Ни методологическая, ни эмпирическая основы для доказательных выводов к этому времени в науке разработаны не были. К тому же слишком значителен был разброс мнений на этот счет в науке о войне. Поэтому свои предположения он выносит за рамки прикладного исследования и включает их в контекст суждений о связи динамики войн с флуктуацией идеациональной и чувственной культур.

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 1995. – P. 369.

Главная мысль Сорокина относительно причин войн состоит в том, что их нельзя свести к какой-то одной или к отдельному классу причин, позволяющих объяснить большинство военных конфликтов на протяжении исследуемого периода. Собранные «данные по войнам» показывают, что «они случаются в периоды депрессии и процветания; в режимах авторитарных и демократических; в странах с высоким уровнем неграмотности и с высоким уровнем образования; в обществах аграрных и индустриальных; среди наций “консервативных” и “либеральных”; среди народов разных рас и национальностей; в международных ситуациях простых и сложных; в обществах с разнообразной религиозной структурой, плотностью населения и т.д. Ни один из этих, либо иных других факторов, взятых в отдельности, не может объяснить ни частоту распределения войн, ни их рост и спад во времени»¹.

Конкретные причины войн, с точки зрения Сорокина, относятся к такому классу явлений, которые вряд ли имеет смысл исследовать в рамках социологии, по крайней мере, рассматривать их в рамках общепринятого деления на политические, экономические, демографические и другие факторы. Более того, такая классификация, как оказалось при ее сопоставлении с реальной динамикой войн, малопригодна для объяснения их исторического тренда.

Разбор причин военных конфликтов Сорокин оставляет историкам с их вниманием к отдельным деталям событий и стремлением «поставить конкретный диагноз». Для социолога же попытка свести воедино все причины войн, с его точки зрения, так же бессмысленна, как и определение «средней температуры больных в отделении».

В «Динамике...» Сорокин лишь вскользь коснулся некоторых аспектов социологии войны «в ограниченном временном и географическом пространстве». Однако, как уже упоминалось, сделанные им выводы из анализа войн и наблюдаемых симптомов обострения международной обстановки в конце 30-х годов внезапно приобрели особую актуальность.

Он отчетливо видел неизбежность надвигающейся мировой катастрофы и потому не мог дальше оставаться просто нейтраль-

¹ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 1995. – P. 371.

ным философствующим ученым. Слишком хорошо ему был знаком кошмар войны, слишком близка была угроза войны для России, чтобы оставаться пацифистом. В 1937 г. Сорокин возвращался из Парижа с международного конгресса через Берлин и уже своими глазами наблюдал милитаристский угар, казалось, потерявшего разум населения, приветствовавшего расистские и реваншистские лозунги гитлеровской пропаганды. С конца 1930-х годов он начинает публиковать свои материалы о войне.

В 1938 г. в «Американском социологическом обозрении» появилась его статья «Забытый фактор войны»¹. Эта работа была научно-публицистическим дополнением к «Динамике...». В ней рассуждения о причинах войны выходили за рамки чисто научного анализа. Главным для социолога было привлечение внимания к военной тематике как самой злободневной глобальной проблеме, несмотря на кажущуюся в Новом Свете отдаленность военных действий.

В содержательном плане статья представляла собой критический обзор мнений по поводу причин возникновения войн, существовавших в научной литературе в конце 1930-х годов. Диапазон расхождений между учеными во взглядах на этот предмет Сорокина поражает: объяснение тонет в пестром перечне факторов – космических, биологических, культурных, экономических, религиозных, философских и пр. Столь «огромное разнообразие выдвигаемых причин, – замечает он, – достаточное свидетельство отсутствия действительного знания проблемы»². Особый полемический интерес вызывает у него марксистская трактовка, усматривающая причину войн в экономически детерминированной борьбе между господствующими классами. На его взгляд, она внутренне противоречива. «Сначала ее сторонники, – пишет он, – ссылаются на стремление “удержать то, что имеем, и взять больше” или на “империалистическое соперничество, вызванное нынешней экономической системой” и т.п. А затем [они же] уверяют нас, что “война не оправдывает себя”, что победители и побежденные обычно экономически проигрывают. Если не допускать абсолютной глупости и необучаемости всех народов, оба заявления, что причины войны – экономические и война себя не оправдывает, очень трудно примирить. Допускать абсолютную глупость едва ли

¹ Sorokin P.A. A neglected factor of war // American sociological rev. – Wash., 1938. – Vol. 3, N 4. – P. 475–486.

² Сорокин П.А. Забытый фактор войны // СоцИс. – М., 1999. – № 11. – С. 4.

разумно. Поэтому или причина неверна, или неверно то, что война никогда себя не оправдывает»¹.

Многие из положений этой работы сохраняют свою актуальность и сегодня. Так, например, в национализации военного производства Сорокин видел не предотвращение угрозы войны, а наоборот, возрастание вероятности вооруженных конфликтов: «...национализация производства вооружений, по всей видимости, приведет не к устранению войны или уменьшению ее вероятности, а к развитию особо мощного производства вооружений правительствами всех стран; прекращение международной торговли оружием (как при некоторых пактах о нейтралитете) подтолкнет сильные страны к еще большей агрессивности, а страны с неразвитой военной промышленностью превратит в добычу сильных стран. Вместо того чтобы сделать войну менее вероятной, эти меры могут усилить угрозу войны или, во всяком случае, едва ли ослабят ее»². В этом до сих пор мы убеждаемся, обнаруживая в каждом, даже локальном вооруженном конфликте, оснащение сторон самым передовым вооружением, произведенным в самых развитых странах.

Помимо экономического, другим типичным подходом к объяснению войн был и остается подход так называемой множественной каузальности, или комплекса причин, приводящих к войне. Сорокин также находит его аргументы неубедительными. «Указанный... конгломерат факторов нашей “множественной каузальности” остается ничем иным, как перечислением ряда случайных позиций, произвольно или спорно выбранных и выданных за причины. Ведь число приводимых факторов слишком велико, а их природа слишком несопоставима, чтобы иметь какую-либо ценность в качестве каузальной формулы»³.

Для него критерием правильности, или валидности, предлагаемых концепций является способность объяснить колебания в непрерывном возобновлении военных конфликтов, зафиксированных почти тысячью эмпирических наблюдений. Несоответствие именно этому критерию составляет «слабое звено» традиционных объяснений происхождения войн.

Все они упускают из вида социологический фактор, единственный, по убеждению Сорокина, позволяющий объяснить колебания вооруженных конфликтов в Европе в течение исторически

¹ Сорокин П.А. Забытый фактор войны // СоцИс. – М., 1999. – № 11. – С. 4.

² Там же. – С. 6.

³ Там же.

обозримого времени. Таким фактором является устойчивость системы социокультурных ценностей. От степени сбалансированности системы зависит состояние общественного сознания, надежность социальных ориентиров. Вероятность войны возрастает тогда, когда резко повышается уровень социальной аномии, когда происходит внутренняя поляризация ценностей либо между различными общественными группами (Гражданская война, революция), либо между государствами (межгосударственные войны).

Именно поэтому в формировании нацистской идеологии Сорокин видел симптом военного противостояния. Провозглашаемые Гитлером идеи и ценности расизма, реваншизма, «нового порядка» неизбежно вступали в противоборство с жизненными нормами и ценностями других, прежде всего европейских, государств. Тогда, когда эти ценности начали разделять другие государства, включая фашистскую Италию и Японию, стало ясно, что происходит накал антагонистических противоречий, в которые вовлекается весь западный мир. В этом смысле тоталитаризм, по мнению ученого, был лишь производной формой смены ценностей.

Точка зрения Сорокина на природу войны и историю развития западного общества вызывала много споров. Оппоненты часто упрекали его в недооценке исторической конкретики событий, в отвлеченности его утверждений и доводов. Из поля зрения критиков ускользал, однако, тот факт, что для выявления общих тенденций социального развития Сорокин использовал обширный эмпирический материал. Наблюдая скапливающиеся тучи, синоптики говорят о возможности дождя, который может и не начаться, но вероятность дождя очень велика. Именно в таком прогнозе видел Сорокин свою задачу. Ошибку других интерпретаторов проблемы войн он видел в том, что они не анализировали социальный феномен во всей его полноте, замыкаясь на частностях отдельного исторического эпизода. Значимость выводов его исследования, которое до сих пор остается чуть ли не единственным такого рода опытом в социологической науке, сохраняется и подтверждается событиями последнего десятилетия как в мире, так и в нашей стране, хотя, в данном случае, оправдывающийся прогноз отнюдь не радует.

Еще одной заметной работой Сорокина в русле осмысления войны стала книга «Кризис нашего времени»¹. Она так же, как и

¹ Sorokin P.A. Crisis of our age. – N.Y.: Dutton, 1941.

вышеописанная статья, представляла собой краткое изложение идей «Социальной и культурной динамики», рассчитанное на широкий круг читателей. В работе доступным языком объяснялось, в чем состоит кризис, что он несет обществу и человеку. Одновременно Сорокин призывал к активному противодействию угрозе войны, которая все же не является фатально неизбежной.

Многие американские ученые довольно скептически восприняли новый труд Сорокина, обвиняя его в отходе от науки в сторону религиозных нравоучений и предсказаний (так, например, Г. Барнс в своей рецензии назвал Сорокина «возможно, величайшим мастером литературы в современной социологии» и даже «св. Августином современной социологии»)¹. Тем не менее у широкой американской общественности книга вызвала положительный отклик.

В своей рецензии на «Кризис...» видный общественный деятель, социолог и правовед, профессор Н.С. Тимашев (в 1921 г. эмигрировавший из России) следующим образом резюмирует содержание работы: «По мнению Сорокина, “не войны создали кризис, а кризис вызвал войны; не Ленин, Сталин, Муссолини или Гитлер вызвали кризис, а кризис дал им возможность подняться зловещим созвездием над горизонтом современности”. Нынешний кризис – это коренной кризис культуры во всех ее составных частях, предвещающий полную перестройку культуры на новых основаниях, один из тех коренных кризисов, которые, по его мнению, происходят по самой природе вещей и которых было до сих пор три за тридцать веков истории западного человечества. Суждения эти предлагаются Сорокиным не как догадка, а как результат вдумчивого изучения невероятного количества фактов, относящихся ко всем сторонам культуры»².

«Кризис нашего времени» обозначил определенный поворот в творчестве Сорокина – теперь он стремился не просто вскрыть причины того или иного явления, но и дать рекомендации по устранению их негативных последствий. Все больший акцент в его работах делается на ценностных ориентациях и на моральном «здоровье» общества. Центральная мысль этой работы – системность кризиса. Его истоки лежат гораздо глубже уровня отноше-

¹ Зюев Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. – Сыктывкар: Эском, 2009. – С. 55.

² Тимашев Н.С. Кризис нашего времени // Русская жизнь = Russian life. – М., 1942. – 7 февраля. – С. 3.

ний между политиками и реваншистской агрессивности отдельных государств. Основная причина кризиса, по мнению Сорокина, это внутренние противоречия общества, основанного на чувственной культуре. «Основной вопрос нашего времени – не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма... Пока существует кризис, он будет производить новых гитлеров, сталиных, черчиллей и рузвельтов»¹.

Чрезвычайно важной в работе была резкая критика настроений «упадничества» и распространенных в западном обществе идей О. Шпенглера о смертельной агонии западного общества и культуры. Критиковалось мнение о нарастающей угрозе войны как о приближающемся Армагеддоне, который положит конец Европе. Для Сорокина кризис – это явление, которое регулярно происходит в истории человечества и означает лишь то, что на смену исчерпавшей себя одной системе ценностей (в данном случае – чувственной) идет другая. Впереди отнюдь не тупик, а поворот к новой социокультурной системе, новому расцвету созидательных сил человека. Сорокин пишет: «Точно так же, как смена одного образа жизни человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной базовой формы культуры на другую не ведет общество, проходящее такую трансформацию, к гибели... После хаоса переходного периода в конце Средних веков западное общество и его культура демонстрировали все великолепие созидательного потенциала в течение пяти столетий, вписав одну из самых ярких страниц в историю мировой культуры... Равным образом теперешнее разрушение чувственной формы никак не тождественно концу западной культуры и общества. Трагедия и хаос, ужасы и горе переходного периода конечны, они вызовут к жизни новые созидательные силы в новой интегральной форме, столь же значительной, как и пять веков эры чувственной культуры»².

Практически сразу после выхода «Кризис нашего времени» стал бестселлером научно-публицистической литературы не только в США, но и в десятке других стран, почти немедленно принявших за его перевод и переиздание.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – С. 432.

² Там же. – С. 433.

Как это ни парадоксально, книга, встретившая поддержку политиков и бизнесменов, священнослужителей и военных деятелей, среди американского социологического сообщества вызвала настороженность и скептицизм. Слишком уж явно она выходила за принятые тогда рамки узкодисциплинарных и чрезвычайно фрагментированных исследований. Это не мешало Сорокину жестко отстаивать свою точку зрения, бросая в лицо профессиональному истеблишменту нелепецприятные обвинения в очевидных пробелах в теории и в отсутствии способности социологического видения современного мира.

Семья Сорокиных в годы Второй мировой войны

Бесчеловечность фашистов, стремившихся уничтожить целые народы, сегодня повсеместно признается как чудовищное проявление геноцида. Очень часто такое понимание как некий неоспоримый факт переносится и на прошлый опыт восприятия. Однако до Великой Отечественной войны и даже какое-то время после ее начала отношение к Германии и Советскому Союзу в странах Запада было далеко не столь однозначным, и очень многим было непонятно, кто несет миру зло, а кто добро.

Активность германской пропагандистской машины в США была очень эффективной. Начиная с проведения Олимпийских игр 1936 г. и заканчивая деловыми заказами, которые создавали для американцев новые рабочие места, образ гитлеровского режима был далек от того, каким он станет для американцев к концу 1941 г. В 1930-е годы США не расценивали военные действия, начавшиеся в Европе, как начало Второй мировой войны. Считалось, что это – локальный военный конфликт между европейскими державами. Гитлер в это время старался завоевать симпатии США, пользуясь тем, что в Соединенных Штатах проживала многочисленная немецкая община, а в высших эшелонах власти действовало влиятельное прогерманское лобби. Кроме того, в США значительная поддержка оказывалась пацифистским организациям, всеми силами стремившимся избежать вступления США в войну.

Для Сорокина же не было и тени сомнения в том, что представляет собой «новый порядок» в Германии. Если революция 1917 г. в России произвела в сознании молодого ученого первый кардинальный мировоззренческий переворот, заставивший его отказаться от установок прогрессистского позитивизма и утилитаризма, то второе по силе воздействие на мировоззренческую сис-

тому уже зрелого теоретика произвела Вторая мировая война. Нападение фашистов на Советский Союз болью отозвалось в его сердце. Позиция Сорокина по отношению к борьбе с фашизмом четко отражена в интервью, взятом у социолога А.Л. Мейендорфом: «В нашей беседе о теперешнем положении нашей Родины, об Америке, о войне, об участии русских эмигрантов в событиях наших дней, — отмечает Мейендорф, — профессор Сорокин высказал свое искреннее чувство любви к Родине и желание всеми силами помочь ей отразить ничем не оправдываемое гитлеровское вторжение»¹.

Вот что сказал П.А. Сорокин в ходе этой беседы: «Второй фронт нужно было открыть давно... Его нужно открыть сейчас же, немедленно, чем раньше, тем лучше! Я не говорю это лишь для того, чтобы помочь России. Нет, второй фронт нужен сейчас прежде всего самим Англии и Америке, так как если сопротивление русских войск будет достаточно ослаблено или нейтрализовано, никакого второго фронта вообще не будет. Одни, без России, Англия и Америка не смогут противостоять большинству германских сил. Поэтому если мы, американцы и англичане, хотим выиграть войну, нам необходимо открыть фронт в Западной Европе именно сейчас, пока еще не поздно.

Идеологически гитлеризм — это вермишель самых несуразнейших теорий; морально — это возврат к варварству; политически — это утопия; в совокупности — абсолютно отрицательное явление. Так называемый “новый порядок” не стоит не только тех миллионов жизней, включая миллионы немецких жизней, которые были принесены в жертву Гитлером ради него, но и, как говорится, “ломаного гроша”.

Война на русском фронте не является войной одной армии против другой. Это война бандитов и разбойников, с одной стороны, и всего народа — с другой. Только так можно объяснить то единство, которое сейчас наблюдается сверху донизу во всем народе в Советском Союзе. Надо сказать, что и лидеры Советского государства оказались на большой высоте в этой войне. В общем, эта война чисто оборонительная. Таковой я считал всегда и Фин-

¹ Сорокин П.А. Война бандитов против народа: Профессор П. Сорокин за защиту Родины: Интервью / Мейендорф А. Л // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1942. — 26 августа.

ляндскую войну ввиду близости враждебной границы к такому большому городу, как Ленинград.

Историю Советской России... можно разделить на два периода: до 1930 и после 1930 года. За последние двенадцать лет Сов. Россия проявила большой культурный подъем. По музыке – благодаря работам Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и тех, о которых в Америке, к сожалению, еще не знают, – Сов. Союз занимает, несомненно, первое место в мире. По литературе, искусству, скульптуре и т.д. советские деятели достойно продолжают прекрасные русские традиции XIX века. Во всех этих областях культуры Сов. Россия не ниже любой другой страны.

В области наук до самой войны наблюдался большой расцвет. Советская математика – по свидетельству моих коллег-математиков в Харварде – особенно отличается. В естественных науках дело, начатое Менделеевым, Павловым, с честью продолжается молодыми советскими учеными.

Приблизительно с 1930 года в Сов. России развернулось колоссальное строительство. Были созданы сотни фабрик, заводов и гидроэлектростанций. Это строительство – факт, который нельзя отрицать. За несколько лет Россия превратилась в наиболее индустриальную страну в Европе и вторую в мире – после Америки. Не будь войны, через 20–30 лет Сов. Союз достиг бы высокого уровня жизни.

Мы, русские в Америке и американцы, должны все наши силы и средства сосредоточить на том, чтобы кончить борьбу против произвола и фашизма успешно. В частности, мы должны принимать участие в работе Рашен Вор Релиф¹. Может быть, некоторые скажут, что американское правительство и так посылает гораздо больше, чем может надеяться собрать Рашен Вор Релиф. Но доллары, собранные Рашен Вор Релиф, являются “теплыми долларами”. Рашен Вор Релиф имеет большое положительное моральное значение. Рашен Вор Релиф сближает Америку и всех нас с Советским Союзом. Культурное сближение наших двух больших стран имеет светлое будущее. Оно будет расти скорее и больше, чем многие даже сейчас этого ожидают.

Сам я и моя жена являемся одними из организаторов Рашен Вор Релиф в Бостоне. На днях моя жена приняла участие в сборе около \$2000 в Винчестере, предместье Бостона, где мы живем. Она

¹ Имеется в виду Фонд помощи воюющей России (Russian war relief).

часто говорит на собраниях в пользу Рашен Вор Релиф. Несколько раз я выступал на собраниях крупных американских общественных и культурных деятелей.

Этой осенью мы, очевидно, устроим десять больших лекций для широкой публики о России, на которых выступают крупные специалисты и научные деятели, главным образом, русские.

Всей этой деятельностью мы хотим как-нибудь отблагодарить Россию за ту помощь, которую она всем нам в Америке оказала и оказывает. То, что отсюда посылается через Рашен Вор Релиф, не является “помощью” или тем менее “благотворительностью”, но лишь выражением чувства глубокой признательности за то неизмеримо великое, за что мы здесь только начинаем по-настоящему благодарить»¹.

Таким образом, Сорокин свою позицию обозначил четко: гитлеризм – это возврат к варварству, а его приверженцы – бандиты. В обстановке отсутствия информации о реальной ситуации, осторожных официальных заявлений и, соответственно, относительно малой обеспокоенности населения событиями в Европе публичные выступления профессора самого престижного университета Америки, безусловно, обращали на себя внимание и заставляли американцев всерьез задуматься о близости этой войны. Вместе с тем его высказывания вызывали недовольство части истеблишмента; на Сорокина начали навешивать ярлык «коммунистического агента». Абсурдность таких заявлений была ясна даже для военных и политиков, знавших его по работам о революции в России и об отношении к нему в Советском Союзе. Сам ученый прекрасно понимал, что его позиция расходится с общественным мнением и с основным политическим курсом США. Однако кто-то должен был пожертвовать собственным спокойствием и благополучием, чтобы побудить общественность и правящие круги задуматься о том, к чему ведут политическое бездействие и стремление сыграть на противоречиях России и Германии.

Таким образом, для того чтобы разбудить американскую общественность, Сорокин делал то, что он умел делать лучше всего, – писать о войне и разъяснять, что она несет всему человечеству. В своих научных работах именно проблеме преодоления кри-

¹ Сорокин П.А. Война бандитов против народа: Профессор П. Сорокин за защиту Родины: Интервью / Мейендорф А.Л. // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1942. – 26 августа.

зисов и их последствий он посвящает большую часть времени и сил.

Внимания заслуживают не только теоретическое осмысление войн и публичные выступления Сорокина в поддержку воюющей России. По сей день малоизвестным фактом оставалась деятельность семьи Сорокиных в рамках благотворительного Фонда помощи воюющей России (Russian War Relief, RWR).

Фонд RWR был создан 11 сентября 1941 г. в Нью-Йорке на базе Американского комитета медицинской помощи Советскому Союзу. История его создания до сих пор до конца не ясна, но как бы то ни было, эта организация была ориентирована на простых американцев, ее целью было рассказать им о России и ее борьбе против фашизма, привлечь средства для помощи населению, пострадавшему от немецких оккупантов. Фонд RWR, хотя и был создан при поддержке правительства, тем не менее являлся общественной организацией и существовал на собранные частные средства¹.

Семья Сорокиных принимала активнейшее участие в деятельности этого фонда. Жена П.А. Сорокина, Елена Петровна, являлась руководителем Винчестерского и членом правления Массачусетского комитетов RWR, организовывала благотворительные мероприятия, выступала с публичными лекциями, сама шила и вязала одежду для пересылки в СССР. Конечно, то, что могла сделать одна семья, ничтожно в сравнении с масштабом тех бедствий, которые испытывали воюющие страны, но в данном случае ценность представляют сам факт солидарности с Россией и готовность приложить максимум собственных усилий ради победы. Деятельность семьи Сорокиных в годы войны, таким образом, не является ординарным событием, особенно если учесть резко негативное отношение к Сорокину и к его работам в СССР. В годы войны Сорокины показали ярчайший пример проявления созидательного альтруизма, изучением и популяризацией которого совсем скоро займется П.А. Сорокин.

¹ Подробнее об этом см.: Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. – Вологда: Древности Севера, 2011.

П.А. Сорокин об условиях мира без войны

Оживленные дискуссии и споры, вызванные публикациями Сорокина в конце 1930-х – начале 1940-х годов, самый факт их появления означали, что его движение «против течения» не пропало даром и заронило в американской общественности зерна осознания угрозы надвигающейся катастрофы.

Сорокин обладал уникальным талантом системного видения современного ему мира, что позволяло предугадывать развитие событий и предупреждать общество о «рытвинах и ухабах», еще невидимых на коротком отрезке дороги. При этом Сорокин мало заботился о том, насколько его научные выводы «укладываются» в официальные политические догмы, экспертные или модные теории. Он всегда обладал смелым и независимым собственным мнением. Его восприятие событий Второй мировой войны не стало исключением. В начале войны он предупреждал, несмотря на непопулярность такой точки зрения в пока еще безмятежной Америке, о ключевом значении России и Восточного фронта для всего мира. На ее исходе, когда было ясно, что Германия повержена, он смело выступил с мыслью о необходимости построения и сохранения послевоенного мира на основе тесного сотрудничества двух стран, несмотря на их полярные политические системы.

Книга «Россия и США», вышедшая в 1944 г.¹, как и предыдущие работы Сорокина, указывала на еще слабо осознаваемые даже политиками проблемы послевоенного устройства. В ней уже звучала тревога о мире, в котором две супердержавы будут доминировать в международных отношениях. Пытаясь показать фундаментальное сходство двух наций, Сорокин призывал правителей двух держав взять эти сходства за основу в послевоенном устройстве, понимая неизбежность политических разногласий.

В книге исследуются глубинные черты сходства американской и российской наций, их социальных, религиозных, культурных институтов, исторического развития. Эти параллели рассматриваются только как предпосылки сохранения длительного мира, а вовсе не как прообраз общества будущего.

Война стала для Сорокина водоразделом в понимании роли социальных наук и своего собственного предназначении как ученого. Разработав модель флуктуации социокультурных систем, Сорокин определил современную ему эпоху как стадию распада

¹ Sorokin P.A. Russia and the United States. – N.Y.: Dutton, 1944.

отживающей свой век чувственной системы и зарождение новой. Вместе с тем по-прежнему оставался вопрос, является ли заканчивающаяся война кульминацией этого перехода, или миру грозит еще одно, более трагичное бедствие, прежде чем точка насыщения войной будет пройдена, давая возможность для длительного мирного созидания.

Судя по книге «Россия и США», ученый ясно осознавал опасность перерастания Второй мировой войны в Третью, которую связывал, помимо всего прочего, с менталитетом руководящих кругов возникающих супердержав. Состояние умов по-прежнему соответствовало кризисному периоду с его стремлением к переделу мира. Это уже было на его памяти после Первой мировой войны, когда Версальский договор, вместо создания условий для позитивных социальных преобразований, лишь приблизил новую катастрофу.

Поэтому основной теоретической программой Сорокина становится выявление и формирование установок общественного сознания, способных поддержать ростки новой социокультурной системы и сохранить долгожданный мир. Ключевой задачей первого этапа он считает укоренение в среде правящих элит мировоззрения и моральных принципов, опирающихся на опыт совместной борьбы против фашизма, которые содействовали бы утверждению цивилизованного мирового порядка.

Работа «Россия и США» появилась вскоре после Тегеранской конференции и, безусловно, привлекла широкое внимание общественности и правительств. Уже с довоенного периода Сорокин неоднократно посылал свои труды руководству США, начиная с Герберта Гувера¹, интересовавшегося его работами еще в 1920-е годы в связи с деятельностью международной организации по борьбе с голодом в Поволжье, и заканчивая Джоном Кеннеди², президентство которого пришлось на период кульминации «холодной войны». Книгу «Россия и США», а также все последующие книги он отправляет как американскому руководству, так и руководству СССР³.

Как и во всех прежних его исследованиях, содержательный анализ в работе «Россия и США» был неотделим от оценки поли-

¹ См.: Письма Герберта Гувера // Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – С. 14.

² См.: Письмо Джоону Кеннеди // Там же. – С. 16.

³ См.: Письма из посольства СССР в США // Там же. – С. 142.

тической ситуации в мире. Теоретические положения и идеи переплетаются в ней с призывами к правительствам и общественности. Калейдоскоп политических событий вынуждал Сорокина так или иначе формировать по отношению к ним свою позицию и давал импульс к дальнейшей разработке концепции кризисной эпохи.

В «Динамике...» Сорокин заложил фундамент для последующего понимания, исследования и разработки отдельных аспектов войны – ее причин, влияния различных факторов на вероятность ее возникновения и т.п. В дальнейшем он сосредоточился на изучении специфического отношения к войне в современном обществе. В частности, он более детально обсуждает проблему существования мира без войны и условий для мирного развития. Ситуация на фронтах в 1943 г. уже давала оптимистический повод мировому сообществу к дискуссиям о подобных перспективах.

В теоретическом плане Сорокину важно было обосновать возможности мирного развития исходя из его видения кризиса и войн. Если войны возникают неизбежно, то откуда проистекает фундаментальная непримиримость между ценностными системами отдельных обществ, и сможет ли взаимовлияние ценностных систем сформировать общий ценностный базис для сохранения прочного мира? Исторический пример борьбы с нацизмом, когда существование одной, несовместимой с другими системы ценностей привело к объединению против нее государств с различными политическими режимами, национальными и расовыми составами, весьма обнадеживает, полагает ученый. Стратегическими задачами послевоенного устройства мира должны стать развитие, укрепление и сближение наций на основе разделяемых ими глубинных общечеловеческих ценностей. С практической точки зрения препятствием к объединению является «наносная пена» идеологических различий, поддерживаемая политическими партиями и правящими кругами. Неслучайно Сорокин начинает книгу с критики расхожего стереотипа американских политиков, путающих истинную задачу международного сообщества – уничтожить нацизм, с фиктивной боязнью «коммунистической революции»¹.

Основное заблуждение доминирующей политической доктрины США, которое и послужило поводом для написания книги, заключается, по мнению Сорокина, в игнорировании России как потенциального партнера в послевоенном устройстве мира.

¹ Sorokin P.A. Russia and the United States. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 2007. – P. 13.

В отношениях России и США Сорокин видел надежду на выход из дезинтегрирующей чувственной культуры и общего кризиса западной цивилизации. Их лидерство в мире за счет взаимного дополнения, баланса идеализма и реализма было бы способно, по мнению ученого, вывести человечество на новую созидательную фазу.

В переиздании книги, вышедшей в 1950 г., когда «холодная война» стала очевидной и от отношений между СССР и США зависела судьба всего мира, Сорокин добавил пассаж об опасности перерождения позиции мирового лидерства в милитаристский проект. Он писал: «Политика с позиции ничем не прикрытой силы с ее тягой к конфликтам, к сожалению, стала частью нашего сегодняшнего распадающегося мира». В то же время он подчеркивал, что противостояние двух держав не связано с их социокультурными системами, а обусловлено фактом того, что именно они оказались на гребне победы. «Окажись на месте России Англия или Франция, то аналогичное противостояние мы бы наблюдали между ними», – заключал Сорокин¹.

Таким образом, в работе «Россия и США» сделана попытка нащупать основы позитивной трансформации послевоенных отношений между двумя ведущими странами, сходным образом воспринимающими общечеловеческие ценности. Он считал, что, сплотившись в войне против фашизма, эти страны могут продолжить кооперацию уже в послевоенном мире, объединившись против общих врагов, разрушающих западную цивилизацию, – против смерти, зла, болезней, человеконенавистничества и обездоленности. Несмотря на утопичность подобных суждений, они несли положительный заряд надежды в противовес распространенным в то время ожиданиям всеобщего хаоса и скорого конца света. Тенденции развития современного мира и отношений между двумя странами, как показывают события нового тысячелетия, складываются именно так, как их видел ученый.

В следующей статье того же периода «Условия и перспективы мира без войны», опубликованной в 1944 г.², Сорокин еще ближе подходит к анализу возможностей сохранения мира после завершения войны. Здесь его прогноз формулируется жестче и

¹ Sorokin P.A. *Russia and the United States*. – New Brunswick (NJ): Transaction publishers, 2007. – P. 128.

² Sorokin P.A. *The conditions and prospects for a world without war* // *American j. of sociology*. – Chicago, 1944. – Vol. 49, N 5. – P. 441–449.

ставится в зависимость от изменения доминирующей ценностной системы. Статья начинается с броского подзаголовка: «Прочного мира не будет в рамках современной культуры»¹. Коль скоро каждый институт современного западного общества – от частной собственности до образования – пронизан конфликтами, враждой, воинственностью, ожидать длительного сохранения мирных отношений не приходится. Только смена господствующей нравственно-этической парадигмы сможет избавить общество от неизбежности войн. Как бы это ни казалось утопичным, по признанию Сорокина, другого выхода нет. Тем более что человечество не раз находило в себе силы уйти от самоуничтожения и сменить систему ценностей на созидательную и гуманистическую. Сорокин пишет: «Параллельно с бегством человечества от современной культуры те же стихийные силы создают и множат стремление к иным социально-культурным рамкам – более творческим, адекватным, менее разрушительным и болезненным. Это стремление – главный пункт повестки дня сейчас: почти все заняты проблемами будущего общества и культуры. Лишь немногие, ничего не забывшие и ничему не научившиеся, таят мысли о реставрации прошлого и оживлении отмирающих рамок. Подавляющее большинство понимает – если не путем расчетов и логического анализа, то простым здравым смыслом, – невозможность этого. Оно видит необходимость каких-то рамок, отличных от тех, что есть у нас сейчас.

На этом этапе в игру вступают истинно рациональные силы, выполняя направляющую роль. Всеми наличными мудростью и знаниями, с чувством высшего долга они пробуют создавать различные системные планы новых социокультурных рамок – проверять, совершенствовать их, отвергая менее адекватные и совершенствуя лучшие... Эта сила растет и тысячами способов начинает значимо влиять на ментальность и поведение людей, на науку и религию, философию и этику, изящные искусства и институты общества. Процесс этот медленный, развивается неупорядоченно изо дня в день. На этом пути много ошибок и собственных неудач. В целом его полная реализация займет несколько десятилетий, даже столетий. Рано или поздно, однако, он завершится свержением с престола господствовавших социокультурных рамок и подъемом к доминирующему положению рамок новых.

¹ «No lasting peace within contemporary culture and society».

Что касается нашей современной культуры, мы пришли к точке, в которой рациональные силы почти готовы действовать. Они могут создать новые социокультурные рамки, грубо приближенные к очерченным выше. Когда эта цель будет достигнута, утопия прочного мира станет реальностью»¹.

Еще одной идеей, призванной обосновать необходимость мирного развития и культурного взаимообогащения, становится идея конвергенции. Концепция конвергенции² Сорокина появляется в разгар «холодной войны», когда разворачивалось противостояние двух противоположных социально-политических систем. Конвергенция же предполагала их мирное сосуществование и постепенное слияние в новом социокультурном строе, называемом Сорокиным «интегральным». Так, если западный мир создал чувственную культуру, то возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, России становятся главными носителями факела творческого созидания в будущем. Поэтому взаимодействие культур выступает залогом благополучного развития человечества.

В 1950–1960-е годы в США теории конвергенции были напрямую связаны с теорией модернизации, согласно которой развивающиеся страны должны будут повторить западный путь развития. Конвергенция, по Сорокину, подразумевает не эклектичную смесь особенностей разных жизненных укладов, но «...систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистического и коммунистического образцов»³. В процессе конвергенции постепенно складывается «единый интегральный социальный, культурный и личностный строй в человеческой вселенной»⁴, «свободный от серьезных дефектов каждого типа»⁵. Таким образом, подобно химической реакции, «сцепление» качеств, прежде всего, американской и российской культур, приведет к появлению принципиально нового интегрального мира. Последствия сближения двух культур обнаруживают себя, на взгляд

¹ Сорокин П.А. Условия и перспективы мира без войны // СоцИс. – М., 1999. – № 5. – С. 10–11.

² См.: Sorokin P.A. Mutual convergence of the United States and the USSR to the mixed sociocultural type // International j. of comparative sociology. – L., 1960. – Vol. 1, N 2. – P. 143–176.

³ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – С. 116.

⁴ Там же. – С. 118.

⁵ Там же. – С. 115–116.

Сорокина, уже в середине XX в.: в исследовательских направлениях естественных и общественных наук, технологии, образовании, спорте, отдыхе, искусстве и т.д.

Процесс конвергенции происходит вне зависимости от желаний политиков, он определяется коллективными анонимными силами человечества – «общностью действий и противодействий каждого человеческого существа, каждой человеческой группы и, в конечном счете, всего человечества»¹. Именно политики своими необдуманными действиями способны разрушить эту тенденцию и ввергнуть мир в хаос, превратив «холодную войну» в «горячую». Понимая это, Сорокин помимо чисто научной деятельности занимался распространением своих идей среди западных политиков.

В письме американскому президенту Дж. Кеннеди от 23 мая 1961 г. Сорокин писал: «По моему глубокому убеждению, в настоящее время нет никаких рациональных причин для продолжения “холодной” и подготовки “горячей” войны между двумя странами. До тех пор, пока нынешние отношения не сменятся по-настоящему дружественными, ни одну из важных международных проблем нельзя будет разрешить успешно и нельзя будет предотвратить опасность взрыва новой войны. Я прекрасно понимаю все сложности, которые мешают установлению по-настоящему дружественных отношений между великими нациями, но я верю, что когда есть искреннее желание, то такие отношения могут быть успешно созданы, и с их установлением все другие проблемы мировой политики будут решаться на пользу нашей стране и всему человечеству»².

Борьба за мир в условиях «холодной войны» находила своих сторонников и среди авторитетных интеллектуалов XX в. На статью Сорокина «Война или новая внешняя политика» в «Нью-Йорк Таймс» откликнулся Альберт Эйнштейн, который предложил распространить ее как обращение, под которым поставят подписи другие видные ученые и общественные деятели³. Таким образом, интеллектуалы могли бы объединиться вокруг идеи изменения

¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – С. 129.

² Письмо Джону Кеннеди // Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – С. 16.

³ А. Эйнштейн – П.А. Сорокину, 21 января 1951 // Переписка с Альбертом Эйнштейном // Там же. – С. 36–38.

внешнеполитической доктрины для предотвращения новой мировой войны.

Теория конвергенции заложила основы других, не менее важных концепций и процессов XX в. В частности, постулаты конвергенции пересекаются с основами теории глобализации и теории интеграционных процессов. Например, европейская интеграция – это прямое развитие идей конвергенции, поскольку ее целью является установление взаимодействия для создания новой единой политической, экономической, социальной и культурной системы, которая сможет предотвратить любые возможные конфликты на европейском пространстве.

Конвергенция сегодня – это, прежде всего, свободное распространение знания. В ходе его передачи должно сложиться представление о существовании общечеловеческих ценностей, без которых на современном этапе невозможен культурный диалог между различными социальными, национальными, культурными и религиозными сообществами. Поэтому важнейшей задачей политических элит России и США становится поиск каналов передачи такого знания. По сути дела, речь идет о создании институтов, которые смогли бы регулировать и направлять развитие «точек соприкосновения» двух культур.

Созидательный альтруизм как фактор преодоления войн и кризисов

Изучая социокультурные системы, Сорокин пришел к выводу о том, что их изменение невозможно без изменения человека. В Гарвардском центре по изучению созидательного альтруизма он предпринимает новую серию исследований механизмов самосохранения и согласия, заложенных в самом человеке, которые позволили бы осуществить это изменение, придать ему определенность и направление. Преобразующую силу души он находит в любви и альтруизме. С этого момента он занимается продвижением нового направления в социологической науке – «амитологии».

По иронии судьбы в американской послевоенной социологии резко возрастает роль прикладных теорий и исследований, ориентированных на сохранение внутривнутриполитической стабильности, на успехи в бизнесе и т.п. Сорокин наперекор интеллектуальной моде погружается в прикладные исследования, направленные на формирование «нового человека», способного вывести общество из кризиса. Новое направление опирается на предположение,

что в эпоху кризиса происходит моральная поляризация – проявление наиболее низменных и наиболее высоких качеств человеческого духа. Задача науки – осмыслить феномен позитивных девиаций как наиболее высоких выражений нравственной позиции, с тем чтобы разработать социальные технологии для генерирования моральных установок, способных вывести общество из кризиса. По мнению ученого, только на основе любви и альтруизма общество сможет продолжить свое развитие и предотвратить деградацию и распад.

В «Динамике...» ученый обосновал наступление дезинтеграции существующей чувственной культурной системы и связанного с этим глубокого социального кризиса. В таких условиях кровопролитные войны, революции, тоталитарные режимы и другие катастрофы являются производными от кризиса культурной системы. Согласно сорокинской теории, «по мере того, как культура становится более проблематичной, люди отбрасывают эту культуру и ищут ей живую альтернативу»¹. Следовательно, необходимо понять и признать, что «...великая задача нашего и следующих поколений состоит не в безнадежном воскрешении того, чего уже нет, а в решении других проблем: во-первых, сделать этот переходный *dies irae, dies illa*² как можно более безболезненным, во-вторых, составить конструктивные планы для будущего общества и будущей культуры»³. Теоретическая интуиция уже тогда подсказывала ему, что «самая насущная потребность нашего времени – это человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою личную ответственность в мире»⁴.

Так, от изучения социальной и культурной динамики культурных суперсистем взгляды Сорокина эволюционировали в сторону изучения поведения отдельных индивидов и выявления в их поведении неэгоистических мотивов. По Сорокину, развитие альтруистических начал в человеке должно способствовать переходу

¹ Джеффрис В. Интегрализм П.А. Сорокина: Новая общественная наука и реконструкция человечества // СоцИс. – М., 1999. – № 11. – С. 16.

² «День гнева, тот день» (лат. «*Dies irae, dies illa*») – начальные слова католической секвенции о Судном дне.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – С. 790.

⁴ Там же. – С. 794.

к новому типу интегральной культуры, способной объединить в себе все позитивные достижения человечества.

На уровне своей теоретической конструкции Сорокин реконструировал целостность общественной системы как равновесие между внутренними и внешними регуляторами ее развития и моделировал «мостик», соединяющий человека с его ценностями. Он добивался включения исследований феномена альтруизма в предметное поле социологии наряду с другими социальными явлениями и именно в альтруизме видел спасительную для человечества силу. Западная наука делала ставку на изучение рациональных стратегий поведения, эмпирическое подтверждение которых не вызвало затруднений. В отличие от них альтруизм – сложноуловимая для наблюдения категория явлений. По замечанию самого Сорокина, «любовь подобна айсбергу: видна лишь малая его часть, но даже эта видимая часть малоизвестна»¹. Взяв на себя риск первопроходца в деле изучения альтруистических начал, Сорокин не избежал осуждения социологического сообщества. С точки зрения современников, он превратился в философа-утописта и теософа. Его призывы к научному исследованию альтруистического образа мысли и действия воспринимались как религиозные проповеди.

В XX в. Питирим Александрович Сорокин был одним из первых, кто предложил ввести в область социологического анализа альтруизм как социальный феномен, как ресурс созидательной энергии общества. В своих научных трудах 1950–1960-х годов он доказывал, что ни государственные институты, ни экономическое благополучие, ни образование и прогресс сами по себе, без активизации созидательной энергии альтруизма, не смогут стать панацеей от социальных бед и катастроф.

Сорокин не призывал к построению новой утопии – бесконфликтного общества, построенного на принципах любви, – он просто обращал внимание на необходимость научного осмысления и социального культивирования позитивных созидательных сил. Любовь, утверждал он, влияет не только на биологическую эволюцию и межличностные отношения, она «воздействует на всю социальную и культурную жизнь человечества»², поэтому общественные науки должны выявлять, изучать и активно раскрывать

¹ Sorokin P.A. The ways and power of love: Types, factors, and techniques of moral transformation. – Radnor (PA): Templeton press, 2002. – P. 3.

² Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // СоцИс. – М., 1991. – № 8. – С. 134.

потенциал прикладного использования теории созидательного альтруизма. Современные исследования показали, что альтруизм является одним из базовых факторов таких общественных феноменов, как межгрупповое согласие, солидарность, добровольческие движения, благотворительность, социальная ответственность¹. Эти выводы открывают перспективы практического применения теории амитологии для разработки стратегий гармонизации межгрупповых и приватных отношений.

Безусловно, задача альтруистической трансформации общества труднодостижима. Проблемными представляются как практическое осуществление данного проекта, так и разработка методологии социальных исследований. Во многом это связано со «стойкостью эгоистической модели в социальных науках и культуре в целом, которая не придает серьезного значения альтруизму в человеческих взаимоотношениях»². Сам Сорокин писал о том, что движение к альтруистической любви должно инициироваться отдельными людьми и целенаправленно проектироваться на микро-, мезо- и макроуровне общества и культуры³. Для успешности любых значимых реформ необходима «масштабная мобилизация» всего позитивного потенциала человека, общества и культуры.

Сорокин прошел длинный, непроторенный исследовательский путь от анализа сущности войн до амитологии – науки о мире, любви и формировании начал, способных уберечь человечество от самоуничтожения. Он эмпирически доказывал необходимость развивать в человеке основы созидательного альтруизма – универсальной силы, потенциал которой создаст здоровое общество, где никогда не повторится ужас тех бедствий, свидетелем которых пришлось стать великому мыслителю.

¹ См.: Altruism and social solidarity: Envisioning a field of specialization / Jeffries V., Johnston B.W., Nichols L.T., Oliner S.P., Tiryakian E., Weinstein J. // *The American sociologist*. – N.Y., 2006. – Vol. 37, N 3. – P. 67–83.

² Weinstein J. Creative altruism: The prospects for a common humanity in the age of globalization // *J. of futures studies*. – Taipei, 2004. – Vol. 9, N 1. – P. 55.

³ Altruism and social solidarity. – P. 76.

РЕФЕРАТ

Джеффрис В.

НАУЧНАЯ СИСТЕМА ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Jeffries V.

The scientific system of public sociology:

The exemplar of Pitirim A. Sorokin's social thought //

Handbook of public sociology. –

Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2009. – P. 107–120.

В статье, написанной Винсентом Джеффрисом, профессором Калифорнийского университета (г. Нортридж, США), анализируется система социологии Питирима Сорокина. Методологической основой данного анализа явился проект публичной социологии Майкла Буравого. По мнению В. Джеффриса, социология П. Сорокина служит идеальной иллюстрацией идей М. Буравого, поскольку она образует единую систему, и, кроме того, в ней можно обозначить, вполне в соответствии с проектом Буравого, четыре взаимосвязанные составляющие, а именно: социологию профессиональную, критическую, политическую и публичную.

Профессиональная социология представляет собой общие теоретические исследования. По мысли Буравого, она определяет научный статус дисциплины. Поэтому, утверждает Джеффрис, именно она лежит в основе любой социологической системы. С нее он и начинает свой анализ.

Базовый социологический феномен для Сорокина – социальное взаимодействие, а триединый объект его исследований составляют личность, общество и культура. В проводимых Сороки-

ным исследованиях данных феноменов Джеффрис выделяет структурный и динамический компоненты.

Структурную перспективу в исследованиях общества автор усматривает в интересе ученого к таким вопросам, как: формы социального взаимодействия; факторы, предопределяющие тенденции солидарности либо антагонизма; характеристики организованных групп; социальная стратификация; природа социального пространства и времени. В рамках исследования культурной динамики Сорокин изучал вопросы социальной мобильности и развития групп, проблематику кризисов, революций, войн и мира.

Структуру культуры Питирим Сорокин анализировал на примере культур с высокой степенью внутренней интеграции. Выделяются три основных типа интегрированной культуры: идеациональная, в которой преобладают духовные ценности, а реальность объясняется действием сверхъестественных сил; чувственная, где, напротив, доминируют материальные ценности; идеалистическая, для которой характерно гармоничное единство духовного и материального при примате первого. Развитие потенциала идеациональной культуры превращает ее в культуру идеалистическую. Философия последней – идеалистический рационализм. Такая культура – Сорокин еще называет ее интегральной («integral») – существовала в Греции в V–IV вв. до н.э. и в XIII–XIV вв. в Западной Европе. Наиболее яркое отражение она нашла в трудах Платона и Фомы Аквинского.

В области культурной динамики ученый исследовал зарождение и упадок культурных систем и, в частности, флуктуации в процессе развития трех основных типов интегрированной культуры. Структура личности, согласно Сорокину, включает в себя биологическое эго двух типов, сознательное и бессознательное, социальное эго и супер-эго. Биологическое эго отвечает за базовые потребности человека, социальное эго является отражением тех взаимодействий, в которые человек вступает, супер-эго служит источником креативности и духовности. Самая важная составляющая супер-эго – альтруистическая любовь, поскольку она способна изменить и человека, и всю социокультурную вселенную (с. 110). И если обычная личностная динамика представляет собой продвижение по стадиям жизненного цикла (детство, юность, зрелость, старость), а также изменения в объеме и характере социальных контактов на протяжении жизни, то, приумножая альтруистическую любовь, человек вступает на путь особой личностной динамики, получившей название альтруистической трансформации.

Целостный характер, иначе интегрализм, – это, с точки зрения автора статьи, одна из наиболее важных черт исследовательского видения Питирима Сорокина. Личность, общество и культура предстают у него взаимозависимыми системами, а их структура и динамика взаимосвязанными. Характерной особенностью профессиональной социологии Сорокина также являются классификация, анализ и критика основных социологических направлений и концепций.

Следующий элемент, который в творческом наследии Сорокина выделяет Джеффрис, – это критическая социология. В рамках этой составляющей социологической системы изучаются и оцениваются общественные ценности и мораль, а также морально-ценностные аспекты самого социологического исследования. М. Буравой называет критическую социологию «совестью социологии»¹.

В критических работах Питирима Сорокина содержится анализ социальных проблем и патологий, а также представлены модели развития, которые бы содействовали росту общественного блага в большей степени, чем те, что существуют на данный момент. Критика направлена и на социологию как научную дисциплину и моральную практику, и на общество в целом. Социологии так и не удалось реализовать свой потенциал, а ее методология далека от совершенства. Отсутствует качественное разграничение с естественными науками. В результате, социология практически не способна реально содействовать борьбе с социальными патологиями и служить приумножению общественного блага.

Питирим Сорокин считает возможным направить развитие социологии в качественно иное русло. Для этого он предлагает разработать систему онтологии и эпистемологии, в которой были бы приняты во внимание и чувственные, и сверхчувственные, и рациональные аспекты реальности и способы познания, а также сформулировать некую концепцию блага, которой ученые могли бы руководствоваться в своей работе. Среди частных методологических предложений – большой акцент на синтезе и генерализации.

Между тем Сорокин придерживался мнения, что все современное ему общество пребывает в кризисе. Ценности этого общества антигуманны. Чувственно-эмпирическая культура получила

¹ Burawoy M. For public sociology // American sociological rev. – Wash., 2005. – Vol. 70, N 1. – P. 4–28.

чрезмерное развитие в ущерб другим культурным формам. Среди этических представлений преобладают скептицизм, релятивизм и гедонизм. Семейные отношения нестабильны. Искусство по большей части асоциально. Нередки конфликты и, в конечном итоге, войны. Значительная власть сосредоточена в руках небольшого числа людей, которые часто используют ее во вред.

Ответом на данный кризис, по мнению мыслителя, должны стать истина, добро и красота. Истина и добро послужат позитивному развитию социологии. Наивысшее воплощение добра – любовь. Любовь, как ничто иное, способствует интеграции и гармонии во вселенной. Именно она лежит в основе моральных постулатов всех основных религий.

На уровне межличностных отношений этот феномен принимает форму альтруистической любви, проявляющейся в дружбе, сотрудничестве, взаимовыручке и самопожертвовании. Минимальная степень альтруистической любви необходима для выживания группы. Тем не менее эта форма любви приносит пользу и самому индивиду: как показывают различные исследования, те, чья жизнь наполнена альтруистической любовью, дольше живут, реже болеют, в целом получают от жизни больше удовольствия.

На уровне общества любовь находит свое отражение в солидарности. В большинстве групп солидарность и антагонизм присутствуют в различных пропорциях. В группах с наиболее высокими показателями солидарности любовь бескорыстна и не вызывается утилитарными или гедонистическими мотивами. Обычно подобные взаимоотношения можно наблюдать в семье. В то же время для групп, в которых связь между их членами носит принудительный либо исключительно деловой, «контрактный» характер, такие отношения не столь типичны.

Что касается культуры в целом, то ее статус соотносится с тем, насколько в ней развиты солидарные отношения. В культурах, чьими ценностями являются любовь, симпатия, взаимовыручка, будет широко распространена солидарность. Если же особую важность представляют материальные ценности и собственные эгоистические интересы, превалирующей тенденцией будет антагонизм. Сорокину предпочтительным представляется первый вариант. Такова описанная выше интегральная культура. Для нее будут характерны стабильные семейные отношения и всеобщая солидарность (т.е. солидарность не только групповая, но и межгрупповая; иначе возможны конфликты между группами).

По мнению Сорокина, социология и другие социальные науки могут сыграть важную роль в укреплении любви и солидарности, помогая людям лучше узнать и понять указанные явления. Для этого ученым необходимо осуществлять следующие задачи: документировать негативные последствия асоциального поведения и военных действий, анализировать этические системы, способствующие росту солидарности, популяризировать техники альтруистической трансформации. Наука, философия и религия должны объединить усилия во имя общего блага.

Еще одна составляющая социологической системы Сорокина, о которой пишет Джеффрис, – политическая социология, т.е. социология социальной, культурной политики («policy sociology»). По словам М. Буравого, политическая социология настолько легитимна, насколько она эффективна.

Объектом исследований Сорокина является триада «личность – общество – культура», и все три феномена он считает необходимым трансформировать. Наиболее очевидный и в то же время эффективный способ изменения, который может предпринять в своей повседневной жизни каждый человек, – это альтруистическая трансформация. Ученый предлагает ряд техник для достижения данной цели. Некоторые из них имеют вид групповой практики, другие – к ним, в частности, относятся добрые дела и альтруистическая самоидентификация – человек способен осуществить самостоятельно.

Сорокин убежден, что от личностной трансформации пролегал прямой путь к общественной трансформации. Для начала человеку достаточно проявлять больше любви к самым близким – родственникам и друзьям, постепенно расширяя такое отношение вплоть до всех членов тех сообществ, в которых он состоит. Если же все сообщества станут вести себя подобным образом, будет достигнут базовый уровень социальной трансформации. Чтобы изменить всю культуру в целом, необходимо, чтобы солидарность и интеграция стали ведущими принципами жизнедеятельности общества. Также нужно – за счет реализации соответствующих программ – добиться того, чтобы власть действовала во благо людей, а не во вред им.

Наконец, четвертой составляющей социальной мысли Сорокина является, с точки зрения автора статьи, публичная социология. Данная область социологии предполагает обсуждение тех или иных социологических вопросов с непрофессионалами, будь то представители какой-то отдельной социальной группы или самые

широкие общественные круги. По мысли ее пионера и пропагандиста М. Буравого, статус публичной социологии определяется ее релевантностью для общества.

Джеффрис считает Сорокина первым публичным социологом. Среди его работ есть такие, которые адресованы непосредственно широкой общественности. Они основываются на его фундаментальных трудах и имеют своей целью донести до читателей-непрофессионалов как суть основных проблем современности, так и потенциальные способы их решения. Среди основных тем, затрагиваемых в этих работах, – кризис современной культуры и пути его преодоления; важность альтруистической любви; проекты личностной, общественной и культурной трансформации; программы по противодействию властным злоупотреблениям. С точки зрения Джеффриса, подобная публичная социология несет в себе доступную для каждого человека программу индивидуальных и коллективных действий по переустройству общества и культуры.

Публичная социология Сорокина, завершает свой анализ Джеффрис, проистекает из трех других форм его социальной мысли и содержит в себе все необходимые предпосылки для открытого и эффективного диалога с обществом о лучшем мире и о том, как его можно достичь.

Я.В. Евсеева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дойков Юрий Всеволодович – кандидат исторических наук, независимый исследователь и журналист (г. Архангельск).

Долгов Александр Юрьевич – редактор русскоязычного портала Фонда Питирима Сорокина.

Евсеева Ярослава Вячеславовна – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, заведующий отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета.

Кротов Павел Петрович – доктор философии университета Мэдисона – Висконсина, исполнительный директор Фонда Питирима Сорокина (г. Винчестер, США).

Лазебная Ксения Павловна – аспирант, преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики.

**ПИТИРИМ СОРОКИН:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ**

**Сборник
научных трудов**

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 22/XI – 2011 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 14,5 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 300 экз. Заказ № 199

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: market@INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9